

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

№ 4 (36)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2019**

VESTNIK

MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

PHILOLOGY. THEORY OF LINGUISTICS.

LINGUISTIC EDUCATION

№ 4 (36)

Published since 2008

Quarterly

Moscow

2019

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:**Реморенко И.М.**

председатель

Рябов В.В.

заместитель председателя

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

Агранат Д.Л.

ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент,
почетный работник общего образования Российской Федерации
президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО
первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук,
профессор, академик РАО
проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ,
доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:**Тарева Е.Г.**

главный редактор

доктор педагогических наук, профессор

Викулова Л.Г.

заместитель главного редактора

доктор филологических наук, профессор

Смирнова А.И.

заместитель главного редактора

доктор филологических наук, профессор

Алмазова Н.И.доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский
государственный политехнический университет Петра Великого)**Афанасьева О.В.**

доктор филологических наук, профессор

Беляева И.А.

доктор филологических наук, профессор

Бубнова И.А.

доктор филологических наук, доцент

Борботько Л.А.,

ответственный секретарь

кандидат филологических наук, доцент

Геймбух Е.Ю.

доктор филологических наук, профессор

Джанумов С.А.

доктор филологических наук, профессор

Кафтанджиев Христодоктор филологии, почетный доктор, профессор
(Софийский университет им. св. Климента Охридского, Болгария)**Курдюмов В.А.**

доктор филологических наук, профессор

Матвеева И.И., секретарь

кандидат филологических наук, доцент

Поршинева Е.Р.доктор филологических наук, профессор (Нижегородский
лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова)**Прохоров Ю.Е.**доктор филологических наук, доктор педагогических наук, профессор
(Санкт-Петербургский государственный университет)**Радченко О.А.**доктор филологических наук, профессор
(Московский государственный лингвистический университет)**Романова Г.И.**

доктор филологических наук, доцент

Сагаэ Мицунори

доктор филологии, доцент (Университет Сока, Токио, Япония)

Собянина В.А.

доктор филологических наук, профессор

Сулейманова О.А.

доктор филологических наук, профессор

Сурьянараян Нилакши

доктор филологии, профессор (Делийский университет, Индия)

Тышковска-Каспшак

доктор филологии, доцент

Эльжбета

(Вроцлавский университет, Польша)

Чернявская В.Е.доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербургский
государственный политехнический университет Петра Великого)**Чупрына О.Г.**

доктор филологических наук, профессор

Языкова Н.В.

доктор педагогических наук, профессор

Ярыгина Е.С.

доктор филологических наук, профессор

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Беляева И.А., Круглова Е.Е.* «Восточная легенда» И.С. Тургенева: психоаналитические смыслы лирического высказывания 8
- Захарова О.К., Смирнова А.И.* Зоопозитика «Диких животных сказок» Л.С. Петрушевской.....17
- Быстрова Т.А.* Герой современного итальянского романа-автофикшн: скольжение по грани27

Русистика. Германистика. Романистика

- Соколов А.И., Малышева И.А.* «Монархия Турецкая» в переводе П.А. Толстого как источник изучения русского языка начала XVIII в.34
- Лызлов А.И.* Оценочный потенциал зоонимических концептов в английских фразеологизмах44
- Клейменова Н.М., Абакарова Н.Г.* Тематическая сетка *exclusion* в романах современных французских писателей51

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

- Игнатьева Т.Г.* Презентационный дискурс в диахроническом тексте.....59
- Сладкевич Ж.Р.* Персональный имидж: к вопросу об определении понятия68

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

- Млечко Л.Е.* Методика организации урока литературы в 11-м классе на основе системно-деятельностного подхода к обучению81
- Борисова И.В.* Разработка грамматического практикума по английскому языку для магистрантов неязыковых направлений90

Слово молодым ученым

- Попугаева А.Ю.* Электронная выставка как продвигающий текст на сайте Национальной библиотеки Франции.....101
- Мозесон А.Ю.* Языковые средства метамоделирования образа художественного персонажа в критических публикациях XX в.107
- Качанова А.А.* Языковая специфика объявлений на страницах газеты «Речь» 1917 г.113
- Якунин А.С.* Интертекстуальность и мифопоэтика «мидлендской» трилогии М. Карп120

Критика. Рецензии. Библиография

- Сулейманова О.А., Нерсесова Э.В.* Рецензия на коллективную монографию «Дидактика перевода: традиции и инновации» (отв. ред. Н.Н. Гавриленко. М.: Флинта, 2018. 223 с.)..... 128
- Дубинина Т.Г.* Рецензия на монографию В.Б. Катаева «К пониманию Чехова. Статьи» (М.: ИМЛИ РАН, 2018. 247 с.)..... 134

Научная жизнь

- Васильев С.А.* Межвузовская научно-практическая конференция с международным участием «Национальный стиль русской литературной классики» (2013–2019).....138

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 2019, № 4 (36) 141

Требования к оформлению статей 147

CONTENTS

Literary Science

- Belyaeva I.A., Kruglova E.E.* «Eastern Legend» by I.S. Turgenev:
Psychoanalytic Meanings of the Lyrical Statements 8
- Zakharova A.V., Smirnova A.I.* Zoopoetics in «Wild Animals Tales»
by L.S. Petrushevskaya..... 17
- Bystrova T.A.* On the Razor-Edge: Protagonist of the Hypermodern
Italian Autofiction..... 27

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

- Sokolov A.I., Malysheva I.A.* «The Turkish Monarchy» in P.A. Tolstoy's
Translation as a Source for Studying Early Eighteenth-Century Russian..... 34
- Lyzlov A.I.* Evaluative Potential of Zoonymic Concepts
in English Phraseological Units on the Example of Publicist Text..... 44
- Kleimenova N.M., Abakarova N.G.* *Exclusion* Thematic Grid
in the Novels by Contemporary French Writers..... 51

Linguistic Theory. Cross-cultural Communication Theory

- Ignatieva T.G.* Presentation Discourse in Diachronic Text 59
- Sladkevich Zh.R.* Personal Image: on the Definition of the Concept 68

Language Teaching. Methodology of Teaching Philological Disciplines

- Mlechko L.E.* Literature lesson in the 11th Form on the Basis
of System-Activity Approach: Lesson Plan..... 81
- Borisova I.V.* On Designing a Workbook in English Grammar
for Non-Linguistic Master Students..... 90

Young Scientists' Platform

- Popugaeva A. Yu.* On-line Exhibition as a Promoting Text for the Site of the National Library of France 101
- Mozeson A. Yu.* Linguistic Means of Metamodeling the Fiction Character in the Critical publications of the XX Century 107
- Kachanova A.A.* Linguistic Features of the Advertisements in the Newspaper «Retch» Issued in 1917 113
- Yakunin A.S.* Intertextuality and Mythopoetics of the Midland Trilogy by Marina Carr 120

Criticism. Reviews. Bibliography

- Suleymanova O.A., Nersesova E.V.* Review of Monograph «Translation Didactics: Traditions and Innovations» (ed. by N.N. Gavrilenko. M.: Flinta, 2018. 223 p.) 128
- Dubinina T.G.* Review of Monograph «K Ponimaniju Chekhova. Stat'i.» (ed. by V.B. Kataev. M.: IMLI RAN, 2018. 247 p.) 134

Scholarly Events

- Vasilyev S.A.* Interuniversity Conference with International Participation «National Style of Russian Literary Classics» (2013–2019) 138

Authors of «MCU Vestnik», Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education», 2019, № 4 (36) 141

- Style Sheet 147

УДК 821.161.1-1

DOI 10.25688/2076-913X.2019.36.4.01

**И.А. Беляева,
Е.Е. Круглова**

**«Восточная легенда» И.С. Тургенева:
психоаналитические смыслы лирического
высказывания**

Статья посвящена вопросам психоаналитической интерпретации миниатюры И.С. Тургенева «Восточная легенда» из цикла «Стихотворения в прозе». В научной традиции ее обычно связывают с освоением восточной стилистики Тургеневым и видят в ней социальный смысл. Авторы предлагают новое прочтение текста, усматривая в нем не только выражение детских травм писателя, но и их преодоление. Они анализируют произведение как лирическую исповедь, где личное и сокровенное скрыто за стилизацией под восточную притчу.

Ключевые слова: И.С. Тургенев; «Восточная легенда»; «Стихотворения в прозе»; психоанализ; лирическое начало.

«Восточная легенда» (1878) И.С. Тургенева из цикла «Стихотворения в прозе» заметно выделяется на фоне других миниатюр, или стихотворений, поскольку является единственным опытом стилизации восточной сказки, предполагающей иносказательность и даже подчас острую злободневность, которые, однако, высказываются в легкой и приятной манере.

Тургенев хорошо знал восточную поэзию и культуру, интерес к которым возник у него не без влияния философии Шопенгауэра и поэзии Гете (в частности, «Западно-восточного дивана»)¹, он читал Коран в переводе на французский язык, был увлечен поэзией персидского поэта Хафиза [9]. Восточные мотивы в его творчестве, особенно в поздний период, далеко не редкость. Но «Восточная легенда» представляет собой особый случай.

¹ О влиянии Гете на Тургенева в западном и восточном направлениях см.: [6].

В научной традиции обычно подчеркивается сатирическая заостренность данного текста, его социальное звучание [13, с. 37, 103], а также архаичность формы, поскольку уже в первой половине XIX в. «жанр “восточной” философской и нравоучительной повести», критикующей общественные пороки, «изжил себя» [7, с. 314]. Однако едва ли Тургенев ставил перед собой исключительно социальные задачи, поскольку «Восточная легенда», будучи лирическим высказыванием автора, выражает сокровенные переживания. Желание написать о них в духе восточной сказки у Тургенева могло возникнуть из-за потребности поместить именно личную ситуацию в волшебнo-экзотический контекст, ибо ее разрешение он мог помыслить себе только подобным образом. С этой точки зрения текст представляет интерес для психоаналитического изучения. Стоит отметить, что в современной исследовательской практике «Стихотворения в прозе», и собственно «Восточная легенда», в психоаналитическом ключе практически не рассматривались, если не считать работы В.Н. Топорова, где речь шла о творчестве писателя в целом [10].

Композиция тургеневской «Восточной легенды» характерна для волшебной сказки, или притчи со сказочным сюжетом. После зачина в подчеркнuto восточном, пышном, витиеватом стиле, свидетельствующем об известности в Багдаде «великого Джаффар, солнца вселенной» [2, с. 138], сразу следует описание действия, подвига героя, в результате которого тот обретает волшебного помощника в виде убогого, нищего старика и через него получает уникальную возможность чудесным образом изменить свою судьбу. Герой осуществляет важный выбор, который в итоге и делает его «солнцем вселенной, великим, знаменитым Джаффаром» [2, с. 139]. Конец миниатюры рифмуется с ее началом, поскольку мысль о величии и значительности героя прежде просто постулируется, а в завершение уже как бы доказательно подтверждается.

Джаффар, персонаж тургеневской «Восточной легенды», восходит к книге «Тысяча и одна ночь», широко известной в XIX в. в Европе в переводе А. Галлана. В некоторых сказках там появляется персонаж, прототипом которого послужил Джафар ибн Яхья, визирь при дворе пятого халифа арабской династии Аббасидов Харуна ар-Рашида [4, 14]. Это сын персидского визиря Яхья ибн Халида, принадлежавшего к влиятельнейшему семейству Бармакидов. В 786 г. Джафар унаследовал пост отца. Он содействовал развитию наук, в частности под его руководством персидскую научную литературу переводили на арабский. В его биографии есть еще один существенный для нас факт: несмотря на дружбу с халифом Харуном ар-Рашидом, Джафар был обезглавлен за любовную связь с сестрой халифа Аббасой (по другой версии Джафар в это же время состоял в гомосексуальной связи с халифом). Словом, все вариации образа Джафара, которые встречаются в культуре, так или иначе были вовлечены в роковые любовные отношения. Тургенев же ведет своего Джаффара по иному пути, в какой-то мере даже противопоставляя его предшественникам, что, однако, подразумевает и аллюзивный аспект.

Обратимся к тексту миниатюры, чтобы проследить, как выстраивает автор свое лирическое высказывание, используя стилизацию под восточную притчу как повод и инструмент.

В первой строке задается место и имя, совпадающее с именем знаменитого визиря, говорится о его известности и славе: «Кто в Багдаде не знает великого Джаффары, солнца вселенной?» [2, с. 138]. Не предполагается, что этот тезис можно поставить под сомнение. Далее действие переносится во времени, поскольку главное событие, обуславливающее нынешнее величие героя, произошло «однажды, много лет тому назад», когда «он был еще юношей» [2, с. 138]. Услышав, что «кто-то отчаянно взывал о помощи» [2, с. 138], Джаффар проявил удивительную храбрость. Несмотря на то что он «отличался между своими сверстниками благородием и обдуманностью», т. е. мог поостеречься, Джаффар «выхватил свою саблю и напал на злодеев: одного убил, другого прогнал», поскольку имел «жалостливое сердце» [2, с. 138].

Эти психологические характеристики героя заслуживают особого внимания: Джаффар был способен обдумывать свои действия, но в то же время умел сострадать, что заставило его совершить импульсивный и, в сущности, рискованный поступок — спасти старика от разбойников. Правда, смелость Джаффары была обусловлена еще и тем, что он «надеялся на свою силу» [2, с. 138], т. е. повышенной самооценкой. Герой уверен в себе, но ведь он не знает, сколько его ждет врагов и как они вооружены, а, обладая обдуманностью, он вполне способен был сообразить, что его может ожидать и превосходящая сила. Еще одна косвенно обозначенная психологическая характеристика Джаффары — высокое самообладание: одного из двух разбойников он убил, чем уравнивал в схватке свои шансы с противником; следовательно, второго убивать уже не было необходимости. Кроме сообщения о поступке героя и описания черт характера (информация о юном возрасте, его благородии, добром сердце и силе), косвенно обозначается еще одна важная деталь: Джаффар на тот момент еще не был велик и славен (был еще юношей), но он был достаточно свободным и достаточно состоятельным, чтобы иметь саблю и распоряжаться своим временем (прогуливался) и своей жизнью.

Таким образом, автор нарисовал портрет сильного, уверенного в себе молодого человека, благородного, открытого и сострадательного. Это вполне типичный образ героя легенды. Но уже здесь мы видим расхождение тургеневского Джаффары с его возможным прототипом Джафаром ибн Яхья и героями других восточных сюжетов. Реальный Джафар принадлежал к очень знатному роду; можно сказать, был рожден визирем, вторым человеком после халифа. А Джаффар Тургенева, в сущности, никто, просто молодой человек. Для того чтобы он стал великим и знатным, с ним должны произойти важные превращения.

Спасенный старик предлагает тургеневскому герою награду: просит того на следующий день прийти ранним утром на главный базар, но ничего кон-

кретного не обещает. Юноша думает: «На вид человек этот нищий, точно; однако — всяко бывает. Отчего не попытаться?» [2, с. 138] — и соглашается встретиться еще раз. Очевидно, что он открыт всему, что предлагает ему судьба, и одновременно находится в поиске себя, коль скоро готов принять неизвестно какую награду от нищего. Герой изображен на перепутье, и ему не терпится соприкоснуться с новым, что возникает в его жизни: «На другое утро, чуть забрезжил свет, Джаффар отправился на базар» [2, с. 138]. В этой фразе заключается указание не только на то, что герой готов испытать судьбу, но и на то, что он нетерпеливо жаждет встречи с чудесным, хотя и неведомым, подарком.

Старик ведет Джаффара в «небольшой сад, со всех сторон окруженный высокими стенами» [2, с. 138], которые в сказочной перспективе означают тайну, сокрытость сакрального места от глаз непосвященных. В центре сада растет необычайного вида дерево, которое походит на кипарис; только листва на нем лазоревого цвета, и оно плодоносит: три яблока висят «на тонких, кверху загнутых ветках; одно средней величины, продолговатое, молочно-белое; другое большое, круглое, ярко-красное; третье маленькое, сморщенное, желтоватое» [2, с. 139].

В соответствии со сказочно-мифологическим сюжетом герою предоставляется возможность выбрать не просто яблоко, но свою новую жизненную перспективу. Исследователи творчества Тургенева давно обратили внимание на то, что его «Восточная легенда» сюжетно близка к первой части поэмы «Масгуд» казахского поэта, композитора, просветителя, мыслителя и общественного деятеля Абая Кунанбаева, которая была написана после тургеневских «Сенилий», предположительно в 1887 г. Как отмечает исследовавший эту проблему З. Ахметов, общность сюжета «Восточной легенды» Тургенева и «Масгуда» Кунанбаева не подлежит сомнению, но является ли источником «Масгуда» текст Тургенева, можно лишь предполагать [4]. С точностью можно говорить только о типологической общности сюжета, который, однако, у Кунанбаева имеет более классическое развитие, чем у Тургенева. Герой его поэмы тоже выбирает яблоки:

Съешь ты белый плод — будешь всех умней,
Желтый съешь — будешь первым из богачей,
Красный съешь — станешь всем ты женщинам мил,
Все любви они будут искать твоей [1, URL].

Мудрость, богатство или любовь женщин — пример традиционного выбора, тогда как у Тургенева его траектория серьезно изменена. Старец в «Восточной легенде» предупреждает Джаффара: «Сорви любой из этих плодов и знай: сорвешь и съешь белый — будешь умнее всех людей; сорвешь и съешь красный — будешь богат, как еврей Ротшильд; сорвешь и съешь желтый — будешь нравиться старым женщинам» [2, с. 139]. Вот это — «нравиться старым

женщинам» — переводит саму стратегию выбора совершенно в другое русло и становится поводом для психоаналитического рассмотрения текста.

Герой Тургенева размышляет: «Как тут поступить? <...> Сделаешься слишком умным — пожалуй, жить не захочется; сделаешься богаче всех людей — будут все тебе завидовать; лучше же я сорву и съем третье, сморщенное яблоко!» [2, с. 139].

На самом деле автор тут не только отступил от традиционного разрешения ситуации выбора между мудростью, богатством или любовью, он преобразил своего героя. В начале миниатюры, накануне этой встречи в саду Джаффар предстает осмотрительным, хотя и импульсивным и решительным молодым человеком, способным без страха броситься в бой с неизвестным противником, но теперь он сама осторожность. Его страшат те вещи, которые могут дать ему явное преимущество в жизни, но и требуют от него активного, деятельного участия. Джаффар не выбирает ум: он боится, что слишком много ума отнимет у него силы жить. Он не выбирает богатство: боится, что люди ему будут завидовать; следовательно, могут отнять его добро и оставить вновь ни с чем. Любви ему вообще не обещает волшебный помощник, но предлагает получить способность нравиться старым женщинам. Старость и даже смерть у позднего Тургенева нередко аллегорически воплощаются в сморщенном яблоке.

В одном из последних сочинений писателя, в повести «Клара Милич», герою Якову Аратову снится сон, где все, на что падает его взгляд, трансформируется, принимает угрожающий вид и чревато смертью. Приведем небольшое описание: «“Пожалуйста, пожалуйста, — опять твердит управляющий, — пожалуйста в сад: посмотрите, какие у вас чудесные яблоки”. Яблоки точно чудесные, красные, круглые; но как только Аратов взглядывает на них, они морщатся и падают... “Быть худу”, — думает он» [1, с. 111]. В итоге герой умирает. Однако в «Восточной легенде» ситуация выглядит еще сложнее. С одной стороны, увядшее яблоко тоже свидетельствует о старости и смерти — не случайно, когда юноша взял именно такое яблоко, «старец засмеялся беззубым смехом» [2, с. 139], с другой — этот выбор влечет за собой не утрату, а обретение. Поэтому старик, обладающий в этой легенде каким-то высшим знанием, говорит Джаффару: «О мудрейший юноша! Ты избрал благу часть...» [2, с. 139].

Сморщенное яблоко как знак старости в «Восточной легенде» не удивляет, поскольку увядший плод, естественно, свидетельствует об уходящей жизни. Удивляет сам выбор молодого человека: он предпочитает уму и богатству, казалось бы, сомнительный путь: способность нравиться старым женщинам. Принять мудрость такого решения читателю очень сложно. «Восточная легенда» была написана Тургеневым в поздние годы его жизни, он сам называл книгу своих стихотворений в прозе «последними тяжкими вздохами (вежливо выражаясь) старика» [3, с. 250] и не мог, следовательно, не вложить в одобрение выбора юноши его благодетелем своего одобрения, вполне естественно идентифицируя себя со стариком.

Едва получив волшебное свойство — способность нравиться старым женщинам, Джаффар тут же, «встрепенувшись», спрашивает у старика, «где живет почтенная мать нашего богоспасаемого халифа» [2, с. 139]. Весьма характерно определение «встрепенувшись», что означает «пробудившись», «страхнув с себя сон» и соответствует образу нового, переродившегося героя. Еще раз подчеркнем, что завершающая строка стихотворения подтверждает: герой стал известным и даже великим, «солнцем вселенной», т. е. обрел особую силу с помощью волшебного подарка старца. Следовательно, чтобы понять самую суть произведения — от мотива поступка до морали, — необходимо разобратся, что же это за подарок: свойство нравиться старым женщинам.

Чтобы понять это, и необходим психоаналитический ракурс. Психоаналитики давно обратили внимание на то, что у ребенка в прегенитальной фазе развития либидо создается особый ранний образ матери, о чем писал еще З. Фрейд, анализируя фобии маленького Ганса [11], и который позднее был обозначен психоаналитиками понятием «фаллическая женщина» [15]. Этот образ складывается в детских фантазиях и означает родителя, не дифференцированного по половому признаку, собственно мать, обладающую всеми признаками — и мужскими, и женскими, способную удовлетворить все потребности, отражаемые инфантильным сознанием ребенка.

Классический психоанализ указывает на действие примитивных защитных механизмов психики в форме регрессии к ранним стадиям психического развития под воздействием тревоги — неосознанной, но тем более сильной и разрушительной. Возникновение такого рода тревоги связывают с подростковым возрастом, но последствия действий защитных механизмов, таких, как регрессия, могут сказываться всю жизнь, выходя на поверхность в кризисные периоды.

Что нам позволяет усматривать в старой женщине, о которой говорится в «Восточной легенде», именно фаллическую мать? Во-первых, это ее статус. Она мать халифа — первого человека в государстве и даже в целом мире (имеется в виду арабский мир для араба), который, собственно, и является фаллическим символом — символом могущества, власти, силы. Мать, породившая столь влиятельного сына, сама становится обладательницей власти и влияния, первой женщиной в гареме. По замечанию Рут Мак Брюнстик, фаллическая мать не просто обладает пенисом, она является всемогущей [8]. Во-вторых, и это неразрывно связано с первым пунктом, она может дать тому, кого любит, все: и власть, и силу — ум («будешь умнее всех людей») и богатство (сказочно большое в упрощенно-сказочном эквиваленте — «будешь богат, как еврей Ротшильд» [2, с. 139]). В-третьих, она (т. е. то, что она может дать) — это нечто, что невозможно отнять и что неподвластно никакой внешней враждебной силе. Нравиться ей — значит получить от нее абсолютную, безусловную материнскую любовь вкупе со сказочным всемогуществом.

Если учесть сложные и подчас драматические отношения Тургенева со своей матерью Варварой Петровной Тургеновой, в которых, справедливости ради

стоит сказать, нет правых и виноватых [5], и образ матери, который писатель вынес из детства, — а это образ женщины сильной, властной, своенравной, — вполне вероятно предположить, что ситуация, описанная в «Восточной легенде», имела отношение к детской травме, но не только. Она свидетельствовала и о процессе преодоления писателем этой травмы, пусть уже и в столь поздние годы.

К сожалению, несмотря на безмерное чувство Варвары Петровны к сыну, она не смогла дать ему ту самую безусловную, безоценочную материнскую любовь, обеспечивающую мальчику чувство защищенности в будущем. А без такой любви очень трудно жить. Эрих Фромм, говоря о безусловной любви матери к ребенку, пишет, что у каждого человека есть потребность (томление, ожидание) в любви такого рода и неудовлетворенность этой потребности находит свой выход «чаще в невротических формах», так как все усугубляется безвыходностью ситуации — безусловной любви нельзя добиться, заслужить, понять, как ее контролировать, она либо есть, либо ее нет [12]. Поэтому для психики с такой травмой характерно ощущение экзистенциальной неуверенности и, что не менее важно, ощущение недостаточности собственных усилий для обретения счастья. Отсюда и отказ, как мы упоминали, от получения ума и богатства: и то и другое предполагает дальнейшее их использование для достижения своей цели, они воспринимаются при такой травме инструментами, и чтобы они работали, нужна уверенность в своих силах.

Остается еще один очень важный вопрос о том, с кем же внутренне идентифицирует себя автор в рассматриваемом тексте. Обратим внимание на одно обстоятельство. Когда старик предлагает Джаффару сорвать одно яблоко из трех и объясняет, что повлечет за собой его поступок, что на самом деле происходит? Предполагается, что выбирающий в действительности проходит тест: он может дать верный или ошибочный ответ. Несмотря на то что яблок три, а с ними вкупе идут три возможности, в реальности предпочтение можно отдать одному из двух вариантов, поскольку ум и богатство — это, в сущности, один инструмент, используя который можно обрести счастливую жизнь. Сморщенное же яблоко дает чудесную и уникальную возможность получить то, что никаким инструментом не создать, — *безусловную любовь всемогущей матери*. И старик не просто одобряет решение, а подтверждает, что Джаффар прошел тестирование и не ошибся. Соответственно, автор одновременно и тот самый старик, который знает, какой выбор правильный, и Джаффар, который срывает сморщенное яблоко и обретает это знание.

В «Восточной легенде» Тургенева герой, а вместе с ним и автор, получают возможность, своеобразный второй шанс обрести то, в чем в реальной действительности была недостача. Таким образом, автор переносит на Джаффара свою боль и освобождает его от нее, а значит, освобождается и сам. Этот странный текст и странный выбор героя у позднего Тургенева оказываются совсем не странным, а вполне понятным психологическим творческим импульсом. В пространстве художественного текста писатель достигает той полноты и целостности, которую во все времена дает человеку любовь матери.

Поэтому «Восточная легенда» — одно из самых интимных сочинений Тургенева, его лирическая исповедь, где сокровенное скрыто за стилизацией под восточную притчу.

Библиографический список

Источники

1. *Кунанбаев А.* Масгуд / пер. А. Глоба [Электронный ресурс]. URL: <http://abai.kz/masgud> (дата обращения: 27.05.2019).
2. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 12 т. М.: Наука, 1982. Т. 10. 607 с.
3. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Письма: в 13 т. Л.: Наука, 1968. Т. 13. Кн. 2. 544 с.

Литература

4. *Ахметов З.* «Восточная легенда» Тургенева и «Масгуд» Абая Кунанбаева // Тургеневский сборник. Вып. 3. Л.: Наука, 1967. С. 163–165.
5. *Беляева И.А.* Твой друг и мать Варвара Тургенева. Письма В.П. Тургеневой к И.С. Тургеневу (1838–1844) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73. № 2. С. 60–67.
6. *Головкин В.М.* Натурфилософские идеи И.-В. Гете в творческой рецепции И.С. Тургенева // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 4 (20). С. 8–19.
7. *Кубачова В.Н.* «Восточная» повесть в русской литературе XVIII – начала XIX веков // XVIII век. М.; Л.: Наука, 1962. Сб. 5. С. 295–315.
8. *Мак Брюнсвик Р.* Проявления и развитие либидо: избр. ст. Ижевск: ERGO, 2013. 63 с.
9. *Мостовская Н.Н.* Восточные мотивы в творчестве Тургенева // Русская литература. 1994. № 4. С. 101–112.
10. *Топоров В.Н.* Странный Тургенев. М.: Изд-во РГГУ, 1998. 192 с.
11. *Фрейд З.* Психоанализ детских страхов. М.: Азбука, 2013. 288 с.
12. *Фромм Э.* Искусство любить. Исследование природы любви. М.: Педагогика, 1990. 160 с.
13. *Шаталов С.Е.* Художественный мир И.С. Тургенева. М.: Наука, 1979. 312 с.
14. David Pinault Story-telling techniques in The Arabian Nights. (Studies in Arabic Literature. Supplements to the Journal of Arabic Literature, Vol. XV). Leiden, New-York, Köln: Brill Publishers, 1992. 262 p.

Справочные издания

15. *Лейбин В.* Словарь-справочник по психоанализу. М.: АСТ, 2010. 956 с.

References

Istochniki

1. *Kunanbaev A.* Masgud / per. A. Globa [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://abai.kz/masgud/> (data obrashheniya: 27.05.2019).

2. *Turgenev I.S.* Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Soch.: v 12 t. M.: Nauka, 1982. T. 10. 607 s.
3. *Turgenev I.S.* Poln. sobr. soch. i pisem: v 28 t. Pis'ma: v 13 t. L.: Nauka, 1968. T. 3. Kn. 2. 544 s.

Literatura

4. *Axmetov Z.* «Vostochnaya legenda» Turgeneva i «Masgud» Abaya Kunanbaeva // Turgenevskij sbornik. Vy'p. 3. L.: Nauka, 1967. S. 163–165.
5. *Belyaeva I.A.* Tvoj drug i mat' Varvara Turgeneva. Pis'ma V.P. Turgenevoj k I.S. Turgenevu (1838–1844) // Izvestiya RAN. Seriya literatury' i yazy'ka. 2014. T. 73. № 2. S. 60–67.
6. *Golovko V.M.* Naturfilosofskie idei I.-V. Gyote v tvorcheskoj recepcii I.S. Turgeneva // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2015. № 4 (20). S. 8–19.
7. *Kubachova V.N.* «Vostochnaya» povest' v russkoj literature XVIII – nachala XIX vekov // XVIII vek. M.; L.: Nauka, 1962. Sb. 5. S. 295–315.
8. *Mak Bryunsvik R.* Proyavleniya i razvitie libido: izbranny'e stat'i. Izhevsk: ERGO, 2013. 63 s.
9. *Mostovskaya N.N.* Vostochny'e motivy' v tvorchestve Turgeneva // Russkaya literatura. 1994. № 4. S. 101–112.
10. *Toporov V.N.* Stranny'j Turgenev. M.: Izd-vo RGGU, 1998. 192 s.
11. *Frejd Z.* Psixoanaliz detskih straxov. M.: Azbuka, 2013. 288 s.
12. *Fromm E.* Iskusstvo lyubit'. Issledovanie prirody' lyubvi. M.: Pedagogika, 1990. 160 s.
13. *Shatalov S.E.* Hudozhestvenny'j mir I.S. Turgeneva. M.: Nauka, 1979. 312 s.
14. *David Pinault.* Story-telling techniques in The Arabian Nights. (Studies in Arabic Literature. Supplements to the Journal of Arabic Literature, Vol. XV). Leiden, New-York, Köln: Brill Publishers, 1992. 262 p.

Spravochny'e izdaniya

15. *Lejbin V.* Slovar'-spravochnik po psixoanalizu. M.: AST, 2010. 956 s.

*I.A. Belyaeva,
E.E. Kruglova*

«Eastern legend» by I.S. Turgenev: Psychoanalytic Meanings of the Lyrical Statements

This article deals with psychoanalytic interpretation of I.S. Turgenev's short piece «An oriental legend» from the «Poems in Prose» series. «An oriental legend» is traditionally regarded as Turgenev's attempt in oriental stylization, while its meaning is considered to be his social insights. The authors of this article suggest a new understanding of Turgenev's text as the one reflecting writer's childhood traumas as well as their overcoming. «An oriental legend» is analysed here as a lyrical confession, where the intimate and the secret are both hidden beneath the form of an oriental parable.

Keywords: I.S. Turgenev; «An oriental legend»; «Poems in Prose»; psychoanalysis; lyrical beginning.

УДК 821.161.1-343.4

DOI 10.25688/2076-913X.2019.36.4.02

О.К. Захарова,
А.И. Смирнова

Зоопэтика «Диких животных сказок» Л.С. Петрушевской

В статье представлен анализ цикла Л.С. Петрушевской «Дикие животные сказки» как целостного текста в форме бесчудесной, бытовой сказки. Особое внимание уделяется зоопэтике миниатюр, основу которых составляет игра с читателем, поясняются смысловые различия в применении автором того или иного способа номинации героев, а также достигаемый за счет этого эффект, отражающийся на восприятии текста читателем. Подчеркивается смысловое единство цикла, верность автора теме семьи и дома.

Ключевые слова: зоопэтика; литературная сказка; персонаж; имя собственное; антропоним.

Еще в XIX в. было замечено, что «игра во всех формах, начиная с игры ребенка и вплоть до азартной и умственной игры взрослых, возникает из стремления к счастью» [3, с. 111].

Игровая поэтика близка Л.С. Петрушевской, свободно играющей именами, ассоциациями, смыслами. Ее, безусловно, можно отнести в современной литературе к увлеченным экспериментаторам и творцам, что в полной мере проявляется и в цикле «Дикие животные сказки» (2006), который относится к бесчудесным, бытовым, животным сказкам и представляет собой разноплановое произведение из отдельных миниатюр притчевого характера, объединенных сквозными персонажами, взаимосвязью и развитием сюжетных линий, универсальной отстраненной интонацией нарратора, общим комплексом используемых автором средств художественной выразительности как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях.

Цикл включает в себя 116 миниатюр, основное место действия в них — Акатуйская тайга, город Деревнищи, расположенный по одну сторону пруда, недалеко от которого находится деревня Ясная Холера, и поселок городского типа Черное, упоминаемый по мере развития сюжета. По другую сторону пруда возвышается бугор, за ним другой мир — это сказочная (в прямом и переносном смысле) граница.

По нашу сторону пруда живут и работают практически все персонажи. Здесь есть яснохолеринский грибкомбинат, парикмахерская, медсанчасть с лабораторией, где делают анализы, аптека, ветклиника, косметический кабинет, магазин

самообслуживания, фотоателье, цирк, театр, кинотеатр, ресторан, редакции газет и журналов, радио, телевидение, отделение милиции с КПЗ, прокуратура, суд, вокзал, дом отдыха, дом культуры с хором гиен, зоомагазин, пожарная часть. Где-то в районе деревни расположен аэропорт: козел Толик должен лететь на гастроли рейсом Акатуйфлота Париж – Дакар с пересадкой в Ясной Холере. В аэропорту провожают отбывающих за границу родственников, друзей и знакомых. На другой стороне пруда находятся: областной центр Бостон, американский университет Гарвард со своим почтовым отделением в поселке городского типа под названием Кембридж. Интертекст, игровая поэтика и ирония формируют художественное пространство «Диких животных сказок».

Описываемый мир напоминает атмосферу Советского Союза на излете периода застоя: с тягой к западной моде, ощущением собственной провинциальности, медленным течением времени, пьянками и посиделками, интеллигентами местного масштаба и местными алкашами; с попытками половчее устроиться в жизни, подростковым бунтом, бесхитростным бабьим счастьем. Здесь время застыло, оно будто вовсе не движется. В этом мире параллельно сосуществуют несколько поколений, разные уклады жизни, разные идеалы. Практически каждый персонаж хотя бы однажды оказывается в центре внимания нарратора, который словно лупу наводит на странное сообщество: здесь худо-бедно уживаются хищники и добыча, но это равновесие очень зыбкое и в любую минуту все может измениться. Несовместимость тесно связанных между собой животных наталкивает на мысль об эфемерности не только призрачных чувств любви и дружбы, но даже самого бытия, которое в любой момент может быть уничтожено взаимным всепоглощением.

Всего в цикле фигурирует 80 действующих лиц, среди которых есть и представители фауны (суслик Силантий, например, или карп дядя Сережа), и люди с зооморфными внешними данными (Карл Маркс) и личностными качествами (свинья Алла), анималистическими именами и фамилиями (*Львы* — Толстой и Троцкий, Слава *Зайцев*), и растения (ромашка Света, Пень Смирнов), и микроорганизмы (микроб Гришка Джомолунгма), простейшие (амеба Рахиль и ее дети — Ра (Му) и Хиль (Му), инфузория Ася), и даже зооморфные вещи (щетка Зиночка).

Средством индивидуализации персонажа в сказках становится *имя собственное*, придающее особый колорит повествованию и раскрывающее характер носителя имени наряду с отношением к нему общества. Некоторые из них появляются или упоминаются довольно часто, например Козлова бабушка Маланья (ее при сказки и обороты частенько цитируются повествователем). Кто-то эпизодически возникает на заднем плане, как младший лейтенант милиции медведь Володя — страж порядка, появляющийся как раз вовремя, чтобы если не предотвратить преступление, то хотя бы наказать виновного. А кто-то всегда в гуще событий, например тройца собутельников — козел Толик, волк Семен Алексеевич и собака Гуляш — или же муха Домна Ивановна, кукушка Калерия и волк Петровна.

С точки зрения метаязыка имена собственные бывают маркированными и немаркированными [2, с. 108]. У маркированных имен в цикле имеется полное официальное имя, помимо имени нейтрального (Михаил – Миша), у немаркированных — только нейтральное имя (Марина).

Как известно, в традиционных животных сказках за персонажем закрепляется определенная черта характера, сообщающая дополнительную информацию о животном: лиса — хитрая, волк — злой, но бесхитростный и туповатый, заяц — умный, но трусоватый, филин — мудрый и т. д. В фольклорных сказках эти персонажи могут иметь свое имя, прочно связанное именно с ними: медведь — Потапыч, лиса — Патрикеевна и т. д.

Петрушевская переосмысливает фольклорную традицию, и поэтому можно говорить о двух параллельных кодах, зашифрованных в используемых автором онимах: символе, раскрывающем характер персонажа, и символе, указывающем на его место среди животных. Обратимся к образам представителей животного мира в цикле «Дикие животные сказки», чтобы выявить смысл и художественную функцию используемых в них антропонимов. Уже в первой сказке («В дороге») читатель знакомится с тараканом Максимкой и клопом Мстиславом, коротающими время в поезде за выпивкой жидкости от насекомых. Кроме первой сказки, таракан Максимка появляется еще в восьми других миниатюрах, из которых выясняется, что он работает фотографом на выезде и в районном фотоателье. Об успешности на профессиональном поприще говорит публикация фотопортрета его работы (Карелия и Треплев как иллюстрации позы «ямщик») в эротической газете «Кукушководство». Что же касается личной жизни, то он был неоднократно женат и разведен. Он общителен и по-дружески дает приют бабочке Кузьме с привычным вывихом челюсти после неудачной женитьбы, но остается равнодушен к мужской красоте своего гостя.

Словосочетание *таракан Максимка* вызывает у читателя ассоциации с чем-то мелким, юрким, но в то же время своим и симпатичным: Максимка — уменьшительно-ласкательное обращение по отношению к немаркированному имени Максим, обычно так обращаются к ребенку или ко взрослому, к которому испытывают добрые чувства, но относятся к нему, как к тому, кто находится чуть ниже других на иерархической лестнице общества. Таракан — нечто шустрое, назойливое и неистребимое — навеивает мысли о непрошенном соседстве и грязи на кухне. И в самом деле, в цикле Петрушевской этот персонаж производит впечатление двойственное: на фоне неожиданной симпатии к нему у читателя остается ощущение непреходящей суевы, мельтешения и неопределенности.

Персонаж оправдывает свое имя: несколько неожиданно для читателя в очередной сказке у Максимки образовывается семья: жена Сильва (появляется в четырех сказках), дети и домашние питомцы — Хна и Сенна. Причем брак оказывается прочным, супруги притираются друг к другу и, несмотря на разногласия, всегда заодно. В отличие от мужа Сильва ходит в гости без приглашения и всегда берет с собой детей, так как считает, что лучше приходиться

к началу застолья, чтобы больше досталось угощения. Она терпима и отзывчива, но может проспять в кровати до обеда, там же поужинать, завести потомство. Супруги принимают у себя в доме кукушку Карелию, стоически терпят ее заочную свадьбу. Сильва, прижимая к себе малышкой, прячется в сливе ванной: доверяет кукованию, наобещавшему ей 2000 лет жизни.

Жизнь Максимки полна приключений и перипетий, однажды он по ошибке съедает химикалии и галлюцинирует. Кондор Акоп — фельдшер и врач в одном лице, ставит Максимке диагноз «алалия» и улетает, не желая лезть за пациентом под кровать. Сильва вызывает галлюцинирующему мужу бабушку-костоправушку Лиду. Жук-солдат тетя Лида излечивает Максимку народными средствами (гнилушовкой и заговором), в результате чего таракан просыпается здоровым.

Единственный из тараканьего потомства, кто упомянут отдельно, — сын Максимки и Сильвы таракан Максимка-юниор. Юноша, усов не бреющий, решив порвать с родителями, уходит к дочери жука-солдата Андреича (племяннице жука-солдата Лиды) Саше по прозвищу Солджер. Молодые пьют чинзано с лесными клопами, дембелями из пожарки, и не вспоминают про родителей. Последние же люто завидуют масштабам попойки.

Клоп Мстислав — еще одно действующее лицо первой сказки, также является сквозным персонажем и встречается в десяти миниатюрах цикла. «Ехали как-то клоп Мстислав и таракан Максимка в поезде и купили себе аэрозоль от насекомых, чтобы было нескучно в дороге, и начали делить» [1, с. 9]. Имя Мстислав контрастирует с сущностью клопа — плоского на вид, кровососущего насекомого, дурно пахнущего и сложно истребимого. Его оним трактуется как мужское имя славянского происхождения, означающее «славный защитник». Носители имени Мстислав, как правило, жаждут быть особенными, ставят перед собой сложные цели и легко манипулируют людьми, но при этом отличительными чертами Мстиславов являются: дипломатия, мягкость в обращении, уход от конфликтов, любвеобильность [6]. Называя кого-то его полным именем (Мстислав — имя маркированное и не слишком часто встречающееся), говорящий неосознанно вносит в разговор нотку холодной официальности, отстраненности от собеседника. Для почтительности и уважения в русскоязычной среде традиционно используется обращение по имени-отчеству.

История клопа Мстислава раскрывается в тексте как непростая и непредсказуемая. При себе он носит алмаз — память о расстрелянном отце, любимая его песня — «Постель была расстелена» на стихи Е. Евтушенко, где все значимые для клопа слова уже перечислены в названии (про постель). Под впечатлением от пения ночного хора гиен многократно клянется отомстить за кровь отца (сидя на простыне в своем зеленом халате). Мстислав последним прибывает на место пьянки, поскольку задолго выпрыгивает из попутного мерседеса, идет медленно, вдыхая аромат издалека.

Неожиданно для читателя выясняется, что клоп Мстислав работает стажером в лаборатории, стремится стать лаборантом и брать анализы крови. Когда же ему, наконец, поручают взять кровь у мышей и леопарда Эдуарда, Мстислав

так напивается, что результат анализа крови получается неадекватным («да» на все вопросы, включая пол и возраст). Однако ближе к финалу (текст «Генетический код» идет девяносто первым в цикле) на афишах, развешанных на столбах, клоп Мстислав заявлен как кандидат медицинских наук, профессор, член-корреспондент Академии медицинских наук Акатуйской тайги, разгадавший тайну генетического кода. Мстислав волочится за дамами, однажды даже фехтует на шпагах с комаром Стасиком. Соперники оказываются равны, поэтому клоп использует появление свиньи Аллы, чтобы подобраться и укусить оппонента выше колена (насколько способен достать), за что его дисквалифицируют. Из-за драки они вместе попадают в КПЗ¹ под чуткий присмотр младшего лейтенанта медведя Володи. Этот укус Мстислава неоднократно упоминается в тексте: комар Стасик лечит последствия. По словам Стасика, клоп болен кариесом.

Мстислав мечтает об отдельном жилье. Он одинок, а когда-то был женат на Аде: после развода они вынуждены жить в одной постели. Дети Мстиславовичи воспитаны на фильмах ужасов, отец для них не является авторитетом. Мстислав мечтает о тихих, скромных, молчаливых детях, непрожаренных бифштексах и длинноногой, глазастой огневой поломойке в качестве жены. Подсчитывает зарплату и алименты и понимает всю несбыточность своей мечты. В библиотеке читает бесплатные брачные объявления. Часто вспоминает расстрелянного отца и дедушку — красного санитаря на донорском пункте. Клоп Мстислав, оправдывая свое назначение, добивается успехов на профессиональном поприще, однако его имя собственное, способствуя раскрытию истории персонажа, остается нереализованным, как и его несбывшиеся мечты.

Именной формулой *Домна Ивановна* наделена в тексте муха, работающая кассиршей в магазине самообслуживания, известная скандалистка с богатой биографией. Она воспринимается как особа постбальзаковского возраста, опытная, боевитая, жизнью битая. По наблюдению А. Ханзен-Леве, муха — дионисийский символ смерти, разложения в прямом и переносном смысле, ветхости и бренности бытия. Е.В. Капинос называет муху участницей всех метаморфоз, которые происходят с телами и вещами на их последнем пути. В широком культурном контексте дионисийская муха ярче всего противопоставлена аполлонической пчеле [4, с. 268].

С одной стороны, Домна — имя латинского происхождения, обозначающее «госпожа». С другой — так же называется и большая металлургическая печь, предназначенная для выплавки чугуна из руды. Муха Домна Ивановна одновременно и мать, и прабабушка. Она считает себя привлекательной настолько, что может не думать о своей внешности и заботиться только о собственной гигиене — главным, по ее мнению, для женщины. Домна Ивановна бесцеремонна, взбалмошна и непостоянна, завистлива и ревнива. Для нее характерны импульсивность и непредсказуемость поступков при умении добиваться сиюминутного желаемого. Ей свойственны гедонизм, сластолюбие, тяга к выпивке

¹ Камера предварительного заключения.

и дармовому угощению. Она охотно принимает ухаживания противоположного пола, но беспрестанно отказывает влюбленному в нее пауку Афанасию, предпочитая чаепитие в обществе червяка-философа Феофана.

Домна Ивановна не только с удовольствием присоединяется к пьянке клопа Мстислава и таракана Максимки, но и первой напивается до бесчувствия, выбросившись из окна вместе с баллоном инсектицидной аэрозоли. Возжелав сладкого, пытается напроситься в гости к пчеле Леле, затем падает в трехлитровую банку варенья и снова оказывается вместе с этой субстанцией на помойке, где ее поминки превращаются в пир многотысячной толпы ее потомков, роя пчел и свињи Аллы.

Можно предположить, что тема многочисленного потомства мух прежде всего вызывает стойкий ассоциативный ряд с мощью промышленного производства. Однако невероятная скорость размножения нивелирует значимость жизни и смерти отдельного насекомого, делая их ценность равно ничтожной, а в проекции на человеческую жизнь и историю человечества придает им совершенно иное измерение.

И все же, несмотря на вездесущую навязчивость мухи Домны Ивановны, в центре повествования оказывается классическое советское трио любителей выпить: Трус, Балбес, Бывалый. Здесь это собака по кличке Гуляш, козел Толик и волк Семен Алексеевич. В обращении к волку по имени-отчеству сказывается традиция почитания старших (взрослых), подчеркивается весомость и значимость мнения носителя имени. Уменьшительное от маркированного онима (Толик), напротив, демонстрирует незначительность действующего лица среди его окружения, недостаточную взрослость персонажа. В третьем случае ничтожность социальной роли передана через отсутствие антропонима, замену его на оригинальную дворовую кличку, несущую в себе сразу несколько коннотаций: гуляш — это блюдо из категории густых супов, про которые говорят «пересуп – недокаша», такая кличка характеризует ее носителя как некую неопределенность, ни то ни се.

Волк Семен Алексеевич женат на волчице Петровне, их семейная жизнь давно не ладится. Ночи напролет он крутит роман с гиеной Зоей, возвращаясь домой только под утро, хранит у себя ее фотографию и упорно не замечает переживаний супруги. Все реже волк появляется дома, стараясь уклониться от попыток Петровны завести разговор о разводе, разделе имущества и детей.

Но если Зоя воплощает жизнь и плотскую любовь, то неудовлетворенная жажда высокой любви волка Семена Алексеевича — это исландская сельдь Хильда из импортной консервной банки, случайно найденной в лесу. Хильда становится его музой, как Беатриче для Данте: он задушевно играет на гитаре и поет, посвящая Хильде разные по жанру песни, с которыми ходит по редакциям. Эти песни завоевывают популярность, они звучат повсюду и делают волка лауреатом премии «Золотая рота» (за военную тематику песен про Хильду), лауреатский значок висит на его лацкане. Однако с Хильдой волк даже

не здороваются, языка ее не знает да и банку открыть не может из-за отсутствия загранпаспорта.

В очередной постановке театра зверей «Чайка» Семен Алексеевич вдохновенно играет Нину Заречную, а позже создает творческий союз, в котором сам становится президентом, членом исполкома и председателем комиссии по грантам, премиям, загранкомандировкам, банкам и т. д. Но это позже, а пока утешение собственной несостоятельности он ищет на дне бутылки. Впервые напившись с козлом Толиком, загадочным образом глотает его рог. В другой раз вместе с тем же подвернувшимся Толиком они берутся сторожить ящик портвейна к свадьбе Козлова сына и выпивают все без остатка. Затем волк с гостями пьет пробные духи, лосьон для ног и прочие косметические жидкости жены Толика — козы Марьи. Его считают лукавым, а он все чаще пьет в компании с козлом Толиком и собакой Гуляшом, так они поддерживают самооценку друг друга (уважают).

Семейство Толика еще один классический сценарий отношений в устоявшейся семье. Непутевый муж козы Машки и многодетный отец, Толик ладит с женой, что не мешает ему иметь собственный предмет воздыхания в лице ромашки Светы. Толика отличает сентиментальность и способность переживать сильные впечатления под воздействием музыки, вплоть до слез: однажды, слушая пение ночного хора гиен, он так расчувствовался, что пошел на старое место в огород разговаривать со Светой о ценах. На почве общей неустроенности он неравнодушен к деньгам: по свидетельству ежика Витька, вместе с другими любителями поживиться собирает доллары, выпавшие из мерседеса. После чего сбывается мечта Толика: он покупает автомобиль красного цвета, с педалями вместо мотора. Счастье отравляет отсутствие классических мужских радостей: заглянуть под капот, поковыряться в двигателе. Из-за машины начинает ненавидеть друзей и жену, пока жена не осваивает вождение. Постепенно все возвращается на круги своя: любовь к жене и друзьям, пьянки — привычная жизнь.

Тем не менее Толик — защитник. Когда к нему залетает кукушка Карелия, он сначала принимает ее за неопознанный летающий объект, а затем, разобравшись, пьет чай с непрошенной гостьей, но не позволяет ей подкинуть в свой дом яйцо. В другой раз Толик спасает моль Нину от посягательств воробья Гусейна: для этого ему даже разрешают объесть куст, к которому прежде и близко не пускали моллюски «Гринписа».

В «Чайке» режиссера Эдуарда Толик играет Аркадину исключительно для Светы, сидящей в первом ряду, однако она рано уходит, фраппированная волосатыми ногами героини.

Толик входит в исполком создаваемого Семеном Алексеевичем творческого союза как ответственный за информацию, участвует в комиссиях (дома творчества, гостиницы, рестораны, гаражи, рынок автомобилей, шоп-туры за опытом), его назначают председателем счетной комиссии. Третий собутыльник, Гуляш, безалаберный и импульсивный парень, который часто попадает в переделки

(в воду) из-за слов и поступков других, в частности блохи Лукерьи. В его шерсти поселилась семья блох и питается им, считая себя хозяевами собаки. Блох так много, что пес уже не замечает их прироста и все время остервенело чешется, думая, что происходит это на нервной почве.

В жизни Гуляша много случайностей. Он случайно убивает слепую блоху бабушку Райку, когда та кормит внучат, вызывая тем самым у Лукерьи желание отомстить. Случайно встречает улитку Герасима с амебой Рахилью, когда везет семью блохи Лукерьи в милицию. Спонтанно решает помочь Герасиму (Рахиль он не видит), хватая улитку, тащит и бросает ее в пруд. Сам долго плавает в пруду и зорко смотрит на берег, куда эвакуировалась Лукерья с семьей. Затем он переплывает на другую сторону пруда в надежде, что избавился от блох, но напрасно: невестка Лукерьи Марианна с семейством отсиживается у Гуляша на лбу. Заметив, что голодный Шурка бежит в его сторону, бросается навстречу и загоняет кукушонка назад в воду.

Гуляш добивается взаимности Зои и в результате вынужден еженедельно оплачивать такси и покупать Зое новые колготки и кофе, что все больше отравляет ему жизнь. Обращается к ветфельдшеру Акопу за помощью и получает остатки болтушки от блох, а после процедуры катается в пыли и избавляется от них.

Однако после того как Зоя приносит Гуляшу щенят, семейная жизнь окончательно разваливается: Зоя занята детьми, на все попытки Гуляша утвердить себя хозяином в доме только зевает в ответ, отношения с детьми у него тоже не ладятся. У него не остается другого выхода как вернуться к пьянке с друзьями, чтобы повысить свою самооценку.

Зоопозтика цикла Петрушевской определяется не только персонификацией образов животных, игровыми приемами их создания, включая и остроумную номинацию персонажей, но и широким использованием интертекстуальных связей, ассоциативных рядов общего культурного кода. Так, за исходом микроба Гришки с соплеменниками, которых он шесть недель водит по белой пустыне, чтобы вывести из кучи извести в места более пригодные для жизни, легко угадывается библейский исход из Египта.

В тексте имеются и чеховские аллюзии: в репертуаре театра зверей представлена пьеса «Чайка» с козлом Толиком в роли Аркадиной, волком Семеном Алексеевичем — Ниной Заречной, лягушкой Самсоном — Тригориным, улиткой Герасимом — Треплевым и т. д. Другая отсылка к Чехову — миниатюра «Три сестры», в которой в качестве родных сестер выступают крыса Надежда Пасюк (старшая), гадюка Аленка (средняя) и росомаха Жанна (самая младшая). Фамилия Пасюк происходит от названия крупной амбарной серой крысы отряда грызунов. Тем самым автор подчеркивает доминантную черту в характере персонажа — всем крысам крыса.

Как видим, внутренние заголовки в цикле интертекстуально связаны с литературной классикой (миниатюра «Три сестры»). Сказка «Конец праздника» отсылает читателя к названиям нескольких глав в романе «Бесы» Ф.М. Досто-

евского: «Праздник. Отдел первый», «Окончание праздника». Есть в произведении Петрушевской прямые отсылки и к «Новой жизни» («Vita Nuova») Данте и образу Беатриче, и к стихам Пушкина (Ср.: «Зорю! Зорю!» и «Зорю бьют... из рук моих / Ветхий Данте выпадает»), и к творчеству Льва Толстого (Klava Karenin). В «Диких животных сказках» интертекстуальные связи формируют поэтику цикла, начиная от выбора персонажей и антропонимов до множества других знаков межкультурного диалога (отсылка к философским взглядам Л.Н. Толстого, к дневникам Софьи Андреевны, вдохновившим одного из проходных персонажей — мужа плотвы Клавы, Вову Л., выпустить за рубежом пьесу «Толстая и Толстой»).

Л.С. Петрушевская в «Диких животных сказках» выстраивает сказочно-несказочный мир, центром которого является дом, семья, мир, в котором вся сказочность сводится к олицетворению зверей (и вещей) — Ноеву ковчегу, где царят те же простые истины и надуманные сложности, что и в мире реальном, а сверхзадачей существования становится поиск себя и выживание как отдельной личности, так и семейного клана, рода.

В соответствии с концепцией «памяти жанра», предложенной М.М. Бахтиным и обоснованной М.Н. Липовецким [5], любая авторская сказка обязательно вступает в диалог с фольклорно-сказочной традицией, которая может сознательно или бессознательно воспроизводиться и (или) переосмысляться на разных уровнях текста. У Петрушевской в «Диких животных сказках» диалог со сказочным фольклором практически атрофирован и подменен диалогом с иными формами фольклора, и в еще большей степени — с иными литературными произведениями, бытовыми реалиями, общественными и культурными событиями, составляющими культурный код писателя и читателя.

Библиографический список

Источники

1. *Петрушевская Л.С.* Дикие животные сказки: авт. сб. М.: Амфора, 2008. 408 с.

Литература

2. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / пер. с англ., отв. ред. М.А. Кронгауз. М.: Рус. словари, 1997. 416 с.
3. *Вундт В.* Фантазия как основа искусства: пер. с нем. СПб.; М.: Изд-е т-ва М.О. Вольфа, 1914. 146 с.
4. *Капинос Е.В.* Литературная муха Л. Петрушевской в притче о празднике и его завершении // Критика и семиотика. Вып. 13. 2009. С. 268–279.
5. *Липовецкий М.Н.* Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980-х годов). Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1992. 184 с.
6. Словарь личных имен на Академике [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/personal_names (дата обращения: 15.09.2019).

References

Istochniki

1. *Petrushevskaya L.S.* Dikie zhivotny'e skazki: avt. sb. M.: Amfora, 2008. 408 s.

Literatura

2. *Vezhbiczskaya A.* Yazy'k. Kul'tura. Poznanie / per. s angl., otv. red. M.A. Krongauz, M.: Rus. slovari, 1997. 416 s.
3. *Vundt V.* Fantaziya kak osnova iskusstva: per. s nem. SPb.; M.: Izdanie t-va M.O. Vol'fa, 1914. 146 s.
4. *Kapinos E.V.* Literaturnaya muxa L. Petrushevskoj v pritchke o prazdnike i ego zavershenii // *Kritika i semiotika*. Vy'p. 13, 2009. S. 268–279.
5. *Lipoveczkij M.N.* Poe'tika literaturnoj skazki (na materiale russkoj literatury' 1920 – 1980-x godov). Sverdlovsk: Izd-vo Ural'sk. un-ta, 1992. 184 s.
6. Slovar' lichny'x imen na Akademike [E'lektronny'j resurs]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/personal_names (data obrashheniya: 15.09.2019).

O.K. Zakharova,
A.I. Smirnova

Zoopoetics in «Wild Animals Tales» by L.S. Petrushevskaya

The article regards the analysis of Petrushevskaya's series «Wild Animals Tales» as a complex multidimensional literary work written in the form of a non-fictional home story. The article studies the stylistic devices and expressive means employed by the author of the series and highlights the post-modernistic feature of playing with the reader. The differences in the use of characters' names as well as the way it affects the reader's perception of the text are also tackled.

Keywords: zoopoetics; literary tale; character; proper name; antropony.

УДК 821.131.1-31

DOI 10.25688/2076-913X.2019.36.4.03

Т.А. Быстрова

Герой современного итальянского романа-автофикшн: скольжение по грани

В статье рассматриваются основные характеристики протагониста новейшего итальянского романа-автофикшн на примере творчества В. Сити и Д. Дженны. Отмечается максимальная стертость границы между повествователем и героем, попытки авторов автофикшн представить протагониста героем нашего времени, отобразить реальность, пропустив ее через себя.

Ключевые слова: новейшая итальянская литература; автофикшн; повествователь; герой.

Роман-автофикшн, или роман-самосочинение, с конца 90-х гг. XX в. завоевал популярность среди современных итальянских писателей. Наиболее последовательным его приверженцем считается Вальтер Сити (Walter Siti), лауреат литературной премии Стрега, писатель, ставший в Италии живым классиком [6, с. 89]. Сити работает с автобиографическим материалом, видоизменяя его и умело смешивая с элементами фикшн. Еще одним приверженцем данного жанра является Джузеппе Дженна (Giuseppe Genna), автор многочисленных романов, близкий по стилистике к течению «молодых каннибалов» — провокационной группе писателей, дебютировавших в Италии в 1990-е гг.

В настоящей статье ограничимся рассмотрением основных характеристик героя итальянского романа-автофикшн на примере романов Сити «Школа обнаженной натуры» (*Scuola di nudo*, 1994, [2]) и «Слишком много рая» (*Torri Paradisi*, 2006, [3]), а также романа Джузеппе Дженны «Италия Де Профундис» (*Italia De Profundis*, 2008, [1]). Сити и Дженна используют фикциональную автобиографию, так называемый автофикшн, для создания сложной конструкции романа, где герой одноименен автору, а события его жизни переплетаются с реальными фактами из жизни писателя. Так, с одной стороны, решается проблема автоцензуры: автор может признаваться в собственных грехах, выдавая их за грехи героя, поскольку граница между автором, повествователем и героем оказывается размыта. С другой стороны, оба писателя выстраивают «автобиографию, которой не было»¹ [9, URL], проживая разные жизни из романа в роман в виде своих многочисленных двойников. Наконец, авторы получают

¹ Здесь и далее перевод мой. — Т. Б.

возможность говорить об острых проблемах современности и социальных феноменах, пропуская их через себя на глазах у читателя.

Авторы автофикшн открыто заявляют, что пишут не автобиографию, а роман, что все события выдуманные. «В этом романе, как и в остальных, персонаж Вальтер Сити — выдумка автора <...> Реальные факты поданы завуалированно, в фикциональном ключе, реальность запрограммирована извне, а кажущийся реализм — не более чем технический прием», — признается Сити в предисловии к роману «Слишком много рая» [3, с. 9].

Установка на фикциональность позволяет писателю от лица одноименного героя проговаривать мысли, которые, по признанию Сити, он трусит произнести от себя [8, с. 161]. Вместе с тем коммуникативно-прагматические особенности автобиографизма позволяют сделать повествование более правдоподобным, напоминающим дневник, и тогда читатель воспринимает героя не так отстраненно, а события, выдаваемые за подлинные, гарантируют роману крепкую связь с узнаваемой читателем окружающей действительностью [5, с. 42].

В статье «Роман как автобиография, которой не было» («Il romanzo come autobiografia di fatti non accaduti») Вальтер Сити отмечает, что интерес к автофикшн возник у него из собственного читательского опыта: «Я осознал, что текст производил на меня большее впечатление и вызывал более активный интерес, если в его основу была положена реальная история, произошедшая с реальными людьми, вот почему я решил использовать механизмы автобиографии (помню, насколько подробно я проштудировал “Автобиографический пакт” Лежена) и ее технические приемы, дабы обеспечить себе читательский интерес» [9, URL]. Именно аспект читательского опыта, являясь важнейшей составляющей рецепции автобиографического произведения, приводит к написанию собственного текста о себе [4, с. 49].

Сложная структура текста романа-автофикшн, изысканная игра языковыми средствами и многоголосие точек зрения представляют для читателя определенную трудность. В романах Сити и Дженны отмечается максимальная стертость границ между героем и повествователем, поэтому характеристики, которые мы определили далее, могут быть отнесены и к герою, и к повествователю.

Вечный сын. В итальянском романе-автофикшн герой выступает в роли сына, а не отца, ибо он не способен взрастить новое поколение и взять на себя ответственность за него. Герой может переживать собственную невозможность стать отцом (Сити) или же уклоняться от рефлексии на эту тему (Дженна).

У героя автофикшн сложные взаимоотношения с родителями и нет детей. Нередко в романе описывается смерть его отца, герой пытается осознать значение этого события. Так, одна из глав романа Дженны «Италия Де Профундис» полностью посвящена сцене обнаружения героем трупа отца и рефлексии на тему взаимоотношений с ним. Отец героя Вальтера в романе Сити «Школа обнаженной натуры» тоже умер, а отношения с матерью характеризуются непониманием и даже жестокостью.

В романе «Слишком много рая» герой Вальтер пытается примерить на себя роль отца, поддерживая финансово и морально своего сожителя, молодого телеведущего Серджо: «Сыном. Вот кем приходится мне Серджо, и родился он, потому что родилась любовь. Вот только он сам же и является тем, с кем я занимаюсь любовью», — признается Вальтер [3, с. 36]. Он вспоминает, что его единственный шанс стать отцом пришелся на 1967 г., но девушка сделала аборт. Ребенок родился бы в феврале 1968 г., а день рождения Серджо — 12 февраля 1968 г. Таким образом, герой, сожительствуя с Серджо, совершает воображаемый инцест.

У Сити есть и литературный отец, тоже открытый гомосексуалист — Пьер Паоло Пазолини. Сити действительно много лет готовил собрание сочинений данного автора и занимался его творчеством, поэтому оказался своего рода его литературным преемником, однако в романе «Слишком много рая» он прерывает с этой преемственностью и противопоставляет себя Пазолини. Если Пазолини деятелен и плодотворен, то герой Сити непродуктивен как писатель, а потому не может стать отцом даже в метафорическом смысле.

Наблюдатель. Герой устранивается от действия и выступает в роли наблюдателя окружающей действительности. Подобная роль позволяет ему не выходить из зоны комфорта и не брать на себя ответственность за те неприятные ситуации, свидетелем которых он становится. Как выражается герой Сити, «я научился быть туристом самого себя», а именно наблюдать за собой со стороны, не включаясь. «Комфорт — мой Господь Бог, и этот Бог для меня во всем, кроме религии» [3, с. 198].

Сити представляет героя романа «Слишком много рая» квинтэссенцией западного человека: «Я — это Запад, потому что я из тех гомосексуалистов, для которых Крайность и есть объект их желания, и еще потому, что, как отдельный неповторимый индивид, я стараюсь устраниться от боли и того, что может ее причинить, перевоплощая боль в “образ боли”. Если мой отец умирает у меня на глазах, то я тут же перевоплощаюсь в “зрителя сцены смерти отца”. Не так ли и вся Европа перевоплощается в континент, населенный сплошными зрителями?» [3, с. 198]. Этому вторит и Дженна, герой которого уже в первой главе романа становится «наблюдателем сцены смерти отца».

Неудачник. Герою романа-автофикшн свойственно неблагополучие во всех сферах: финансовой, любовной, карьерной. Как правило, он мучим завистью к более успешным коллегам или авторам (поскольку герой — писатель или преподаватель). В романе «Школа обнаженной натуры» 35-летний герой Вальтер Сити — заурядный преподаватель университетской кафедры, он терзаем чувством собственной исключительности и крайней степенью зависти к одному из коллег. Невозможность быстро построить карьеру зарождает в герое жажду насилия и желание отомстить коллегам за свои академические неудачи. Однако в романе «Слишком много рая» 60-летний Вальтер сам называет себя посредственностью и принимает свои неудачи как данность: «Меня зовут

Вальтер Сити, как всякого. Я — полная посредственность. Все мои чувства стандартны, все отличительные черты типичны» [3, с. 11].

В романе Дженны герой неудачлив как в профессиональной, так и в любовной сфере, что также порождает у него многочисленные комплексы: «Вид собственного отражения, волею случая возникшего в витринном стекле, приволил меня в ужас. Я ненавидел собственное тело, я стыдился его, оно казалось мне (и кажется) отвратительным <...> Такое не могла желать ни одна женщина. Работы не было, я жил на авансы... меня словно испытывали на прочность полным отсутствием средств к существованию. Друзей становилось все меньше. Я выглядел уставшим и изнуренным. Все вокруг было беспросветно и серо. Писать не получалось» [1, с. 105].

Герой неприятен сам себе как физически, так и морально. В «Школе обнаженной натуры» Вальтер объявляет себя монстром, ненавидит своих родителей и коллег, в попытках реализовать свою жажду насилия он убивает кошку, представляя себе при этом собственную мать. В романе «Италия Де Профундис» герой по просьбе знакомого отключает от аппарата жизнеобеспечения парализованного человека и задается вопросом о том, совершил ли он акт милосердия или акт убийства.

Герой Сити тоже акцентирует внимание на собственном уродстве: «Не знаю, замечали ли вы, что если тебе переваливает за шестьдесят, твои подмышки становятся невероятно уродливыми. Несколько чудовищных кожных складок собираются в отвратительный анус, так что уже страшно руки поднять перед зеркалом. Ты прячешь старость под одеждой, скрываешь ее ото всех, но она неизбежно вырывается наружу. На руках появляются пигментные пятна, на голове плешь, шея напоминает черепашью, трясутся пальцы» [3, с. 77]. Вальтер понимает, что юный сожитель не сможет долго любить уродливого старика, и предоставляет ему право искать любовных утех на стороне.

Интеллектуал. Протагонист романа-автофикшн, являясь двойником автора и заимствуя у него некоторые факты биографии, представлен интеллектуалом, который оторван от общества и страдает от этого разрыва. Он жаждет выделиться из толпы, но в итоге чувствует себя ее частью, сливается с ней: «Я тоже смотрю, я такой же, как все. Я — никто» [1, с. 278].

Если герой Сити объединяет себя с усредненным европейцем, то Дженна обличает собственного героя, говоря исключительно об итальянской действительности. Он называет современного итальянца неитальянцем, основные характеристики которого отсутствие системы ценностей, предпочтение показного настоящему, незнание собственной культуры, истории и языка. Герой Дженны обращается к самому себе из прошлого: «Ты думаешь — ты колосс, но ты стоишь на глиняных ногах — хотя у тебя и ног-то нет <...> Ты — один из тех неитальянцев, по которым читаю я De Profundis» [1, с. 330].

Аутсайдер, одиночка. Герой итальянского романа-автофикшн — аутсайдер, он тяготеет к переживанию экстремального опыта. Он может быть гомосексу-

алом (романы Сити) или социопатом (герой Дженны), пробовать наркотики, убивать животных (Сити) или даже людей (Дженна), представлять себе сцены катастроф и убийств с многочисленными жертвами.

Героям Сити и Дженны не удается построить стабильных отношений или обрести семью. Гармония с собой и принятие себя приходят к герою через наблюдение совершенной красоты чужого тела (Сити) или очистительного апокалипсиса (в романе Дженны герой наблюдает с холма, как горит туристический поселок, своего рода рай земных наслаждений).

Двойник. Одной из проблем современного мира, по мысли Сити, является чрезмерное навязывание человеку фальшь-образа. Все медиа нацелены на то, чтобы сделать из человека икону; полуреального, полупридуманного героя. Современному человеку внушают, что известность — залог успеха, к которому следует стремиться, но за известность приходится заплатить превращением в медиаперсонажа. С механизмом подобной трансформации знаком сегодня каждый, и это неотъемлемая часть нашей повседневности. В программном романе Сити — «Слишком много рая» — повествователь обретает такого медиадвойника, героя, за которым наблюдает со стороны, а автор обретает двойника-повествователя. Фальшь-образ преследует героя Сити повсюду: реклама, телешоу, СМИ. Благодаря Серджио он тоже знакомится с миром телезвезд, наблюдает, как медиаобраз постепенно завладевает его возлюбленным. Двойник смотрит на героя с экрана, из зеркала; образ двойника складывается из сплетен знакомых, из газетных заметок.

Созерцание собственного лица на огромном экране во время презентации членов жюри Венецианского кинофестиваля становится травмой для героя Дженны, который впервые видит плоское и вытянутое лицо гигантского двойника. Сити относится к медиаобразу иначе, желание человека появляться на экране и быть известным Вальтер называет неотъемлемой физической потребностью. По мысли Сити, современный человек растрчивает реальность, подменяя ее медиареальностью, которая оказывается гораздо более привлекательной. Однако в конце романа «Слишком много рая» Вальтер знакомится с Марчелло, чье идеальное тело возвращает героя в реальность, в то время как Серджио отдаляется от героя, растворившись в медиамире.

Герой нашего времени. Герой автофикшн представляет себя как героя нашего времени, продукт окружающей действительности. «Чтобы писать исповедь — нужно, прежде всего, не стыдиться самого себя, — признается Сити одному из исследователей, Джанлуиджи Симонетти, — в каждом романе я выдумываю себе новую жизнь, придавая ей правдивые черты, тем самым вводя в заблуждение читателя. В этом, несомненно, есть что-то аморальное» [9, с. 161]. Аморальность, как мы уже показали, свойственна и самому герою романов-автофикшн. То, что объединяет протагонистов автофикшн — это отвращение к самим себе. Даря персонажу собственное имя и заставляя его проживать некоторые события собственной жизни, писатель получает возможность стать подопытным кроликом, показав на себе те изменения, которые происходят с обществом.

В центре бытия героя-автофикшн оказывается постоянная потребность утолять желания. Не случайно Сити называет свой роман «Слишком много рая»: у современного человека слишком много желаний и слишком много возможностей удовлетворять любые, даже самые страшные и самые изощренные прихоти, а медиа оказываются фабрикой по производству бесконечных видов желаний и демонстрации ложных способов их реализации.

Три романа Сити — «Школа обнаженной натуры», «Обычная боль» и «Слишком много рая» — исследовательница Ф. Джильо [7] объединяет в трилогию-воспитание, отсылая читателя к трем частям дантовской поэмы. Герой Вальтер взрослеет от романа к роману и после переживания многочисленного опыта всевозможных желаний перерождается. Трилогия заканчивается тогда, когда герой отказывается от желаний. Это и есть, по мысли Сити, единственное условие обретения гармонии.

Сити убежден, что современная литература не в состоянии предложить читателю выдуманный мир, который отражает сегодняшнюю реальность, поэтому единственным возможным выбором для писателя является автобиография, которой не было, разговор о собственной мелкой жизни под маской одноименного, но фикционального героя [9].

Тем самым герой итальянского романа-автофикшн оказывается для автора кривым зеркалом сегодняшней реальности и собственного внутреннего мира. Пропуская проблемы нашего времени через себя, современные итальянские авторы автофикшн пытаются отразить реальность единственным, по их мысли, эффективным способом. Герой итальянского романа-автофикшн скользит по грани морали и по грани реальности, пытаясь сохранить остатки человечности, вглядываясь в самое себя.

Библиографический список

Источники

1. *Дженна Д.* Италия De Profundis. М.: АСТ, 2019. 384 с.
2. *Siti W.* Scuola di nudo. Milano: Rizzoli, 2016. 606 p.
3. *Siti W.* Troppi Paradisi. Milano: Rizzoli, 2015. 446 p.

Литература

4. *Дубнякова О.А.* Автобиографические произведения на уроке французского языка: опыт работы с бакалаврами 3 курса // Иностранные языки в школе. 2017. № 1. С. 49–53.
5. *Дубнякова О.А., Кашина Т.А.* Коммуникативно-прагматические особенности личного дневника // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 1 (25). С. 42–49.
6. *Кузнецова К.А.* Вальтер Сити — новый «классик» итальянской литературы // Вестник научных конференций. 2017. № 3–6 (19). С. 89–91.
7. *Giglio F.* Una autobiografia di fatti non accaduti. Bari, 2008. 192 p.

8. *Simonetti G.* Un realismo d'emergenza. Conversazione con W. Siti // *Contemporanea*. I, 2003. P. 16–163.

9. *Siti W.* Il romanzo come autobiografia di fatti non accaduti [Электронный ресурс] // *Le parole e le cose*. 31 ottobre 2011. URL: <http://www.leparoleelecose.it/?p=1704> (дата обращения: 10.09.2019).

References

Istochniki

1. *Genna G.* Italia De Profundis. M.: AST, 2019. 384 s.
2. *Siti W.* Scuola di nudo. Milano: Rizzoli, 2016. 606 p.
3. *Siti W.* Troppi Paradisi. Milano: Rizzoli, 2015. 446 p.

Literatura

4. *Dubniakova O.A.* Avtobiograficheskie proizvedenia na uroke franczuskogo yazy'ka: opy't raboty' s bakalavrami 3 kursa // *Inostranny'e yazy'ki v shkole*. 2017. № 1. S. 49–53.

5. *Dubniakova O.A., Kashina T.A.* Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti lichnogo dnevnika // *Vestnik MGPU. Ser.: Filologia. Teoria yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie*. 2017. № 1 (25). S. 42–49.

6. *Kuzneczova K.A.* Walter Siti — novy'j «klassik» ital'yanskoj literatury' // *Vestnik nauchny'x konferenzij*. 2017. № 3–6 (19). С. 89–91.

7. *Giglio F.* Una autobiografia di fatti non accaduti. Bari, 2008. 192 p.

8. *Simonetti G.* Un realismo d'emergenza. Conversazione con W. Siti // *Contemporanea*. I, 2003. P. 161–163.

9. *Siti W.* Il romanzo come autobiografia di fatti non accaduti [E'lektronny'j resurs] // *Le parole e le cose*. 31 ottobre 2011. URL: <http://www.leparoleelecose.it/?p=1704> (data obrashheniya: 10.09.2019).

T.A. Bystrova

On the Razor-Edge: Protagonist of the Hypermodern Italian Autofiction

The article deals with the key characteristics of protagonist of hypermodern Italian autofiction through the example of W. Siti and G. Genna. This narrative form features the boundaries between the narrator and the protagonist totally blurred, as well as the authors' attempts to portray their protagonist as a Hero of Our Time and to depict the reality as seen through the prism of personal experience.

Keywords: Italian hypermodern literature; autofiction; narrator; protagonist.

**А.И. Соколов,
И.А. Малышева**

**«Монархия Турецкая» в переводе
П.А. Толстого как источник изучения
русского языка начала XVIII в.**

В статье исследуются некоторые морфологические и лексико-стилистические особенности переводного текста П.А. Толстого «Монархия Турецкая» (П. Рико) как образца особого, переходного типа книжного языка конца XVII – начала XVIII в., в котором совмещаются как архаические (церковнославянские) элементы, так и черты русского языкового узуса эпохи. Текст рассматривается и как один из источников пополнения эмпирической базы «Словаря русского языка XVIII века», поскольку существенно дополняет сведения о незарегистрированных лексических единицах, неизвестных ранее вариантах слов, уточняет время ранней фиксации некоторых лексем и др.

Ключевые слова: русский язык XVIII в.; русская историческая лексикология и лексикография; «Монархия Турецкая» П. Рико; перевод; «Словарь русского языка XVIII века».

В первой половине XVIII в. в России появляется несколько переводов, частично или целиком посвященных описанию социально-политического устройства Оттоманской империи, традиций и быта населявших ее народов. Это «География, или Краткое земного круга описание» [2], «Книга систима, или Состояние мухамеданской религии» [4], «Военное состояние Оттоманской империи» [5], «Известие о двух возмущениях, случившихся в Константинополе 1730 и 1731 г.» [3].

В это число входит и несколько сочинений П.А. Толстого (1645–1729), который в апреле 1702 г. был назначен послом в Османскую империю, где провел более десяти лет (до 1714 г.): «Состояние народа турецкого» [10], «Описание Черного моря, Эгейского архипелага и Османского флота» [9]. Кроме того,

в рукописи сохранился «Статейный список посольства в Константинополь стольника и наместника Алаторского П.А. Толстого» (1702 г., рукопись Российской национальной библиотеки, F.IV.153) [15, с. 253].

Среди трудов П.А. Толстого об Османской империи числится единственный из опубликованных в XVIII в. (1741) — перевод «Монархии Турецкой» (далее — «Монархия») [8].

Согласно титульному листу «Монархия» представляет собой анонимный перевод с польского языка. Польский перевод с французского языка сделан также анонимным переводчиком («przez szlachcica polskiego») и издан в Слуцке в 1678 г. Французский перевод, в свою очередь, был сделан с английского оригинала, принадлежавшего перу английского дипломата Поля Рико (Рикота) (1628–1700) и впервые изданного в 1667 г. под названием «История современного состояния Оттоманской империи» («The history of the present state of the Ottoman Empire»).

Сочинение П. Рико получило широкую известность и самую высокую оценку в Европе, поскольку «Рико был первым английским дипломатом, который представил детальное описание формы правления в Оттоманской империи, ее истории и религиозной культуры» [19, с. 415]. В XVII–XVIII вв. оно было издано на английском языке семь раз, переведено на французский и голландский (1670), итальянский (1672) и польский (1678) (оба последних с французского перевода), немецкий (1671) (имеется несколько переводов), русский (1741), а в наше время — на болгарский (1988) и турецкий (2012) языки [19, с. 416–418].

История появления данного трактата на русском языке описана С.И. Николаевым [14]. Результаты исследования, в том числе сравнение текста книги с рукописным аналогом, хранящимся в Библиотеке Академии наук, доказывают, что за основу для перевода была взята не польская версия текста, а итальянская¹. Авторство перевода установлено С.И. Николаевым на основе записи на рукописи («Гистория управления настоящего империи Оттоманской» с припиской «Преведена с италианскаго на русский язык сиятелнейшим графом тайным действительным советником и кавалером ординов св. Андреа и св. Александра Невскаго Петром Андреевичем Толстым в Цареграде»). Согласно А.В. Гаврилову, в сентябре 1724 г. «граф Толстой, препроводив в Св. Синод Турецкую историю, в переводе с итальянского языка, доложил, что Его Императорское Величество указал, чтобы перевод этот, в правописании исправя, напечатать» [11, с. 164; см. также: 17, с. 417]. Как пишет С.И. Николаев, «из помет в рукописи видно, что вычиткой ее занимался не сам Толстой, а его сын И.П. Толстой, бывший вместе с отцом в Константинополе и хорошо знавший турецкие реалии: в ходе вычитки были уточнены написания имен, должностей и пр., а также отдельные грамматические формы» [14, с. 164].

¹ Появление на титульном листе издания указания на перевод с польского языка объясняют следующим: «На последнем этапе подготовки книги текст был отредактирован по пол. переводу, поэтому на тит. листе появилось указание “Переведена с польского на российский язык”» [15, с. 254].

Текст «Монархии» состоит из трех книг, каждая из которых включает в себя более 10 глав. Завершается текст иллюстрациями одежды, снаряжения турецких чинов разной иерархии.

Актуальность лингвистического анализа перевода «Монархии» представляется очевидной: это один из ранних переводов на русский язык, важный по своему содержанию и лексическому составу; перевод, как уже сказано, был сделан с итальянского языка, а таких текстов среди источников «Словаря русского языка XVIII века» (далее — СРЯ XVIII) мало: из 299 переводных источников только шесть переводов с итальянского языка; автором перевода является один из образованнейших людей петровского времени.

Анализ языка П.А. Толстого необходим для осмысления источников книжно-славянского языка XVIII в., совмещавшего в себе церковнославянскую и русскую лексику, сохранявшего многие архаические черты в морфологии и синтаксисе и в то же время отражавшего грамматику живой русской речи.

Толстой как языковая личность, сформировавшаяся в XVII в., в своем письменном речетворчестве следовал, безусловно, общим нормативным установкам книжного языка, изложенным в фундаментальной «Грамматике» М. Смотрицкого², причем (исходя из дат жизни и смерти П. Толстого) в ее московской редакции 1648 г. Одновременно в языке перевода «Монархии» отмечаются особенности, которые характерны для русского языкового узуса рубежа XVII–XVIII вв., но многие из которых будут кодифицированы позже в *Anfangs-gründe der Russischen Sprache* («Первых началах русского языка»), составленных В.Е. Адодуровым в качестве приложения к «Лексикону» Вейсмана [1]³. В частности, анализ языка перевода «Монархии» обнаруживает ряд вариантных (прежде всего, церковнославянских) форм, отсутствующих в картотеке «Словаря русского языка XVIII века» (далее — КС XVIII)⁴ и не нашедших отражения при грамматической разработке соответствующих словарных единиц в СРЯ XVIII.

В книжно-славянском языке XVIII в. парадигмы склонения существительных, бытовавшие в церковнославянском языке, подвергаются разрушению под влиянием живого русского языка. Отмечается тенденция к смене флексий в типах склонения на **ǫ*, **jǫ*, **ǫ* в дат., тв. и мест. пад. мн. ч. (> –*ам*, –*ами*, –*ах*) под влиянием соответствующих окончаний сущ. ж. р. с основами на **ǭ*, **jǭ*. Так, в «Монархии» среди форм существительных м. р. в дат. пад. мн. ч. фиксиру-

² Следует иметь в виду, что, например, представленные у Смотрицкого парадигмы склонения существительных уже во многом отличаются от классических церковнославянских. См.: [12, с. 24].

³ Описание причин и условий смены языковых регистров, переключения языковых кодов (церковнославянского и русского) в рамках одного и того же текста П.А. Толстого, а также разных текстов данного автора может стать темой отдельного исследования.

⁴ Картотека «Словаря русского языка XVIII века» находится в Институте лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург). Ее коллекция составляет около 2,5 млн карточек-цитат, извлеченных из более 2 тыс. печатных и рукописных источников XVIII в.

ются: *Евнухом черным и Евнухам, Императором Римским и Императорам Греческим, ко Христианом и Христианам, к Янычаном и Янычанам* и др. При этом у данного типа склонения преобладающими оказываются живые формы на *-ам*: *договорам, садовникам, сержантам, ученикам, товарищам, пажам* и др.

В формах существительных м. р. в тв. и мест. пад. мн. ч. ситуация аналогична: *с Янычаны и Янычанами, между Турки и между Турками; о грѣсѣх и во своих грѣхах, в домѣх и в домах*. В то же время для автора предпочтительными являются формы на *-ами* и *-ах* соответственно: *неволниками, бунтовщиками, над учениками, жителями, над журавлями; в турках, при Господах, о чинах, о Евнухах, о сынах, в трудах* и т. п.

Отметим также колебания в окончаниях существительных со старой основой на согласный, а также на **ї* в род. п. ед. ч. под влиянием парадигмы IV склонения с основой на **ї*: *от времени до времени* и *от времени до времени, без потеряния времени* и *без потеряния времени, жертва любви* и *во знак любви*. При этом преобладающими являются формы с новой флексией *-и*: *внѣ времени, в продолжении времени, времени прошлаго, долгаго времени, до того времени; для любви, в знамение любви* и др.

В «Монархии» безусловно и абсолютно преобладают слова с неполногласными приставками: *пребывалище, пребыватель, пребывать, превзыти, предважати, предвѣщание, предосновать, предосуждать, предувѣдение, предупѣти, предходити, премѣнити, премѣнный, препинати, препоясан, препятие, преслушание, преступити, претыкание, прешествие* и др. (по нашим подсчетам, более 150 слов). Редкие случаи употребления слов с *пере-* (*перебресть, перевоз, перевозить, переграда, пережить, переитить реку, перенимать, переправа, переправиться, пересылка, переходить*) связаны, возможно, с более поздней правкой рукописи при подготовке к изданию в 1741 г. Обращает на себя внимание то, что они заметно сосредоточены в заключительных главах сочинения.

Текст «Монархии» как источник пополнения КС XVIII ценен тем, что богат лексикой самого разного характера — как зафиксированной в материалах КС XVIII, так и новой, восполняющей лексические лакуны⁵. Это названия турецких реалий: *аспра* — «мелкая турецкая монета», *бастанджи* — «военный, проходящий службу в султанской лейб-гвардии», *беглербей* — «титул правителя области в Турции», *бей, везирь, диван* — «высший государственный совет в Турции», *ичуглан* — «султанский паж», *паша, спаги (спаги)* — «воины турецкой кавалерии», *султан, турчиться, фетфа* — «юридическое решение на основе законов шариата» и др.⁶

Для пояснения турецких реалий часто используются глоссы или развернутые комментарии:

⁵ О лексических новациях XVIII в. и лакунах в КС XVIII и СРЯ XVIII см. также: [13, 17, 18].

⁶ При этом включение заимствований в СРЯ XVIII ограничено определенными условиями, см.: [16, с. 22–23].

Посылается с предреченной записки список к *Тедфедарю*, то есть к великому казначею [8, с. 35]. Дѣвицы <...> спят на нѣкоторых кроватях, которых турки называют *Софа* [8, с. 50]. Магометаны называют Янычан *Кефередис*, еже есть люди безвѣрные [8, с. 196]. Сие дѣло надлежит исполнять *Имамам*, которых мы называем *попами* [8, с. 205].

Следует отметить, что П.А. Толстой использует иностранные слова, в том числе новые заимствования, для обозначения не только понятий, связанных с европейским укладом жизни, но и восточных реалий. Данная особенность текста перевода — свидетельство активного процесса заимствования новой лексики на рубеже XVII–XVIII вв., свободного употребления новаций в русском языке и закрепления многих из них в его лексической системе: *арцыдук*, *атрибут*, *комплемент*, *компоновать*, *корреспонденция*, *позитура*, *привилегиум*, *принцеп*, *процесс*, *реэстр* (*регистр*), *трагедиум*, *фортеца*, *церемония*, *эксерциция* и др.:

Началник врат, тои есть Евнух бѣлыи, который началствует над всѣми *пажами* и над всѣми Евнухами бѣлыми [8, с. 47]. [Немые пажи] служат для утѣхи Султанской вмѣсто потѣшников, иногда толкают их ногами в брюхо, иногда ввергают их в *Систерны* исполненные водою [8, с. 46]. В то время Султан Магомет умер, и Султан Агмет его *сукцессор* возобновил повелѣние Пашѣ Будимскому продолжати договоры [8, с. 127].

Весьма часто иностранная лексика используется как основа глосс (комментариев) к наименованиям местных реалий:

Была отдана оная Фетфа в руки *Камергеров Джам Берланов*, с указом словесным, вывести оную Царицу за врата [8, с. 25]. Ичугланы принудили Муфтия дати *Фетфу*, еже есть *сентенция* старой Царицы [8, с. 25].

Поскольку «Монархия» представляет собой подробнейшее описание устройства султанского двора, быта в Турецкой империи вообще, в трактате содержится значительное число наименований лиц по профессии, роду занятий: *барабанищик*, *винопродавец*, *воротник*, *дверник*, *дровосѣк*, *конфетурьер* — «кондитер», *лошкомой*, *мясник*, *постельничей*, *придверник*, *садовник*, *служебник*, *служебница*, *спальник*, *трубач*, *харчевник* и др.:

Кесниджир Баша, или первыи *дворецкии*. Дзангерджи Баша, или *ловчи*. <...> Бер Бер Баши, первыи *бритовицик* [8, с. 38–39].

В тех главах сочинения, где представлены данные об этническом составе Турецкой империи, ее вассальных территорий или где описываются взаимоотношения с европейскими государствами, фиксируется ряд этнонимов и катойконимов: *албанец*, *арапка*, *готфы*, *евреаныня*, *кровать* — «хорват», *португалы*, *руссаки*, *сербенин*, *узбеки*, *цыганин*, *цыганка*, *черкасы* и др.; *вавилоняны*, *вританы*, *мутьянцы*, *трансилванцы*, *рагузеи*, *мидяны*, *парфяны* и др.:

Персидянг приняли нѣсколько премѣнения от толкования Алиева [8, с. 125]. Почтение, которое чинят Турки настоящее *Венецианам*, есть величаише онаго, которое было прежде воины [8, с. 123].

Для СРЯ XVIII весьма важной является фиксация наречий, связанных с этнонимами (и катойконимами) и, по правилам «Словаря», помещаемых в гнездо соответствующих прилагательных: *по албански, по арапски, по баснацки, по грузински, по итальянски, по мегрельски, по персидски, по турецки* и др.

В целях пополнения КС XVIII и при работе над СРЯ XVIII актуальным является исследование вариантов лексических единиц. Текст «Монархии» интересен тем, что обнаруживает новые факты вариантности разных типов (фонетической, орфографической, морфологической и др.), а также смешанного типа: *Алкаран – Алкеран, Алкаранский – Алкеранский, омовение – умовение, предугъяние – предъугъяние, придверник – придверничий, реэстр – регистр, сокольник – сокольничей, христианы – христиане, чалма – челма, четверг – четверток, янычаны – янычане – янычаре* и др.

Исследование языка перевода «Монархии» дополняет лексическую базу КС XVIII. В результате выборки из «Монархии» отмечено более 100 словарных единиц, не зафиксированных в СРЯ XVIII и его картотеке: *алямода, богочестимый, бесчестительный, бесчестимый, вьщавание, винопродавница, вмъстителство, гафтованье — «шитье золотом», дозиратель, изглаголствовать, корта — «придворный штат, двор», корфалет – «кольчуга», курбан, малооружный, малокръпкий, малословесный, малотерпящий, муфтейность, параклит, придверничий, припокоение, продаятель, простацкий, рамазанский, сопръние, страннопришелец, суетнословие, умногонародить, унический* и др.

Выявлены производные образования, которых нет в КС XVIII и СРЯ XVIII (при наличии соответствующих лексических единиц с производящими основами, указанных в скобках): *бесправилно (безправильный [20, вып. 1, с. 220]), блудилищный (блудилище [20, вып. 2, с. 69]), женолюбец (женолюбивый, женолюбный, женолюбие [20, вып. 7, с. 111–112]), пашин (паша, пашинский [20, вып. 18, с. 251]), поселянски (поселянский [20, вып. 22, с. 149]), предугъятельный (предугъяние), стужительно (стужительный), тефтедарский (тефтедар), чрезобыкновенно (чрезобыкновенный)* и др.

Аналогична ситуация и с не зафиксированными ранее однокоренными синонимами, среди которых: *благочестивно (благочестиво, благочестивъ [20, вып. 2, с. 56]), памятствование (памятование [20, вып. 18, с. 190]), пастушница (пастушка, пастушиха [20, вып. 18, с. 232]), переводчиций (переводчиков, переводческий [20, вып. 19, с. 44]), христианья (христианка)* и др.

Как известно, СРЯ XVIII — исторический словарь не только по своему материалу, но и по принципам его показа: слово описывается в процессе своей динамики на протяжении одного столетия, новые слова и значения маркируются специальным знаком (<); новые заимствования сопровождаются и датой первой фиксации по данным картотеки; о хронологических характеристиках слова свидетельствует порядок приводимых цитат и т. д. [16, с. 118–120].

Материалы «Монархии» позволяют уточнить время вхождения в язык некоторых слов (около 40): *бритовицик, винопродавец, догматист, евнушеский,*

задавление, имовѣрие, любовнический, мечетный, околичность, омерзить, подспорение, посмѣятельный, потирание, произрастить, рудокопатель, умо-вение и др. В КС XVIII указанные лексические единицы зафиксированы только с середины или с конца века.

Так, ранний пример употребления слова *таверна*, нового для русского языка, зарегистрирован в 1767 г. Текст «Монархии» позволяет говорить о начале века:

Велики Везирь Кюпрюли в Константинополи, велѣл запереть дома, в которых продают кафе, и не чинил ни единыя противности *Тавернам*, в которых продается вино [8, с. 217].

Новое заимствование *спектакль*, согласно материалам КС XVIII, отмечено в вариантах *спектакуль* (1727), *спектаколь* (1766) и *спектакол* (1764, 1766). Анализируемый текст позволяет отодвинуть время вхождения слова в варианте *спектакол* к началу столетия:

Сия разность цвѣтов [одежд молящихся] чинила един милѣишии *Спектакол* к видѣнию, были в такой мѣрѣ неподвижны, что <...> не слышалось, кто бы кашленул или плюнул или что промолвил [8, с. 208–209].

«Монархия» прежде всего представляет интерес как источник изучения лексического материала переводного текста. В то же время мы располагаем еще несколькими сочинениями, принадлежащими П.А. Толстому, как оригинальными, так и переводными, написанными практически в одно время (конец XVII – начало XVIII в.), что дает возможность для сравнительного изучения языка одного автора по текстам, созданным с разными целевыми установками. Так, если «Путешествие стольника П.А. Толстого» (1697–1699) [6, 7], посвященное его поездке в Италию, написано частным лицом и, в общем, простым языком, то «Состояние народа турецкого» и «Описание Черного моря» представляют собой официальные тексты, изложенные деловым языком, причем у первого из них есть определенный адресат — Петр I, по наказу которого он создавался. «Монархия» — исторический трактат, при переводе которого П.А. Толстой следует основным канонам книжного языка эпохи, периодически нарушая их введением в перевод русской лексики и элементов русской грамматики (при этом сам перевод во многом представляет собой отпечаток языковых особенностей исходного итальянского текста). Даже поверхностное, предварительное сравнение языка произведений П.А. Толстого обнаруживает весьма любопытные различия в отборе лексических средств, грамматическом оформлении и связанной с этим стилистике его текстов.

Изучение языка сочинений П.А. Толстого позволит в определенной степени прояснить ту проблему, о которой писал В.М. Живов: «Анализ культурно-языковых инноваций петровского времени распадается... на две части. Во-первых, должны быть выяснены языковые установки Петра, выяснены в том виде, в котором они выразились в лингвистических декларациях царя и его сподвижников. Во-вторых, *эти установки должны быть раскрыты на материале реализовавших их текстов*» (выделено нами. — А. С., И. М.) [11, с. 949].

Библиографический список*Источники*

1. [Адогуров В.Е.] Anfangs-gründe der Russischen Sprache // Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон: Купно с первыми началами русского языка к общей пользе. СПб.: [Тип.] при Имп. Акад. наук, 1731. С. 1–48 (2 паг.).
2. География, или Краткое земного круга описание. М.: [Б. и.], 1710. 106 с.
3. Известие о двух возмущениях, случившихся в Константинополе 1730 и 1731 г. при низложении Ахмета III и возведении на престол Магомета V / пер. с фр. [В.К. Третьяковского]. СПб.: [Тип.] при Имп. Акад. наук, 1738. 38 с.
4. *Кантемир Д.К.* Книга система, или Состояние мухамеданской религии. [СПб.]: В тип. царствующего Санктпетербурха, 1722. 379 с.
5. *Марсилы Л.Ф.* Военное состояние Оттоманской империи с ее приращением и упадком / пер. В.К. Третьяковского: в 2 ч. СПб.: [Тип.] при Имп. Акад. наук, 1737. Ч. 1. 110 с. Ч. 2. 155 с.
6. Путешествие стольника П.А. Толстого (1697–1699 гг.) // Русский архив. 1888. Кн. 1. С. 167–204, 321–368, 505–552. Кн. 2. С. 5–62, 113–156, 225–264, 369–400.
7. Путешествие стольника Петра Андреевича Толстого по Европе 1697–1699 / отв. ред. А.М. Панченко. М.: Наука, 1992. 382 с.
8. *Рикот П.* Монархия турецкая, описанная чрез Рикота бывшего аглинского секретаря посольства при Оттоманской Порте. Переведена с польского на российской язык. СПб.: [Тип. Акад. наук], 1741. 278 с.
9. *Толстой П.А.* Описание Черного моря, Эгейского архипелага и Османского флота / сост. И.В. Зайцев, С.Ф. Орешкова. М.: Наталис, 2006. 304 с.
10. *Толстой П.А.* Состояние народа турецкого в 1703 году // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1914. № 51. С. 47–134.

Литература

11. *Живов В.М.* История языка русской письменности: в 2 т. М.: Ун-т Дм. Пожарского, 2017. Т. 2. 1285 с.
12. *Кутина Л.Л.* Феофан Прокопович. Слова и речи. Проблема языкового типа // Язык русских писателей XVIII века / отв. ред. Ю.С. Сорокин. Л.: Наука, 1981. С. 7–46.
13. *Мальшева И.А.* Картоoteca «Словаря русского языка XVIII века» (к 50-летию ее создания) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2012. Т. VIII. Ч. 3. С. 9–28.
14. *Николаев С.И.* Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи // Русская литература. 1988. № 1. С. 162–172.
15. *Николаев С.И.* Толстой Петр Андреевич // Словарь русских писателей XVIII века: в 3 т. СПб.: Наука, 2010. Т. 3. С. 253–254.
16. Словарь русского языка XVIII века: проект / отв. ред. Ю.С. Сорокин. Л.: Наука, 1977. 164 с.
17. *Соколов А.И.* Лексикографическое описание терминов в историческом словаре (на материале представления химической терминологии в «Словаре русского языка XVIII века» // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 2. С. 32–40.

18. Соколов А.И. Формирование семантики новых слов в русском языке XVIII в.: слово *предмет* // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 3. С. 50–58.

19. Baktir H. Paul Rycout // Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History / Ed. by D. Thomas and J. Chesworth. Leiden: Koninklijke Brill NV, 2016. P. 411–419.

Справочные и информационные издания

20. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019 (продолжающееся издание).

References

Istochniki

1. [Adodurov V.E.] Anfangs-gründe der Russischen Sprache // Vejsman E'. Nemecko-latinskij i russkij leksikon: Kupno s pervy'mi nachalami russkogo yazy'ka k obshhej pol'ze. SPb.: [Tip.] pri Imp. Akad. nauk, 1731. S. 1–48 (2 pag.).

2. Geografia, ili Kratkoe zemnogo kruga opisanie. M.: [B. i.], 1710. 106 s.

3. Izvestie o dvux vozmushheniyax, sluchivshixsya v Konstantinopole 1730 i 1731 g. pri nizlozhenii Axmeta III i vozvedenii na prestol Magomet V / per. s fr. [V.K. Trediakovskogo]. SPb.: [Tip.] pri Imp. Akad. nauk, 1738. 38 s.

4. Kantemir D.K. Kniga sistima, ili Sostoyanie muxamedanskoj religii. [SPb]: V tip. czarstvuyushhego Sanktpiterburxa, 1722. 379 s.

5. Marsil'i L.F. Voennoe sostoyanie Ottomanskoj imperii s ee prirashheniem i upadkom / per. V.K. Trediakovskogo: v 2 ch. SPb.: [Tip.] pri Imp. Akad. nauk, 1737. Ч. 1. 110 с. Ч. 2. 155 с.

6. Puteshestvie stol'nika P.A. Tolstogo (1697–1699 gg.) // Russkij arxiv. 1888. Kn. 1. S. 167–204, 321–368, 505–552. Kn. 2. S. 5–62, 113–156, 225–264, 369–400.

7. Puteshestvie stol'nika Petra Andreevicha Tolstogo po Evrope 1697–1699 / otv. red. A.M. Panchenko. M.: Nauka, 1992. 382 s.

8. Rikot P. Monarxiya tureczkaya, opisannaya chrez Rikota by'vshego aglinskogo sekretarya posol'stva pri Ottomanskoj Porte. Perevedena s pol'skogo na rossijskoj yazy'k. SPb.: [Tip. Akad. nauk], 1741. 278 s.

9. Tolstoj P.A. Opisanie Chernogo morya, E'gejskogo arxipelaga i Osmanskogo flota / sost. I.V. Zajcev, S.F. Oreshkova. M.: Natalis, 2006. 304 s.

10. Tolstoj P.A. Sostoyanie naroda tureczkogo v 1703 godu // Izvestiya Tavricheskoj uchenoj arxivnoj komissii. 1914. № 51. S. 47–134.

Literatura

11. Zhivov V.M. Istoriya yazy'ka russkoj pis'mennosti: v 2 t. M.: Un-t Dm. Pozharskogo, 2017. T. 2. 1285 s.

12. Kutina L.L. Feofan Prokopovich. Slova i rechi. Problema yazy'kovogo tipa // Yazy'k russkix pisatelej XVIII veka / otv. red. Yu.S. Sorokin. L.: Nauka, 1981. S. 7–46.

13. Maly'sheva I.A. Kartoteka «Slovary russkogo yazy'ka XVIII veka» (k 50-letiyu ee sozdaniya) // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy' Instituta lingvisticheskix issledovanij RAN. 2012. T. VIII. Ch. 3. S. 9–28.

14. Nikolaev S.I. Ob atribucii perevodny'x pamyatnikov Petrovskoj e'poxi // Russkaya literatura. 1988. № 1. S. 162–172.

15. *Nikolaev S.I.* Tolstoj Petr Andreevich // Slovar' russkix pisatelej XVIII veka: v 3 t. SPb.: Nauka, 2010. T. 3. S. 253–254.

16. Slovar' russkogo yazy'ka XVIII veka: proekt / otv. red. Yu.S. Sorokin. L.: Nauka, 1977. 164 s.

17. *Sokolov A.I.* Leksikograficheskoe opisaniye terminov v istoricheskom slovare (na materiale predstavleniya ximicheskoy terminologii v «Slovare russkogo yazy'ka XVIII veka» // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2016. № 2. S. 32–40.

18. *Sokolov A.I.* Formirovaniye semantiki novy'x slov v russkom yazy'ke XVIII v.: slovo *predmet* // Vestnik MGPU. Ser.: «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2018. № 3. S. 50–58.

19. *Baktir H.* Paul Rycout // Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History / Ed. by D. Thomas and J. Chesworth. Leiden: Koninklijke Brill NV, 2016. P. 411–419.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

20. Slovar' russkogo yazy'ka XVIII veka. Vy'p. 1–22. L.; SPb.: Nauka, 1984–2019 (prodolzhayushheesya izdanie).

A.I. Sokolov,

I.A. Malysheva

«The Turkish Monarchy» in P.A. Tolstoy's Translation as a Source for Studying Early Eighteenth-Century Russian

The article regards some morphological and lexico-stylistic features of P.A. Tolstoy's translation as an example of a peculiar, transitional type of literary language of the late 17th – early 18th centuries, in which both archaic (Church Slavonic) elements and regular Russian language patterns are combined. The text also reads as a source of replenishing the empirical base of the «Dictionary of the 18th century Russian language», since it significantly supplements the data on unregistered lexical units, previously unknown variants of words, specifies the time of early fixation of some lexemes, etc.

Keywords: the Russian language of the 18th century; Russian historical lexicology and lexicography; «The Turkish Monarchy» by Paul Rycout; translation; «The Dictionary of the 18th century Russian language».

УДК 811. 111' 373.

DOI 10.25688/2076-913X.2019.36.4.05

А.И. Лызлов

Оценочный потенциал зоонимических концептов в английских фразеологизмах

Объектом статьи выступают зоонимические концепты, представленные в английских фразеологизмах. Автор анализирует оценочные компоненты значения фразеологизмов, выражаемые при помощи данных концептов: оценочные признаки и типы оценки. Фразеологические единицы зоонимического характера рассматриваются как элементы публицистического дискурса. Источниками исследовательского материала служат словари и корпус английского языка.

Ключевые слова: оценка; виды оценки; английские фразеологизмы; публицистический дискурс.

Фразеологические единицы (ФЕ) определяются как стабильные связанные сочетания словоформ с полностью или частично переосмысленным значением [7, с. 7; 16, р. 2]. Специфика их значения проявляется в его вторично-номинативном характере, обобщенности, эмоционально-экспрессивном выражении и наличии оценочной коннотации [10, с. 48]. В последнее время англоязычными авторами [16, р. 2] вводится в употребление термин *multi-word expressions* (MWEs), соответствующий русскому «связные сочетания», или ФЕ в широком значении. К их числу относятся пословицы и поговорки. Ряд исследований показал, что они обрабатываются сознанием иначе, чем свободные коллокации. Условия, при которых ФЕ хранятся, извлекаются целиком из памяти, зависят от ряда переменных, таких как частотность употребления и композиционность.

ФЕ отражают базовые элементы культуры концептуального характера. У. Крофт и Д. Круз рассматривают концепт в его способности отражать различные релевантные характеристики, признаков (*attributes*) [9, с. 50; 11, р. 82]. Явление вещественного мира тем полнее отражает концепт, чем больше он способен проявлять категориальных признаков.

ФЕ представляют собой сферу взаимодействия языка и культуры [12, р. 73]. ФЕ может быть интерпретирована на первичном уровне буквального значения, лежащего в ее основе, а также на вторичном уровне ее образного значения. Роль семантического моста между ними выполняет образная составляющая. В последнее время используется термин «фразеологический образ» [8, с. 158; 15, р. 178] для описания наглядной стороны концепта, объективированного в ФЕ. Таким образом, ФЕ можно отнести к анализируемой, или разложимой, семантике.

Фразеологи [13, p. 71] указывают на необходимость вычленения ключевых слов в ФЕ. Если ключевое слово зафиксировано в начале ФЕ, то данное высказывание определяется говорящим как ФЕ быстрее и легче, чем в ситуации, когда оно дано в конце. Последовательность словоформ *strings of words* [13, 18] в речевом потоке воспринимается как ФЕ, а не как свободное сочетание слов лишь после восприятия всего отрезка посылаемой информации. Ключевые элементы ФЕ, определяющие его значение, являются катализатором восприятия данной последовательности элементов речи именно как ФЕ. В целях нашего исследования важно положение, высказанное в работе А. Ланглотца, о том, что ФЕ имеют дискурсивно-коммуникативный характер [14, p. 3].

Оценка наиболее яркий показатель значения ФЕ, она описывает отношение говорящего к высказываемому по принципу «хорошо/плохо» и отражает базовые ценности общества [4–6]. С точки зрения Н.Д. Арутюновой, «максимум контекстной зависимости делает оценку одним из наиболее трудно определенных типов прагматического значения» [1, с. 5]. Оценочный компонент значения исследуемых единиц изучается и в ряде работ западных исследователей [17, p. 82].

Когнитивный анализ фразеологизмов выявил, что наиболее активно оценку выражают ФЕ, реализующие зоонимические концепты. В результате анализа значений ФЕ были выделены оценочные признаки, описывающие минимальные оценочные значения. ФЕ были описаны относительно типов оценки. Случаи употребления фразеологизмов исследовались в публицистическом контексте, поскольку оценка приобретает окончательный смысл только в рамках речевого высказывания. Выбор публицистического дискурса не случаен. Публицистические тексты многочисленны, посвящены описанию различных ситуаций, многие из которых содержат оценку вообще и различные их типы в частности. Приведем ряд примеров реализации исследуемых ФЕ — транслятов оценочных значений — в публицистических текстах.

Фе с концептом «кошка». В публицистике активно представлен такой пейоративный оценочный признак, как живучесть: *a cat has nine lives* [1], и такой пейоративный признак, как жадность: *a fat cat* [1]. ФЕ *a fat cat* репрезентирует социальную оценку «жадность».

В интервью от 2012 г. в рамках предвыборных дебатов кандидатов в президенты США, Б. Обамы и М. Ромни, на телеканале «Фокс Ньюс»: «*Obama is going to try to paint Romney as a fat cat, and Romney is going to say you're destroying the country, and Romney should be joking. He should be joking about what a villain he is for earning money*»¹ [2, URL]. «Обама попытается изобразить Ромни *жирным котом*, а Ромни может сказать, что вы разрушаете страну, и Ромни, должно быть, шутит. Он, должно быть, шутит, говоря о том, что он такой негодяй, что зарабатывает деньги»².

¹ Здесь и далее курсив наш. — А. Л.

² То же.

Оценочная номинация *a fat cat* используется для характеристики конкурента Барака Обамы Мита Ромни. Обама в своей предвыборной стратегии выставляет его богатеem, жирным котом.

ФЕ с концептом «собака». В публицистических текстах отмечается активность таких оценочных признаков, как опыт: *an old dog* [1] и удача: *every dog has his day* [1]. ФЕ, выражающая интеллектуальную оценку: *don't teach an old dog new tricks* [3], используется в статье М. Уолтера 2013 г. в журнале *American Spectator*. Автор критикует позиции конгрессменов Линдси Грэма и Джона Маккейна, придерживающихся агрессивной внешней политики в Сирии: «*An old dog may not be able to learn new tricks, but a sober statesman can and should sometimes change his mind*» [2, URL]. («Старый пес может и не научиться новым трюкам, но трезвомыслящий государственный деятель может и должен иногда менять свое мнение»).

Образ старого пса, не поддающегося обучению новым трюкам, используется в качестве основы противопоставления с позицией указанных политиков, которые в отличие от старого пса иногда способны изменить свое мнение, если, конечно, они являются трезвомыслящими политиками и следуют холодному расчету, а не полюбившимся догмам.

ФЕ с концептом «лошадь». Это животное ассоциируется с силой. Данный оценочный признак реализован в описании физиологической оценки: *as strong as a horse* [1]. В качестве примера приведем отрывок из статьи *Stalking the stalker* («Охота на охотника»), помещенной в журнале *People*: «*The day of her murder, Pace left her job... When she failed to show up that evening, her mother called police... "He must have been strong," says Pace's mother "because... that child was strong as a horse"*» [2, URL].] («В день убийства Пейс ушла с работы... Когда она не появилась в тот вечер, ее мать позвонила в полицию... «Он должен был быть сильным», — говорит мать Пейса, — «потому что... мой ребенок был силен, как лошадь»»).

Пример интересен тем, что традиционно заложенная в данной ФЕ положительная оценочность в контексте меняет свой знак, так как ее употребление репрезентирует характеристику свойства убийцы молодой девушки, спортсменки, сильной и выносливой. Чтобы расправиться с ней, убийца также должен быть очень сильным человеком, что и отражено в ФЕ.

ФЕ с концептом «свинья» в публицистическом дискурсе отражает негативные оценочные признаки. В рекламной статье о ветчине в журнале *Good Housekeeping* ФЕ *to buy a pig in a poke* [1] использована для выражения социальной оценки в рамках признака «обман»: «...*you want to make sure you're getting the right kind of ham... Our winners will help you avoid buying a pig in a poke. First Place The "natural, smoky flavor" of Honey Baked's Half Ham*» [2, URL]. («...вы хотите убедиться, что вы получаете правильную ветчину... наши победители помогут вам не купить свинью в мешке. Первое место занимает «натуральный копченый вкус»»).

В статье речь идет о продаже конкретного товара. Рекламуемая ветчина сделана из известных и определенных ингредиентов, поэтому клиент, приобретая ее, не купит свинью в мешке.

Фе с концептами «волк» и «овца» в примерах, представленных в публицистическом дискурсе, выражают различные оценочные признаки. Например, *like a sheep led to the slaughter* [3] отражает оценочный признак «безынициативность». Во фрагменте беседы, снятой на канале CNN, используется данная ФЕ для объективации социальной оценки, в основу которой положен образ овцы, которую ведут на бойню: «*In the wake of the Watergate scandal... when I saw all those memoranda circulating in the background, I felt like a sheep led to the slaughter*» [2, URL]. («После Уотергейтского скандала... когда я увидел, как все эти докладные записки передаются из рук в руки, я почувствовал себя овцой, которую ведут на бойню»). Один из участников беседы использует данную ФЕ для описания ситуации беспомощности перед лицом опасности.

Фе с концептами «мышь» и «крыса» в дискурсе отражают негативные оценочные признаки. В публицистических текстах встречается ФЕ *as quiet as a mouse* [1], отражающая эмоциональную оценку, ее русский вариант «тихий как мышь».

В журнале *Golf Magazine* посредством использования ФЕ *as quiet as a mouse* дается описание техники удара по мячу: «*The swing itself is simple: Just swing your arms back and through. The secret? Keep your lower body as quiet as a mouse*» [2, URL]. («Этот удар сам по себе прост: запрокиньте руки за голову. В чем секрет? Нижняя часть тела должна быть неподвижной, тихой, как мышь»).

Это очень полезная информация для любителей гольфа: подробно описывается последовательность движений игрока. В отрывке указывается, что нижняя часть туловища гольфиста должна быть расслабленной, тихой, как мышь. В данном контексте используется образный перенос, когда неподвижное положение интерпретируется через звуковой признак «тихий».

Фе с концептами «бык» и «корова». Пример Фе, объективирующей утилитарную оценку, употребляется в следующем контексте: «*Sha said she thought people who wanted to live together ought to get married <...> Trudy said "I want it to go on and on... why buy a cow if the milk is cheap?"*» [3, p. 384]. («Ша говорит, она думала, что люди, которые хотели жить вместе, должны пожениться <...> Труди сказала: «Я хочу, чтобы это продолжалось и продолжалось... зачем покупать корову, если молоко дешевое?»»)

В приведенном контексте дается негативная оценка предложению брака. Девушка хочет сохранить свою свободу. Брак для нее не только формальность, но и бремя.

Анализ показывает, что культурный потенциал ФЕ, репрезентирующих реалии животного мира, активно используют авторы публицистических текстов, с тем чтобы актуализировать оценочный резерв ФЕ для экспрессивного изображения героя публикации или описания общественно значимой ситуации. Таким образом, для ФЕ, представляющих сферу природы в публицистическом дискурсе, наиболее актуальны оценочные признаки, объективирующие социальные, интеллектуальные, утилитарные и физиологические оценки.

Библиографический список

Источники

1. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. 5-е изд., М.: 1998. 944 с.
2. Corpus of contemporary American English (COCA) [Электронный ресурс]. URL: <https://corpus.byu.edu> (дата обращения: 20.09.2019).
3. The Wordsworth dictionary of proverbs / Apperson G.L. [et al.]. Hertford-London, Wordsworth editions Ltd., 2006. 656 p.

Литература

4. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
5. Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф., Кулагина О.А. Семиметрия рефлексии о ценностях современного общества // Лингвистика и аксиология. Этносемиметрия ценностных смыслов: коллективная монография. М.: Тезаурус, 2011. 352 с. С. 196–230.
6. Гальскова Н.Д., Тарева Е.Г. Ценности современного мира глобализации и межкультурное образование как ценность // ИЯШ. 2004. № 5. С. 44–48.
7. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1986. 381 с.
8. Пищальникова В.А., Сонин А.Г., Карданова К.С. Научные модели сознания: От образа к паттерну активации парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. тр.; редкол.: Е.С. Кубрякова, Л.Г. Лузина. М.: Центр гуманитар. науч.-информ. исслед., 2008. С. 158–182.
9. Сулейманова О.А. Семантика безличных моделей со словами категории состояния // Контенсивные аспекты языка константность и вариативность. М.: Флинта: Наука, 2017. С. 43–67.
10. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособ. М.: Высш. шк., 1985. 160 с.
11. Croft W., Cruise D. Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 356 p.
12. Dobrovolskij, D., Piirainen, E. Idioms: Motivation and etymology // Yearbook of Phraseology № 1. Berlin; New York: Walter de Gruyter GmbH. KG, 2010. 212 p. P. 73–96.
13. Glucksberg S. Understanding figurative language: From metaphors to idioms. Oxford, UK: Oxford University Press. 2001. 142 p.
14. Langlotz A. Idiomatic Creativity: A Cognitive-linguistic Model of Idiom-representation and Idiom-variation in English. Amsterdam: John Benjamins Publishing. 2006. 254 p.
15. Naciscione A. Stylistic use of phraseological units in discourse. Amsterdam: John Benjamins, 2010. 292 p.
16. Sivanova-Chanturia A., Martinez R. The idiom principle revisited // Applied Linguistics? Oxford University Press, 2014. P. 1–22.
17. Svensson M.H. A very complex criterion of fixedness: non-compositionality // Phraseology: An interdisciplinary perspective. Granger, S., Meunier, F. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2008. 422 p. P. 81–94.

References*Istochniki*

1. *Kunin A.V.* Bol'shoj anglo-russkij frazeologicheskij slovar'. 5-e izd., ispravl. M.: 1998. 944 s.
2. Corpus of contemporary American English (COCA) [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://corpus.byu.edu> (data obrashheniya: 20.09.2019).
3. The Wordsworth dictionary of proverbs / *Apperson G.L.* [et al.]. Hertford-London, Wordsworth editions Ltd., 2006. 656 p.

Literatura

4. *Arutyunova N.D.* Tipy' yazy'kovy'x znachenij: Otsenka, soby'tie, fakt. M.: Nauka, 1988. 341 s.
5. *Vikulova L.G., Serebrennikova E.F., Kulagina O.A.* Semiometriya refleksii o cennostyax sovremennogo obshhestva // *Lingvistika i aksiologiya. E'tnosemiometriya cennostny'x smy'slov: kollektivnaya monografiya.* M.: Tezaurus, 2011. 352 s. S. 196–230.
6. *Gal'skova N.D., Tareva E.G.* Cennosti sovremennogo mira globalizacii i mezkul'turnoye obrazovanie kak cennost' // *IYASH.* 2004. № 5. S. 44–48.
7. *Kunin A.V.* Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazy'ka: ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. M.: Vy'ssh. shk., 1986. 381 s.
8. *Pishhal'nikova V.A., Sonin A.G., Kardanova K.S.* Nauchny'e modeli soznaniya: Ot obraza k patternu aktivacii paradigmy' nauchnogo znaniya v sovremennoj lingvistike: sb. nauch. tr.; redkol.: E.S. Kubryakova, L.G. Luzina. M.: Centr gumanit. nauch.-inform. issled., 2008. S. 158–182.
9. *Sulejmanova O.A.* Semantika bezlichny'x modelej so slovami kategorii sostoyaniya // *Kontensivny'e aspekty' yazy'ka konstantnost' i variativnost'.* M.: Flinta: Nauka, 2017. S. 43–67.
10. *Shanskij N.M.* Frazeologiya sovremennogo russkogo yazy'ka: ucheb. posobie. M.: Vy'ssh. shk., 1985. 160 s.
11. *Croft W., Cruise D.* Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 356 p.
12. *Dobrovol'skij, D., Piirainen, E.* Idioms: Motivation and etymology // *Yearbook of Phraseology* № 1. Berlin; New York: Walter de Gruyter GmbH. KG, 2010. P. 73–96.
13. *Glucksberg S.* Understanding figurative language: From metaphors to idioms. Oxford, UK: Oxford University Press. 2001. 142 p.
14. *Langlotz A.* Idiomatic Creativity: A Cognitive-linguistic Model of Idiom-representation and Idiom-variation in English. Amsterdam: John Benjamins Publishing. 2006. 254 p.
15. *Naciscione A.* Stylistic use of phraseological units in discourse. Amsterdam: John Benjamins, 2010. 292 p.
16. *Siyanova-Chanturia A., Martinez R.* The idiom principle revisited // *Applied Linguistics?* Oxford University Press. 2014. P. 1–22.
17. *Svensson M.H.* A very complex criterion of fixedness: non-compositionality // *Phraseology: An interdisciplinary perspective.* Granger, S., Meunier, F. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2008. 422 p. P. 81–94.

A.I. Lyzlov

**Evaluative Potential of Zoonymic Concepts in English Phraseological Units
on the Example of Publicist Texts**

The article tackles English phraseologisms, objectifying zoonymic concepts. The article studies evaluative components of phraseologisms expressed by means of the given concepts: evaluative features and types of evaluation. Phraseological units of zoonymic character are studied as elements of publicist discourse. The source of the research material serves the data taken from dictionaries and corpus of the English language.

Keywords: evaluation; types of evaluation; English phraseologisms; publicist discourse.

УДК 821.133.1-31

DOI 10.25688/2076-913X.2019.36.4.06

Н.М. Клейменова,
Н.Г. Абакарова

Тематическая сетка *exclusion* в романах современных французских писателей

Статья посвящена теме отчуждения в современной французской литературе на примере произведений трех современных писателей и построению вокруг нее тематической сетки. В работе освещаются основные принципы отбора лексических единиц в ядро и периферию семантического поля в зависимости от частотности употребления, семантических связей и других факторов.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле; тематическая сетка; семантическое ядро; отчуждение; социальное отторжение.

Каждый автор воспринимает, чувствует и переживает мир по-своему и тем самым создает свой оригинальный и неповторимый образ, свое представление о мире: «Картина мира, которая складывается в сознании автора, отличается своей целостностью, которая обуславливает его способ созерцания, ощущения, восприятия, постижения, осмысления, переживания, объяснения мира и себя в этом мире» [9, с. 143].

Нам представляется, что во многих современных французских романах тема отчуждения (*exclusion*) занимает одно из центральных мест. Поэтому мы выбрали это ключевое понятие для построения лексико-семантического поля (ЛСП) и так называемой *тематической сетки* как отражения данного поля в авторских текстах. Согласимся с мнением В.В. Воробьева, что «семантическое поле в лингвистике становится одной из важнейших категорий, в которой системно и синтетически рассматриваются однородные по своему содержанию единицы» [6, с. 58].

Прежде всего, отметим, что общепринятого определения ЛСП не существует. Тем не менее большинство исследователей выделяют ряд его базовых признаков: во-первых, ЛСП представляет собой набор единиц, объединенных семантическими связями; во-вторых, в его основе лежит ядерный компонент, с которым так или иначе соотносятся значения всех его элементов; в-третьих, ЛСП как полевая структура обладает ядром и периферией и по мере удаления от ядра связь между ядерным компонентом и семантикой единиц поля ослабевает. Расхождения в трактовках ЛСП, нередко обусловленные целями и задачами конкретных

исследований, могут объясняться разными представлениями о характере единиц, образующих ЛСП, и о типе семантических связей между единицами.

Вопрос о характере отношений между единицами поля может быть рассмотрен и в аспекте того, каким образом единицы поля связаны с ядерным компонентом. Согласно одному из вариантов решения данного вопроса все образующие поле единицы должны иметь общую сему, повторяющуюся в значениях каждой из них. Согласно другому подходу каждая единица поля также должна быть семантически связана с ядерным компонентом, но при этом все единицы поля в целом не обязаны иметь общих сем. К такому подходу прибегает, например, Ю.Н. Караулов, и именно этот подход мы будем использовать в своей работе.

При выделении семантического поля могут быть использованы различные методы. Большинство зарубежных и отечественных лингвистов предпочитают логико-семантический метод, предложенный Ш. Балли, который основан на принципе идентификации. Выделение лексико-семантических полей начинаются с установления имени поля — слова-идентификатора, которое выражает смысл, общий для входящих в поле слов, в наиболее объективной и наименее эмоциональной форме. В первую очередь мы обратились к лексикографическому материалу, что позволило выделить ядро, его компоненты, а также ближнюю и дальнюю периферию слова *exclusion*. Как пишет А.С. Осламенко, «изменения структуры лексико-семантического поля свидетельствуют о динамике его семантического наполнения» [8, с. 91], поэтому нам важно понять, как отражено понятие *exclusion* в различных франкоязычных словарях. Работа с франкоязычными лексикографическими источниками [12–14; 15, с. 853] позволила выделить ядерные и периферийные значения понятия *exclusion*:

- *Expulsion de quelqu'un ou de quelque chose (élimination, éviction)* / изгнание
- *Interdiction de qch* / запрет
- *Incompatibilité (rejet)* / несовместимость
- *Action d'exclure du monde du travail, donc de la société. (Phénomène lié à la crise économique, à la montée du chômage et à la précarité d'emploi, marginalisation)* / маргинализация
- *Caractère exclusif (exception)* / исключительность
- *Forclusion (psychologie)* / вытеснение
- *Soustraction d'un segment (médecine)* / отторжение
- *Retrait d'une compétition* / вывод с поля

Первые три определения мы будем считать ядерными значениями, так как они встречаются во всех обозначенных лексикографических источниках, занимают там первые позиции, а также являются достаточно нейтральными и независимыми от контекста. К ядерным компонентам причислим глагол *exclure* и причастие *exclu*. К ближней периферии при анализе словарей отнесем экономический и социологический термин *exclusion sociale* и значение *исключительности*. К дальней периферии, по нашему мнению, принадлежат

употребления этого слова в качестве синонимов к психологическому термину *вытеснение*, медико-биологическому термину *удаление части органа* и спортивному термину *недопуск к соревнованиям*. Решение по поводу включения термина *exclusion sociale* в ближнюю периферию объясняется высокой частотностью употребления этого словосочетания в современном языке.

Анализ значений в лексикографических источниках позволил рассмотреть ЛСП *exclusion* в общезыковом аспекте. Существует и другой вид изучения ЛСП, текстовый. При этом подходе производится анализ смыслов, выражаемых ими в текстах того или иного автора. И.В. Арнольд противопоставляет ЛСП как объединение лексики в языке *тематической сетке* как объединению элементов текста. Согласимся с мнением, что «приступая к анализу языковых явлений, исследователь должен однозначно и исчерпывающе эксплицировать, что он вкладывает в содержание того или иного выбранного им термина» [10, с. 41]. В статье, где речь идет о текстах романов современных авторов, мы предпочли воспользоваться менее традиционным термином *тематическая сетка*, при изучении которой объектом познания служит именно художественный текст. Языковое и текстовое поля далеко не тождественны по своему составу и по своей структуре. Как отмечает Л.В. Куликова, языковое поле «проецируется на тексты избирательно» [7, с. 77], а единицы текстового поля, в свою очередь, получают дополнительные семантические оттенки. Кроме того, по мнению А.Е. Бочкарева, «ни одна словарная статья не в состоянии отразить все оттенки значения. Установить их можно только в засвидетельствованных в речевом обиходе контекстах употребления» [5, с. 42].

Для анализа тематической сетки *exclusion* были выбраны тексты нескольких известных французских авторов. Из всех типов отчуждения франкоязычные авторы особенно часто обращаются к *социальному отчуждению* — *exclusion sociale*.

Известная благодаря своей работе в таких изданиях, как *Libération*, *Le Nouvel Observateur*, и особенно из-за нескольких месяцев, проведенных ею в плену в Ираке, журналистка Florence Aubenas (Флоранс Обена) осуществила социальный эксперимент. Ее задачей было понять, как экономический кризис отразился на самых незащищенных категориях населения. В 2009 г. журналистка уезжает в Кан (Нормандия) и встает на биржу труда. Обена скрывает свою профессию и наличие высшего образования, подав резюме только с сертификатом об окончании средней школы. Свой возраст (48 лет) и женский пол журналистка считает дополнительными отягчающими обстоятельствами. Она надеется получить работу продавца, кассира, консультанта, так как согласна на любую должность. Но оказывается, что в условиях безработицы на такие должности претендуют люди с высшим образованием. Единственный шанс получить работу для героини — стать уборщицей.

Журналистка испытывает на себе все тяготы и унижения, которые переживают люди, находящиеся, по выражению работника биржи, *au fond de la*

casserole (на самом дне кастрюли). Большинство этих людей — женщины, имеющие временную работу, боящиеся потерять должность и *tomber encore plus bas* (упасть еще ниже), они живут в унижении, стыде перед знакомыми, панике и неуверенности в завтрашнем дне. Результатом эксперимента журналистки стала книга, вышедшая в 2010 г. и получившая престижные литературные премии, *Le quai de Ouistreham* (Набережная Уистреам). Как говорит Обена в одном из интервью, ей хотелось показать в своей книге тех, о которых никогда не говорят, которых никогда не замечают: «les tremblantes, les résignées, les travailleuses, les condamnées» («дрожащих, смирившихся, работающих, приговоренных») [3, с. 195]. Женщины, ставшие уборщицами, должны вести себя скромно, т. е. быть незаметными, выполнять самую тяжелую работу быстро, не жаловаться и не спорить. Поэтому они чувствуют себя *écrasées, disparues et foutues* (раздавленными, исчезнувшими и пропавшими) [3, с. 157]. Три самых часто встречающихся слова книги — это *la crise* (кризис) (с этого слова начинается произведение), *безработица le chômage* (безработица) и *la précarité* (неустойчивость, непостоянный характер работы).

Многие читатели во Франции и за рубежом знают писательницу Delphine de Vigan (Дельфин де Виган); ее книги не раз удостоивались литературных премий. В романе *No et moi* («Но и я») рассказывается о талантливой и чувствительной девушке Лу, которая в силу своего развитого интеллекта оказалась самой младшей в классе и постоянно испытывает одиночество и неприятие в кругу своих одноклассников. На вокзале она знакомится с юной бродяжкой Ноулин, и между ними завязывается трогательная дружба. Когда девушки сближаются, Лу уговаривает родителей поселить свою новую подругу у них дома. Ноулин не имеет образования и семьи, она не может устроиться на работу и вынуждена постоянно сменять места своего ночлега: «Comment à 18 ans peut-on se retrouver dehors, sans rien, sans personne?» («Как можно в 18 лет оказаться на улице, без ничего, без никого?») [1, с. 68]. Две одинокие девушки помогают друг другу почувствовать себя уверенней и найти место в обществе. У этой истории грустный конец: на первом же рабочем месте Ноулин столкнулась с грубостью и бессовестной эксплуатацией, но она не может отказаться от этой работы. Девушка начинает пить и принимать антидепрессанты. Родители Лу просят Ноулин покинуть их дом, так как не в силах ей помочь. В этом романе два основных мотива социального неприятия: общество отвергает бродяг и людей, которые не похожи на большинство.

С отторжением столкнулся и герой романа де Виган *Les loyautés* (Лояльности) подросток Тео. Композиция этого романа необычна: автор посвящает каждому персонажу маленькую главу, быстро переключаясь на другого, причем читатель не сразу понимает связь между героями книги. По словам профессора О.В. Тимашевой, «важнейший аспект композиции <...> это последовательность введения изображаемого в текст, способствующая постоянному разворачи-

¹ Здесь и далее перевод наш. — Н. К., Н. А.

нию художественного содержания» [11, с. 328]. Весь роман построен на идее умалчивания: дети и взрослые боятся выдать страшные, позорные тайны самых близких людей и очень от этого страдают. В результате болезненного развода мать вычеркнула отца из своей жизни и ненавидит его. По решению суда Тео должен проводить неделю в доме отца, а другую неделю в доме матери. Каждый раз, возвращаясь от отца, он сталкивается с отвращением и неприятием матери. Тео скрывает ото всех, что отец потерял работу и постепенно впал в глубокую депрессию. Подросток не может забыть рассказ отца, которого выгнали: «cette expression... “mis à pied”... Il avait retenu cette image de l’humiliation terrible par laquelle il avait été anéanti» («это выражение “погнали с работы”... Он запомнил этот унижительный образ, которым отец был уничтожен») [2, с. 76]. Но мальчик не имеет сил помочь отцу: «il éprouve pour lui le recul et le dégoût» («он испытывает к нему неприятие и отвращение»)²).

Мать отвергает Тео, и он начинает сильно пить. Он прочитал в Интернете, что с помощью алкоголя можно довести себя до бессознательного состояния: «un moment de disparition, d’effacement, ou l’on ne doit plus rien à personne» («исчезнуть, стать невидимым, когда ты никому ничего не должен») [2, с. 136]. Общество отвергает маргиналов, и они находят утешение в небытии.

Третьим автором, чьи произведения выбраны для анализа, стал *Edouard Louis* (*Эдуард Луи*), молодой французский писатель, автор известных романов, переведенных на многие языки мира. В своих книгах и интервью Луи говорит о проблемах расизма, бедности и социальной изоляции. Людей, которые находятся в изоляции, автор называет *les exclus, les invisibles, les indicibles* (*отторгнутыми, невидимыми, неслышимыми*). Его известная фраза, повторяемая многими журналистами сегодня как символ неравенства: «Le choix des classes populaires — mourir ou ...mourir» («Выбор простых людей таков — умереть или ...умереть»)³).

Эдуард Луи родился в очень бедной деревне. Благодаря учителям и директору коллежа ему удалось поступить в лицей в Реймсе и потом в Высшую нормальную школу. Свой первый роман — *En finir avec Eddy Bellegueule* (*Покончить с Эдди Белльгёлем*) — он написал в 21 год. Это автобиографическое повествование, в котором рассказывается о детстве автора. В первой фразе романа автор признает: «De mon enfance je n’ai aucun souvenir heureux» («У меня нет ни одного счастливого воспоминания из детства») [4, с. 13]. Книга написана жестко, правдиво, предельно откровенно. Не только его семья, но и сам автор предстает в невыгодном свете. Книга получила высокую оценку критиков, но была болезненно принята его семьей. Художественной находкой Луи является существование в романе двух языковых регистров, которые представлены различными типографскими шрифтами. Обычный шрифт используется для авторского текста сегодняшнего Эдуарда, образованного человека, выпускника

² Перевод наш. — Н. К., Н. А.

³ То же.

Высшей нормальной школы, а курсивом выделены фразы, которые присущи тому социальному классу, к которому относились люди из его окружения: отец, друзья отца — и сам Эдуард в детстве. Писатель называет это *language de l'exclusion* (языком отчуждения).

Действие романа происходит в небольшой деревушке на севере Франции. Жители деревни либо работают на заводе, либо живут на пособия. Работы нет, мечта многих — стать кассиром или продавцом. Мужчины пьют, единственное развлечение — телевизор. В разговорах в семейном кругу и с друзьями — ненависть ко всем, кто отличается от них: к богатым, политикам, иммигрантам, гомосексуалистам. В семье героя пятеро детей, неработающая мать, отец, получающий пособие после травмы на заводе. Они живут впроголодь в старом холодном доме. В атмосфере всеобщей бедности и почти полной безграмотности жители деревни противопоставляют богатых, образованных, которых они называют *les dominants* (господами), людям, подобным им, *les exclus* (изгоям). В одном из эпизодов книги кузен главного героя, попав на скамью подсудимых, не в состоянии понять вопроса, который ему задает прокурор. «*On a exclu ton cousin du monde des études*» («Моего брата вытеснили из мира, в котором можно учиться») [4, с. 129], пишет автор о жестокости, с которой такие, как этот юрист, поступают с изгоями.

Главному герою романа еще тяжелее: с детства проявляется его нетрадиционная сексуальная ориентация, что вызывает у родителей разочарование и стыд перед окружающими. Слово *honte* (стыд) очень часто используется в романе, именно стыд и его синоним *gêne* (стеснение, смущение) являются основной причиной отвержения мальчика семьей и другими детьми: «*Il était impossible pour qui que ce soit de s'apercevoir de la mise à l'écart dont j'étais objet*» («Никому не понять, до какой степени меня чурались») [4, с. 34]. Таким образом, в первом романе Эдуарда Луи проявляется еще один аспект отчуждения: отторжение из-за нетрадиционной сексуальной ориентации. Как говорит в одном из интервью автор романа: «*La sexualité dépend toujours du milieu*» («Сексуальность всегда зависит от среды»), и признается, что в среде людей, отторгнутых обществом, он сам был жестоко отвергнут.

Таким образом, произведенный анализ содержания и лексики романов трех современных французских авторов позволяет прийти к выводу, что понятие *exclusion sociale* (социальное отторжение) является семантическим ядром тематической сетки. При анализе художественного текста мы уделяем внимание не только лингвистическим, но и контекстуальным синонимам и антонимам. В ядерные компоненты нами включены синонимы *vivre; mettre à pied, mettre à l'écart, jeter, hors, dehors, à la rue, le vide autour d'eux, retiré du monde* и антоним *réinsertion*. К ближайшей периферии отнесены слова, называющие основные причины маргинализации: *crise, précarité, rejet, riposte, repousser, fuir, renoncer* и антонимы *apprivoiser, ensemble, s'impliquer, se réfugier*. К дальней периферии — слова, обозначающие психологические

следствия этого отторжения: *peur, gêne, honte, recul, dégoût*. Доказано, что структура тематической сетки *exclusion* отличается от описанной нами структуры лексико-семантического поля.

Библиографический список

Источники

1. *De Vigan D.* No et moi. Paris: Editions Jean-Claude Lattès. 2007. 249 p.
2. *De Vigan D.* Les loyautés. Paris: Editions Jean-Claude Lattès. 2018. 206 p.
3. *Aubenat F.* Le quai de Ouistreham. Paris: Editions de l'Olivier. 2010. 238 p.
4. *Louis E.* En finir avec Eddy Bellegueule. Paris: Editions du Seuil. 2014. 204 p.

Литература

5. *Бочкарев А.Е.* К определению концепта «совесть» в русской языковой картине мира // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 1 (21). С. 41–53.
6. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология. М.: РУДН, 2008. 336 с.
7. *Куликова Л.В.* Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме. Красноярск: КГТУ им. В.П. Астафьева, 2006. 392 с.
8. *Осламенко А.С.* Архетип современного концепта герой // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 1 (29). С. 89–95.
9. *Суворова П.Е.* Конструирование культурных миров и языковая картина мира // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 78. С. 143–154.
10. *Сулейманова О.А., Беклемешева Н.Н., Карданова К.С.* Стилистические аспекты перевода: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. М.: Академия, 2010. 176 с.
11. *Тимаева О.В.* Сюжет и композиция как приемы выразительности // Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: материалы XVIII конф. Школы-семинара им. Л.М. Скрепиной. М.: МГПУ. Языки Народов Мира. С. 327–331.

Справочные и информационные издания

12. Dictionnaire de la langue française par E. Littré [Электронный ресурс]. URL: <https://www.littre.org> (дата обращения: 15.02.2019).
13. Dictionnaire des synonymes, antonymes et de la conjugaison [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dictionnaire-synonyme.com> (дата обращения: 15.02.2019).
14. Lexicologos [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lexilogos.com> (дата обращения: 15.02.2019).
15. Le Petit Larousse illustré 2015, Paris: Larousse.2015. 2016 p.

References

Istochniki

1. *De Vigan D.* No et moi. Paris: Editions Jean-Claude Lattès. 2007. 249 p.
2. *De Vigan D.* Les loyautés. Paris: Editions Jean-Claude Lattès. 2018. 206 p.

3. *Aubenas F.* Le quai de Ouistreham. Paris: Editions de l' Olivier. 2010. 238 p.
4. *Louis E.* En finir avec Eddy Bellegueule. Paris: Editions du Seuil. 2014. 204 p.

Literatura

5. *Bochkarev A.E.* К определению концепта «sovest'» в русской языковой картине мира // *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie.* 2016. № 1 (21). S. 41–53.
6. *Vorob'ev V.V.* Lingvokul'turologiya. M.: RUDN, 2008. 336 s.
7. *Kulikova L.V.* Kommunikativny'j stil' v mezukul'turnoj paradigme. Krasnoyarsk: KGTU im. V.P. Astaf'eva, 2006. 392 s.
8. *Oslamenko A.S.* Arxetip sovremennogo koncepta *geroj* // *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie.* 2018. № 1 (29). S. 89–95.
9. *Suvorova P.E.* Konstruirovaniye kul'turny'x mirov i yazy'kovaja kartina mira. // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena.* 2008. № 78. S. 143–154.
10. *Sulejmanova O.A., Beklemesheva N.N., Kardanova K.S.* Stilisticheskie aspekty' perevoda: ucheb. posobie dlya stud. uchrezhd. vy'ssh. prof. obrazovaniya. M.: Akademiya, 2010. 176 s.
11. *Timasheva O.V.* Syuzhet i kompoziciya kak priemy' vy'razitel'nosti // *Fundamental'noe i aktual'noe v razvitiy yazyka: kategorii, faktory', mexanizmy': materialy' XVIII konf. Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj.* M.: MGPU. Yazy'ki Narodov Mira. S. 327–331.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

12. Dictionnaire de la langue française par E. Littré [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.littre.org> (data obrashheniya: 15.02.2019).
13. Dictionnaire des synonymes, antonymes et de la conjugaison [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.dictionnaire-synonyme.com> (data obrashheniya: 15.02.2019).
14. Lexicologos [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.lexilogos.com> (data obrashheniya: 15.02.2019).
15. Le Petit Larousse illustré 2015, Paris: Larousse. 2015. 2016 p.

*N.M. Kleimenova,
N.G. Abakarova*

Exclusion Thematic Grid in the Novels by Contemporary French Writers

The article tackles the theme of exclusion in the modern French literature considering works of three contemporary writers and building a thematic grid, around this theme. The article highlights the major principles of selecting lexical units into the core and the periphery of a semantic field, depending on the frequency of use, semantic links and other factors.

Keywords: lexico-semantic field; thematic grid; semantic core; alienation; social exclusion.

**ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ТЕОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

УДК 811.133.1'42-112

DOI 10.25688/2076-913X.2019.36.4.07

Т.Г. Игнатьева

**Презентационный дискурс
в диахроническом тексте**

В статье изучаются распространенные способы передачи презентационного дискурса во французских литературных средневековых текстах. Исследуются авторские тексты Кретьена де Труа. Выявляются функционально-прагматические особенности зачина как важнейшего компонента композиционной структуры в романах данного поэта. В свете последних достижений маркетинговой лингвистики зачин рассматривается как продвигающий текст в композиционной структуре основного текста.

Ключевые слова: презентационный дискурс; прагматическая функция; диахронический текст; текстовая ситуация; структурно-функциональная универсалия.

Современные лингвистические исследования демонстрируют неослабевающий интерес науки к проблемам лингвистики текста. Перечень работ, посвященных как общей, так и частной теории художественного текста, очень велик. Но в абсолютном большинстве это труды синхронического плана. Лингвистической базе диахронических текстов внимание уделяется неоправданно редко. Вместе с тем диахронический аспект исследований, своего рода лингвистическая археология, как и любая другая историческая наука, не только помогает понять строение современного языка и его парадоксы, но и открывает окно в прошлое, позволяет представить картину мира ушедших эпох, помогая нам сегодня, в условиях стремительных перемен, остановиться и подумать о вечном.

Поводом для написания данной статьи послужили два фактора.

Во-первых, знакомство с коллективной монографией «Маркетинговая лингвистика» [11], имеющей значимый подзаголовок «Закономерности продвигающего текста». На наш взгляд, термин «продвигающий текст» хорошо увязывается с таким композиционным фрагментом диахронического текста, как зачин. Наши наблюдения показывают, что зачин выступает регулярным

каноническим компонентом структурной организации поэтического художественного текста во французской средневековой литературе XII–XIII вв.

Во-вторых, несогласие с тезисом авторов монографии о том, что дискурс актуально событийен, в отличие от текста он не проецируется в прошлое, поэтому о древних текстах не говорят как о дискурсивных [18, с. 833]. Мы убеждены, что нельзя разводить термины «дискурс» и «текст» по разные стороны баррикад, как в свое время это делалось с терминами «язык» (парадигматика) и «речь» (синтагматика). В длительной дискуссии по поводу соотношения терминов «дискурс/текст» в настоящее время наметилась явно выраженная тенденция не к противопоставлению, а к объединению, интеграции указанных терминов, определению одного через другое. Иными словами, отмечается диалектическое единство двух явлений человеческого сознания, имеющих одинаковую, коммуникативную природу [16]. Эта единая онтологическая сущность служит базой для интегрального объединения дискурса и текста. В этом плане представляется оправданным принять определение В.И. Карасика, которое состоит в том, что дискурс понимается как текст, погруженный в ситуацию общения, или, наоборот, как общение посредством текста [8, с. 278].

При этом в нашем случае речь идет об общении как явлении литературной, т. е. вторичной, коммуникации в рамках дихотомии *автор – читатель*. Данная дихотомия рассматривает личностный аспект в деятельности коммуникантов, осуществляемый посредством текста как в синхронии, так и в диахронии. Автор и читатель слиты с высказыванием, хотя и каждый по-своему. Они находятся по разные стороны текста: автор — до него, читатель — после него. Автор, его картина мира в тексте составляют по отношению к тексту прошедшее, завершенное, а читатель, его текстовая картина мира представляют то, что он станет думать о заложенной автором картине мира. По отношению к тексту читатель — это его будущее. Сам же текст выступает как материальная данность в настоящем. Он то, что есть сейчас [7, с. 181].

В этом ключе зачин старофранцузского текста можно рассматривать как своего рода продвигающий текст, выполняющий общую задачу маркетинга — необходимость продвижения товара в определенных аудиториях. Изучение вопроса о популяризации и продвижении товара, т. е. литературного текста, в условиях поголовной неграмотности населения в период начала становления французского письменно-литературного языка представляется интересной и актуальной задачей. Обращение к началу начал выступает необходимым условием всякой научной работы. Несомненно, что диахронические исследования как в общетеоретическом, так и в прикладном осмыслении ждет большое будущее.

Материалом для анализа послужили поэтические романы Кретьена де Труа как наиболее репрезентативные тексты жанра куртуазного романа, занимающего ядерный сектор поля литературной словесности зрелого Средневековья во Франции: «Эрек и Энида» (1170), «Клижес» (1176), «Ивейн» и «Ланселот» (1176–1181), «Персеваль» (1181–1191). Датировка дается по [8, с. 114].

Зачин диахронического текста как способ взаимодействия автора с читателем и другими субъектами фикционного мира художественного текста отражает авторскую эстетическую, т. е. пропущенную через собственное сознание, позицию, а *обязательная необязательность* (термин О.Г. Лазареску) формы и содержания возводят его в ранг достаточно труднопонимаемых литературных явлений.

Мы рассматриваем старофранцузский зачин как своего рода рекламный текст в тексте. Композиционно он автосемантичен. Начало текста функционирует как кодовый ключ: из него читатель узнает, как следует декодировать дальнейший текст [10, с. 197]. В.А. Лукин вслед за Б.А. Успенским выделяет три аспекта композиционного построения текста:

– семантика композиционного построения выявляет отношение авторской точки зрения к описываемой действительности;

– синтактика композиционного построения предполагает анализ отношения различных точек зрения, участвующих в произведении (имеет место вопрос о функциональном значении использования той или иной точки зрения в произведении, т. е. внутреннем синтаксическом значении, которое устанавливается без выхода за пределы произведения;

– прагматика композиционного построения рассматривает проблемы композиции произведения в связи с его читателем, т. е. тем, кому адресован данный текст (речь идет об авторской и читательской точках зрения, отношения между которыми проявляются прежде всего в плане их относительного кругозора и осведомленности о происходящих событиях) [10, с. 201].

Зачин связан с прагматическим аспектом, т. е. направлен на адресата. Он играет важную роль в сфере средневековой художественной коммуникации, осуществляя *креативное общение* (термин В.И. Карасика) между автором и читателем. Это созидательное общение, которое будоражит мысль, интерес к сюжету, персонажам, вызывая различные ассоциации из пережитого индивидуального опыта, формируя эмоционально-оценочное отношение к тексту как со стороны автора, так и со стороны читателя.

Прагматическая ориентированность зачина детерминирована его функциональной природой, которая проявляется в номенклатуре функций и в определении их содержательной стороны. Это важно и для установления национально-типологического своеобразия художественного текста, и для определения неповторимых черт данного этапа его эволюции как явления типологического, и для понимания природы отдельных текстов как явления конкретно-исторического в рамках средневековой культуры [15]. В диахроническом тексте зачин выполняет презентативную, фатическую, метатекстовую, идеационную функции, первая из которых является ведущей, так как реализует авторско-читательские интенции. Для зачина это своего рода *la raison d'être* (причина быть, существовать). Ее можно назвать имиджевой функцией. Она имеет синкретичную природу. Синкретизм проявляется в совмещении различных

значений: презентации самого автора, персонажей, мецената, текстовой ситуации (эпоха, время, место, развитие сюжета и др.).

Презентация автора имеет своим содержанием саморефлексию. Зачин выполняет роль экспозиции текста, его витрины, где автор выставляет на показ тех, кто важен для его коммуникативного намерения: себя как человека, желающего запечатлеть свою персону в качестве автора текста, и другого, будь то меценат или коллективный адресат, публика, для которой предназначен текст. Презентация автора в романах Кретьена де Труа реализуется путем чередования личного субъектного местоимения первого лица единственного числа *je* с именем собственным *Crestiens de Troies*, чаще просто *Crestiens*. Например:

«Par foi, je ne sui mie cil qui vuelle losangier sa dame» («В этот раз я совершенно не тот, кто желает хвалить свою даму») ¹ [2, с. 1].

«Crestiens seme et fet semance / d'un romans que il an comance» («Кретьен сеет (создает) и делает (совершает) посев романа, о котором он извещает») [4, с. 5].

Здесь имеет место прямая идентифицирующая номинация автора. Встречается также своего рода дисперсивная, скрытая номинация автора:

«Mes or parlons de cez qui furent» («Но теперь поговорим о тех, кто был») [1, с. 2].

Семантика глагола первого лица множественного числа *parlons* (поговорим) предполагает наличие *сем я* и *вы*. Авторское *я* не выражено открыто, но имплицитно предполагается его наличие. Валентностные отношения с декларативными глаголами *dire, parler, conter, prover*, экзистенциональным глаголом *estre* выявляют голос автора, который присутствует в тексте как персонифицированная реальность, представленная дискурсивно в виде повествователя, имитирующего по стилистическому оформлению устную речь в виде рассказа, философских рассуждений автора, какого-либо описания.

Зачин может содержать в себе прямую презентацию персонажей:

«Artus, li boens rois de Bretaingne / la cui proesce nos enseigne» («Артур, хороший король Бретани, / тот, кто доблести нас обучает») [1, с. 1].

В данном примере отмечается прямая интродуктивная презентация, дискурсивно представленная либо через приложение, как в приведенном ранее варианте, либо с помощью определительного придаточного предложения:

«D'Alexandre vos conteron, / qui tant fu corageus et fiers» («Об Александре вам расскажем, / который был так отважен и горд») [3, с. 3].

Как показывает материал, презентация персонажей в зачине, как правило, имеет лаудативный характер. Это объясняется тем, что персонаж, представленный в зачине, — лицо событийное, это носитель событийной ситуации, сюжетообразующее лицо из числа персонажей первого плана, имеющее эмблематичный характер и выступающее в качестве смысловой опоры в тексте. Как указывает Е.М. Мелетинский, персонажам, событиям и ситуациям средневекового романа присущ символический, знаковый характер, они выступа-

¹ Здесь и далее перевод наш. — Т. И.

ют носителями определенных функций (часто нескольких сразу) в системе целого. Герои романов не столько цельные, живые характеры, сколько художественные конструкции, оперируя которыми автор решает некоторые нравственные проблемы, в частности проблему личности [12, с. 7–8].

Регулярное явление в зачине — презентация мецената, по заказу которого написан текст: обычная для Средневековья практика. Здесь налицо репутационное информирование [6, с. 15]. Слова благодарности и восхваления обращены к тому, кому посвящен текст. Наиболее ярко подобный тип презентации представлен в романе «Рыцарь телеги»:

«Puisque ma dame de Chanpaigne / vialt que roman a feire an praigne, / je l’an prendrai molt volontier. / Et jel tesmoignasse, / que ce est la dame qui passé / tot es ce les qui sont vivanz» («Так как моя дама из Шампани хочет заказать роман / я напишу его очень охотно... / и я об этом свидетельствую, / что это дама, которая превосходит всех тех, кто живет») [2, с. 1].

Общеизвестно, что роман написан по заказу Марии Шампанской, дочери Альеноры Аквитанской и короля Франции Людовика VII, вышедшей замуж за графа Генриха Шампанского в 1164 г. Двор Марии Шампанской, как и двор ее матери, знаменитой Альеноры Аквитанской, отличался изысканностью поэтических вкусов. Меценатство являлось одним из социокультурных факторов, обуславливающих типологическую специфичность старофранцузских текстов. Существует довольно устойчивое мнение о четкой социальной приуроченности литературных жанров в Средние века. Так, отмечается [13], что куртуазная литература сословно ограничена аристократическим обществом. Стилистика жанра требовала, чтобы в куртуазном романе непременно был упомянут в зачине меценат, при дворе которого служил поэт. Дискурсивная номинация мецената включает в себя имя собственное, титул, лаудативную лексику, как правило, в составе определительного придаточного предложения, например:

«C’est li quens Philipe de Flandres / qui mi avalt ne fist Alexandre / cil quel’an dit qui tant fu biens» («Это Филипп Фландрский, который мне дороже, нежели Александр, тот, о котором говорят, что он так хорош») [4, с. 5].

Еще один элемент презентационного дискурса в зачине — презентация текстовой ситуации, которая может включать в себя время действия или отсылку к прошедшим временам предков, место действия, развитие сюжета, референции к затекстным персоналиям и событиям и др. Презентация текстовой ситуации позволяет определить зачин как феномен художественного сознания, в котором отражены характерные черты культуры Средневековья. В каждом романе Кретьена де Труа содержится описание двора короля Артура, в качестве примера приведем цитату из произведения «Эрек и Энида»:

«Au jor de Pasque, au tans novel, / a Quaradigan, son chastel, ot li rois Artus corte tenu; / einz si riche ne fu veüe, / que molt i ot boens chevaliers, / hardiz et conbatanz et fiers, / et riches dames et pucele, / filles de rois, gentes et beles»

(«В день Пасхи, в новое время, / в Карадигане, своем замке, / король Артур собрал (имел) свой двор; / никогда до сих пор такого богатого двора не видели, / и много там было хороших рыцарей, / верных и воинственных и гордых, / и богатых дам и девушек, / дочерей короля, милых и красивых») [2, с. 2].

Дискурсивная реализация этой презентации обращает на себя внимание наличием лаудативных прилагательных: для рыцарей — *boens, hardiz, combatanz, fiers*, для дам — *riches, filles de rois, gentes, beles*. По существу, здесь даны гендерные описательные характеристики персонажей при помощи широкозначных прилагательных положительной эмоциональной оценки. Мы согласны с О.А. Титовой в том, что в эмоциональной оценке содержится доля интеллектуальной оценки (и наоборот), поскольку в языке нет двух строго отграниченных друг от друга систем логических и аффективных значений [17, с. 109].

Итак, в диахронических текстах Кретьена де Труа презентативная функция зачина предполагает передачу актуальной информации, касающейся определенного круга личностей: автора, мецената, персонажей, — и других атрибутов художественного мира. Это развернутая презентация эмоционально оценочного характера, благоприятно влияющая на продвижение текста в сознании читателя.

Кроме того, зачин выполняет фатическую, контактоустанавливающую функцию, она описана в работе Н.Н. Михайлова [14]. В изучаемом материале, на наш взгляд, присутствует наиболее часто формальный коллективный адресат, поскольку в тот период имело место слуховое потребление текстов — «от рта к уху». Фатическая функция «служит своеобразным, сугубо литературным каналом связи, по которому автор устанавливает контакт с читателем и через который общается с ним на протяжении всего художественного времени» [14, с. 185].

Применяя коммуникативную модель Р. Якобсона к изучению литературного текста, мы выделяем в зачине диахронического текста метатекстовую функцию, т. е. представление текста через самое себя. Имеется в виду, что зачин — это текст в тексте, мета-, сверхтекст. Как указывает О.Г. Лазареску, «сам литературный процесс в наиболее значимых, переломных его точках, выступает как метатекст литературы, вобравший в себя информацию как собственно литературного свойства, так и внелитературную, не имеющую существенного значения для литературы. Предисловие к художественному произведению стало важнейшим каналом связи литературного и внелитературного рядов, во взаимоотношениях которых складывается неповторимый облик культуры каждой конкретной эпохи, каждого момента ее развития» [9, с. 29]. Данное положение вполне соотносимо с нашим материалом, поскольку мы рассматриваем зачин как своеобразное предисловие к диахроническому тексту и, без сомнения, как наиболее значимую, переломную точку в процессе литературной коммуникации между автором и читателем.

Помимо прочего, мы выделяем идеационную функцию зачина (от фр. *idéation* — образование идей, понятий). Полагаем, что это одна из основных

функций зачина в диахроническом тексте. Она соотносима с кумулятивной функцией языка, так как аккумулирует в себе полифонию (термин М.М. Бахтина) множества идей, осмысливаемых автором и читателем в качестве идеологического пространства текста.

Подводя итог, можно сказать, что зачин диахронического текста в произведениях Кретьена де Труа представляет собой разновидность воздействующего (рекламного) дискурса, имеющего многофункциональную природу и отражающего особенности литературной коммуникации изучаемого периода. Данная структурно-функциональная универсалия композиционно размещена в начале произведения и рассматривается нами как продвигающий текст по отношению к основному тексту.

Библиографический список

Источники

1. Le chevalier au lion (Ivain). Publié par Mario Roques. Paris: Editions Champion, 1982. 264 p.
2. Le chevalier de la charette. Edité par Mario Roques. Paris: Honoré Champion Editeur, 1997. 240 p.
3. Cligès. Publié par Alexandre Micha. Paris: Librairie Honoré Champion, Editeur, 1975. 256 p.
4. Le conte du Graal (Perceval). Tome 1. Edité par Félix Lecoy. Paris: Honoré Champion, Editeur, 1998. 191 p.
5. Erec et Enide. Publié par Mario Roques. Paris: Librairie Honoré Champion, Editeur. 1990. 282 p.

Литература

6. Антонова Л.Г., Жданова Т.А. Описание жанровой структуры SMM // Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста: коллективная монография / под ред. Е.Г. Борисовой, Л.Г. Викуловой. М.: Флинта, 2019. 164 с.
7. Игнатъева Т.Г. Антропометрическая парадигма диахронического художественного текста // Человек и его язык: материалы юбилейной XVI Междунар. науч. Школы-семинара им. Л.М. Скредлиной. СПб.: Скифия, 2013. С. 180–185.
8. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
9. Лазареску О.Г. Литературное предисловие: вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII–XIX вв.). М.: Московск. пед. гос. ун-т, 2007. 380 с.
10. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Ось, 2005. 560 с.
11. Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста: коллективная монография / под ред. Е.Г. Борисовой, Л.Г. Викуловой. М.: Флинта, 2019. 164 с.
12. Мелетинский Е.М. Средневековый роман. Происхождение и классические формы. М.: Наука, 1983. 302 с.
13. Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М.: КомКнига, 2006. 352 с.
14. Михайлов Н.Н. Теория художественного текста: учеб. пособие. М.: Академия, 2006. 224 с.

15. *Райскина В.А.* Понятие «идентичность» в контексте средневековой французской лингвокультуры // Текст, контекст, интертекст: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. XV Виноградовские чтения: в 3 т. 2019. Т. 3. С. 207–215.

16. Текст: дискурсивное проявление и коммуникативная практика: сб. науч. ст. в честь юбилея д-ра филол. наук, проф. Л.Г. Викуловой / под общ. ред. Е.Г. Таревой. М.: МГПУ; Языки Народов Мира, 2017. 244 с.

17. *Тугова О.И.* О понятии «оценка» и ее семантической интерпретации // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2009. № 2 (4). С. 109–112.

18. Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов; сост.: М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М.: Олимп, 2005. 960 с.

References

Istoshniki

1. Le chevalier au lion (Ivain). Publié par Mario Roques. Paris: Editions Champion, 1982. 264 p.

2. Le chevalier de la charette. Edité par Mario Roques. Paris: Honoré Champion Editeur, 1997. 240 p.

3. Cligès. Publié par Alexandre Micha. Paris: Librairie Honoré Champion, Editeur, 1975. 256 p.

4. Le conte du Graal (Perceval). Tome 1. Edité par Félix Lecoy. Paris: Honoré Champion, Editeur, 1998. 191 p.

5. Erec et Enide. Publié par Mario Roques. Paris: Librairie Honoré Champion, Editeur. 1990. 282 p.

Literatura

6. *Antonova L.G., Zhdanova T.A.* Opisanie zhanrovij struktury' SMM // Marketingovaya lingvistika. Zakonomernosti prodvigayushhego teksta: kollektivnaya monografia / pod red. E.G. Borisovoi, L.G. Vikulovoi. M.: Flinta, 2019. 164 p.

7. *Ignatieva T.G.* Antropometricheskaya paradigma diaxronicheskogo xudozhestvennogo teksta // Chelovek i ego yazyk: materialy' yubilejnoy XVI Mezhdunarodnoj Schkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj. SPb.: Skifiya, 2013. S. 180–185.

8. *Karasik V.I.* Yazy'kovy'e kl'yuchi. M.: Gnosis, 2009. 406 p.

9. *Lazaresku O.G.* Literaturnoe predislovie: voprosy' istorii i poe'tiki (na materiale russkoj literatury' XVIII–XIX vv.). M.: Moskovsk. ped. gos. un-t, 2007. 380 p.

10. *Lukin V.A.* Xudozhesvenny'j tekst: Osnovy' lingvisticheskoy teorii. Analiticheskij minimum. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Os', 2005. 560 p.

11. Marketingovaya lingvistika. Zakonomernosti prodvigayushhego teksta: kollektivnaya monografia pod red. E.G. Borisovoj, L.G. Vikulovoj. M.: Flinta, 2019. 164 p.

12. *Meletinskij E.M.* Srednevekovoj roman. Proisxozhdenie i klassicheskie formy'. M.: Nauka, 1983. 302 p.

13. *Mixajlov A.D.* Francuzskij ry'carskij roman i voprosy' tipologii zhanra v srednevekovoj literature. M.: KomKniga, 2006. 352 p.

14. *Mixajlov N.N.* Teoria xudozhestvennogo teksta: ucheb. posobie. M.: Akademiya, 2006. 224 p.

15. *Rajskina V.A.* Ponyatie «identichnost'» v kontekste srednevekovoj francuzskoj lingvokultury' / Tekst, kontekst, intertekst: sb. nauch. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf. XV Vinogradovskie chteniya: v 3 t. 2019. T. 3. S. 207–215.
16. Tekst: diskursivnoe proyavlenie i kommunikativnaya praktika: sb. nauch. st. v chest' yubileya d-ra filol. nauk, prof. L.G. Vikulovoj / pod. obshh. red. E.G. Tarevoj. M.: MGPU; Yazy'ki Narodov Mira. 2017. 244 p.
17. *Titova O.I.* O pony'atii «ocenka» i ee semanticheskoy interpretacii // Vestnik MGPU. Ser.: Filologia. Teoria yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2009. № 2 (4). S. 109–112.
18. E'fektivnaya kommunikaciya: istoriya, teoriya, praktika: slovar'-spravochnik / otv. red. M.I. Panov; sost. L.E. Tumina. M.: Olimp, 2005. 960 p.

T.G. Ignatieva

Presentation Discourse in Diachronic Text

The article features common ways of presentation discourse functioning in medieval French literary texts. Chretiens de Troyes' texts are under study as the most representative works of the period. The findings reveal functional and pragmatic features of the opening as the principal structural component in the poet's works. What is of particular importance is the description of the semantics of the opening sentence and its pragmatic role in the literary communication of the period under study. The latest achievements in marketing linguistics regards the opening sentence as a promoting text in the compositional structure of the main text body.

Keywords: presentation discourse; pragmatic function; diachronic text; text situation; structural and functional universal.

УДК 81'272

DOI 10.25688/2076-913X.2019.36.4.08

Ж.Р. Сладкевич

Персональный имидж: к вопросу об определении понятия¹

В статье рассмотрена отличительная сущность имиджа как фундаментального понятия современных дисциплин гуманитарного профиля. Автор исследует взаимосвязь персонального речевого имиджа с такими близкими понятиями, как *образ, языковая личность, речевой портрет, репутация, роль, ампула, маска*, а также описывает его составляющие модели.

Ключевые слова: речевой имидж; образ; языковая личность; репутация; маска.

В новую эпоху действует своя логика: люди голосуют не за реальных политиков, а за удачные имиджи...

Д.В. Ольшанский

Усложнение современной социально-коммуникативной практики, усиление смыслообразовательного и речевоздействующего аспекта пиар-деятельности в публичном дискурсе привели к расширению научного пространства и структуризации новых, значимых для него понятий. В настоящее время проблема формирования имиджа человека, фирмы, территории или государства выходит на авансцену гуманитарных исследований междисциплинарного характера. Совместные усилия имиджмейкеров, PR-технологов, маркетологов, психологов, социологов, лингвистов и специалистов других областей науки привели к становлению имиджелогии как дисциплины. Языковеды изучают имиджевый дискурс в различных перспективах: жанровой, аксиологической, прагматической, — но тем не менее вопрос о дифференциальных признаках имиджа остается открытым. Целью данной статьи является определение отличительной сущности персонального имиджа в ряду пересекающихся понятий.

Имидж как базовое понятие современной имиджелогии

Сложность и смысловая многогранность изучаемого понятия «имидж» [от англ. или фр. *image* < лат. *imago* — «образ, подобие»] имплицитно форму-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00442, «Механизмы смыслообразования и текстуализации в нарративных и перформативных дискурсах и практиках») в Балтийском федеральном университете имени Иммануила Канта, г. Калининград.

лирование все новых дефиниций, которые могли бы полноценно раскрыть его сущность. В языке-источнике лексема *image* имеет как минимум пять значений: «образ» (основное значение), «статуя (идол)», «подобие», «метафора», «икона» [7, с. 73]. В буквальном переводе на русский язык *image* означает «образ». Однако такой прямой перевод осложнен тем, что в русском языке слово «образ» имеет ряд разных значений (внешний вид, облик; наружность, внешность; наглядное представление о ком-/чем-либо, возникающее в воображении кого-либо; обобщенное художественное восприятие действительности, облеченное в форму конкретного индивидуального явления; характер, склад, направление чего-либо; способ, средство [17, с. 682]. Цифровые ресурсы синонимов русского языка показывают разнородный синонимический ряд по отношению к искомой лексеме. К примеру, на сайте text.ru приводятся следующие единицы (перечисляем согласно частотности): *фигура, стиль, продукт, оболочка, образ, внешний вид, статус, репутация*²; в «Словаре синонимов» под редакцией В.Н. Тришина (2013): *фигура, образ, прикид, репутация, стайл, феиш*³. Закономерно возникает вопрос об отличительной сущности многомерного понятия «имидж» в ряду близких по значению понятий терминологического характера, конфигурация которых зависит от разновидности имиджа. По содержательным характеристикам целесообразно выделять имидж персональный (личностный/индивидуальный), групповой (корпоративный, этнический, территориальный, гендерный), территориальный (в том числе государственный), предметный (продвижение товара) и социальный (продвижение идей)⁴. Предметом нашего рассмотрения является персональный имидж, представляющий собой конгломерат составляющих его компонентов: габитарного (от лат. *habitus* — «внешность» — костюм, прическа, макияж, аксессуары); поведенческого; социального и профессионального (образование, социальный статус, профессия); 4) средового (квартира, офис, кабинет); 5) речевого (вербального); 6) кинетического (жесты, мимика, позы) и т. п. Изучение персонального имиджа требует сопоставления его с рядом сходных понятий, прежде всего таких, как *образ, репутация, языковая личность, роль, ампула, маска, речевой портрет*⁵ (рис.).

² URL: <https://text.ru/synonym/%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D0%B4%D0%B6>

³ URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/55121

⁴ Отметим, что некоторые исследователи трактуют имидж узко и ограничивают сферу применения данного понятия исключительно личностным пространством: «образ субъекта, создаваемый в процессе интересубъектного взаимодействия» при значимой активности субъекта-прообраза имиджа, инициирующего создание своего образа для социального окружения [9, с. 34]. Такой подход исключает существование имиджа неодушевленного объекта и не предоставляет возможности рассматривать надличностный имидж организации, государства, отдельной территории.

⁵ Детальный анализ этимологов лексемы образ и семантически близких ей понятий *паттерн, облик, идея и эйдос, икона, форма и морфа, имидж, схема, фигура* и *тип* представлен в статье М.В. Ильина [5].

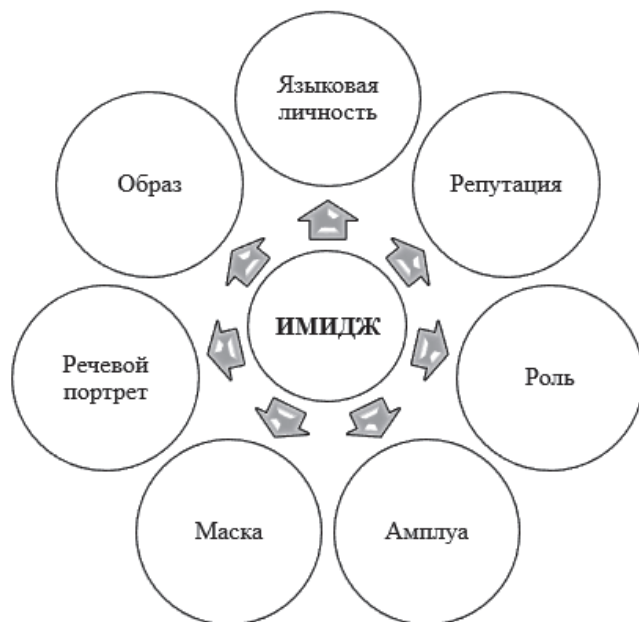

Рис. Имидж в кругу смежных понятий

В современных исследованиях, посвященных изучению имиджа территорий или персоналий, наиболее востребованными оказываются частично синонимичные, однако различающиеся по объему и содержанию понятия — **имидж** и **образ**⁶. И.В. Сидорская справедливо разграничивает понятия «образ» и «имидж» по критерию стихийности — сознательности их формирования, отмечая, что образ — это «продукт стихийно сложившегося восприятия, к которому не применялись целенаправленные усилия того или иного объекта» [14, с. 66], т. е. некий продукт отражения. В противоположность ему имидж конструируется в соответствии с четко сформулированными целями и задачами воздействия на группу адресатов⁷. В этой связи имидж отлича-

⁶ Отметим, что в польском языке лексема «wizerunek» семантически является более объемным и амбивалентным понятием, включающим в себя значение как имиджа, так и образа, см.: Dąbrowski T.J. Rola mediów w kształtowaniu wizerunku [Электронный ресурс] // Marketing i Rynek. 2013. № 9. URL: <http://yadda.icm.edu.pl/yadda/element/bwmeta1.element/ekon-element-000171241125> (дата обращения: 10.07.2019).

⁷ Ср., определение лексем «имидж» в словарях: «целенаправленно формируемый образ (какого-либо лица, явления, предмета), призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо в целях популяризации, рекламы и т. п. <...> Имидж политика специально формируется в результате целенаправленных усилий как его самого, так и его команды», см.: Политическая наука: словарь-справочник [Электронный ресурс] / сост. И.И. Санжаревский. 2010 URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/1143/%D0%98%D0%BC%D0%B8%D0%B4%D0%B6> (дата обращения: 12.07.2019); Политология [Электронный ресурс]: словарь / сост. В.Н. Коновалов. 2010. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/1143> (дата обращения: 12.07.2019); «определенный образ известной личности или вещи, создаваемый средствами массовой информации, литературой или самим индивидом», см.: Словарь иностранных слов [Электронный ресурс] / сост. Н.Г. Комлев. 2006. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/16959 (дата обращения: 12.07.2019).

ется некоторой степенью стереотипизации, схематичности и упрощенности по сравнению с его носителем: он представляет собой «наиболее экономный способ порождения и распознавания сложной социальной действительности» [12, с. 188], а в отношении персонального имиджа функционирует как «знаковый заменитель, отражающий основные черты человека» [11, с. 54]. Семиотический характер личностного имиджа в качестве заменителя человека эксплицирован в анализе этимона интересующей нас лексемы: «Бесспорно, что это латинское слово произошло от общеиталийского этимона **imāgō* с корнем **im*. Тот, в свою очередь, восходит к еще более глубокому индоевропейскому этимону **h₂eim-*, который по смыслу связан с идеей копирования и дублирования. От это же корня произошли также широко распространенные во многих языках, включая русский, слова *имитировать* и *имитация*» [5, с. 16].

Исследователи отмечают, что об имидже уместно говорить лишь тогда, когда он становится публичным, т. е. когда появляются субъекты его восприятия: «*Wizerunek publiczny jest przede wszystkim produktem, który posiada swoich odbiorców: orędowników (zwolenników), jak i krytyków (przeciwników). Przed jego realizacją zazwyczaj dokonuje się szczegółowego badania rynku i określa zapotrzebowanie na “profil osobowościowy”. W perspektywie antropologicznej będzie to “profil symboliczny”, implikujący kulturowe cechy charakterystyczne, potrzeby, oczekiwania czy wyobrażenia, który osoba publiczna powinna zrealizować*»⁸.

Итак, имидж не тождественен образу, это сознательно сконструированный и эмоционально-окрашенный образ себя или другого, апеллирующий не только к мышлению реципиента, но и к его эмоциональной сфере и соответствующий некоторым параметрам, а именно:

- 1) способен вызывать сильную эмоциональную реакцию;
- 2) демонстрирует не все качества объекта, а лишь несколько основных, подтверждающихся всей системой средств выразительности;
- 3) должен быть правдивым и понятным для целевого реципиента, т. е. соответствовать сложившемуся мнению и ожиданиям аудитории;
- 4) имиджу требуется регулярное подтверждение, поскольку эмоции забываются, если их не подкармливать⁹.

⁸ «Публичный имидж — это прежде всего продукт, у которого есть получатели: защитники (сторонники) и критики (противники). Перед его реализацией обычно проводится тщательное исследование рынка, в котором определяется спрос на “личностный профиль”. В антропологической перспективе это будет “символический профиль”, имплицитно указывающий на культурные особенности, потребности, ожидания или фантазии, которые общественный деятель должен реализовать» (перевод наш. — Ж. С.), см.: Wiktorowski G. Janusz Palikot jako polityczny skandalista. Kreowanie wizerunku w perspektywie antropologicznej (w stronę antropologii wizerunku) [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/303897364_Janusz_Palikot_jako_polityczny_skandalista_Kreowanie_wizerunku_w_perspektywie_antropologicznej_w_strone_antropologii_wizerunku (дата обращения: 12.07.2019).

⁹ См.: Быстрова Т.Ю. Аксиология бренда: к методологии культурного брендинга территории [Электронный ресурс] // PR в изменяющемся мире: Региональный аспект: сб. ст. / под ред. М.В. Гундарина, А.Г. Сидоровой, Ю.В. Явинской, Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2011.

Предмет рассмотрения настоящей статьи — персональный речевой имидж — находится в прямой корреляции с одним из важнейших понятий современной лингвистики — **языковой личностью (ЯЛ)**¹⁰, начало исследования которой было положено еще в трудах В.В. Виноградова и развито в фундаментальной монографии Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» (1987). Согласно Ю.Н. Караулову языковая личность представляет собой «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, целевой направленностью» [6, с. 38]. Структуру языковой личности, неотъемлемой частью которой выступает речевое поведение, исследователь представляет в виде трехуровневой модели, которая включает в себя: 1) вербально-семантический уровень (семантико-строевой, инвариантный), отражающий степень владения личностью обыденным языком на уровне лексики и грамматики, т. е. формальными средствами выражения определенных значений; 2) когнитивный уровень, охватывающий интеллектуальную сферу, тезаурус ЯЛ и отражающий актуализацию личностью релевантных знаний и представлений, присущих социуму; единицами данного уровня являются понятия, идеи, концепты, определяющие инвариантную языковую модель мира личности; 3) высший уровень — прагматический (мотивационный), на котором единицей рассмотрения оказываются устойчивые коммуникативные потребности и коммуникативные черты, не только объясняющие специфику речевого поведения, но и информирующие о внутренних установках, целях и мотивах личности [6, с. 56–70]. Согласно автору концепции принципиально важно найти ключ, который поможет установить связи между уровнями в структуре языковой личности. Таким ключом служит экстралингвистическая информация об индивидуальных особенностях процесса языковой социализации личности, о статусе и социальных ролях индивида,

Вып. 9. С. 85–95 // URL: <https://docplayer.ru/46638267-Aksiologiya-brenda-k-metodologii-kulturnogo-breninga-territorii.html> (дата обращения: 10.07.2019).

¹⁰ Одной из граней с понятием языковой личности пересекается понятие лингвокультурного типажа, нашедшее свое подробное освещение в труде Ольги Александровны Дмитриевой, согласно которой лингвокультурный типаж является особым типом лингвокультурных концептов, характеризующимся 1) типизируемостью определенной личности, 2) значимостью этой личности для лингвокультуры, 3) возможностью ее фактического и фиктивного существования в виде упрощенных и карикатурных репрезентаций, см.: Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Электронный ресурс]. Волгоград, 2007. С. 3. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003061864#?page=5> (дата обращения: 12.07.2019). Интересующие нас речевые характеристики являются составной частью лингвокультурного типажа, структура которого включает также: социальный класс, территориальный признак, событийный признак, этнокультурную уникальность и трансформируемость. Выделение типажей строится на оценке степени влияния на поведение представителей соответствующей культуры и восприятия ее со стороны инофонов. Сопоставляя понятия «имидж» и «лингвокультурный типаж», следует признать, что последний отличается многомерностью и стихийностью своего формирования.

а также эмоционально-аффективная информация, характеризующая ее интенции в коммуникативно-деятельностной сфере.

Таким образом, языковая личность — это объемная содержательная структура, тождественная самой сущности человека говорящего. Создание ее адекватной модели исключительно трудная задача, поскольку доступ исследователя ко всему комплексу бэкграунда индивида крайне ограничен, как и ограничена его возможность в оценке языкового потенциала личности. Речевой имидж по сравнению с языковой личностью более поверхностное образование, некая «внешняя часть языковой личности, ее “фасад”, открытый для всеобщего обозрения — для пристрастного изучения любого индивида и заинтересованного взгляда целого коллектива»¹¹. Важно отметить, что речевой имидж, как правило, находится под контролем говорящего субъекта, сознательно формируется в соответствии с его коммуникативными задачами.

С терминами «имидж» и «языковая личность» связано понятие **речевого портрета**¹², под которым подразумевается «набор речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего» [8, с. 14]. Г.Г. Матвеева рассматривает речевое поведение как скрытую неосознаваемую речевую деятельность, обусловленную речевым опытом, свернувшимся в результате многократного повторения в типичных ситуациях. Речевой опыт актуализируется говорящим мгновенно, автоматически и машинально [8, с. 22]. Анализ речевого портрета, который может быть индивидуальным или групповым, связывают с уровневой моделью описания языковой личности Ю.Н. Караулова. Таким образом, по справедливому наблюдению О.И. Асташовой, «в лингвоперсонологии языковая личность является объектом речевого портретирования, в свою очередь, речевой портрет — один из жанров описания языковой личности» [3, с. 13]. Речевые портреты публичных деятелей разрабатываются с использованием методов контент-анализа, интент-анализа, дискурс-анализа, а также с помощью психолингвистических методик. При этом отметим, что при составлении речевого портрета чаще всего описываются особенности фонетики и словоупотребления. Иными словами, понятие речевого портрета в узком смысле соотносится с особенностями речевого поведения человека, в широком — с языковой личностью носителя определенного языка [13, с. 117].

¹¹ Осетрова Е.В. Речевой имидж [Электронный ресурс]. Красноярск: Сибирск. федер. ун-т, 2012. С. 27. URL: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1394719799_2812.pdf (дата обращения: 09.07.2019).

¹² Начало исследований социально-речевых портретов было положено М.В. Пановым в середине 60-х гг. XX в. Ученый создал ряд фонетических портретов политических деятелей, писателей, ученых XVIII–XX вв. На рубеже XX–XXI вв. в рамках сложившейся новой субдисциплины языкознания — лингвоперсонологии — разработкой речевых портретов занимались А.Е. Белоусова, И.В. Голубева, Т.И. Ерофеева, Е.А. Земская, М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова, Л.П. Крысин, М.А. Куроедова, С.А. Свистельникова, Т.П. Тарасенко.

Понятие имиджа — персонального или корпоративного — соотносится с понятием **репутации** и нередко отождествляется с ним¹³. В.А. Федорова, анализируя имидж предприятия, отмечает, что имидж и репутация не являются ни синонимами, ни составной частью друг друга [16, с. 74]. В отличие от имиджа, коррелирующего с понятием образа, репутация тяготеет к синонимическому ряду «мнение, оценка» и складывается объективно, при этом часть факторов не находится под контролем ее носителя. Репутация формируется в процессе практического взаимодействия целевых групп с носителем и рациональной оценки его реальных характеристик. Она складывается в течение длительного периода, однако способна быстро утрачиваться. При таком подходе имидж и репутация соотносятся между собой как форма и содержание: имидж — это сознательно конструируемый автообраз с учетом характеристик и ожиданий целевого адресата, а репутация, формируемая после имиджа, это объективное мнение целевых групп о данном субъекте [16, с. 75].

Имидж можно рассматривать в сопоставлении с понятиями, восходящими к исходной сфере «театр»: *амплуа, роль и маска*. Термин **амплуа** характеризуется устойчивостью свойств, соответствующих возрасту, внешности и стилю игры актера: трагик, комик, герой-любовник, субретка, инженер, простак. В массовом сознании лексема «амплуа» функционирует в более широком значении как некий обобщенный тип личности с суммой определенных качеств. Так, Денис Ниммо и Роланд Сэвидж на основании критериев политической роли, политического стиля и их соотношения выделили 34 типа имиджей политических субъектов [2, р. 56–57]. Французский эксперт по политическому маркетингу Серж Албу (Serge Albou) определил пять основных разновидностей политических амплуа: профессионал, государственный муж, любовник, герой и простой человек. Польский исследователь Марек Езиньски, дополнив классификацию С. Албу, выделил следующие типы политических кандидатов: эксперт, отец, любовник, герой, обычный человек, посредственный/рядовой гражданин, эксцентричный, идол, шут, раскованный/оторванный (пол. *ekspert, ojciec, amant, heros, zwykły człowiek, szarak, ekscentryk, idol, błazen, luzak*) [1]. Указанные разновидности «амплуа» политиков дифференцированы по трем базовым признакам: политические черты изучаемого субъекта, его личностные свойства и доминирующий тип коммуникативно-поведенческой стратегии — примиренческой/кооперативной, конфликтной или смешанного типа.

С амплуа как доминантой имиджевой самоподачи связана близкая лексема, восходящая к сфере «театр», — **роль**. Термины «имидж» и «роль» можно соотнести по ключевому критерию — коммуникативному поведению. Роль понимается как «поведение, определяемое названием, социальным статусом, выполняемой функцией в системе социальных отношений, ожиданиями окру-

¹³ Красуля С. Особенности коммуникаций при формировании имиджа [Электронный ресурс]. 2005. URL: http://www.marketing.spb.ru/lib-comm/pr/image_making.htm (дата обращения: 10.07.2019).

жающих»¹⁴ (например, можно говорить о роли учителя или старшего брата, но не о роли зевающего или загорающего человека). Анализируя имидж политиков, О.С. Иссерс как доминанту имиджа определяет выбранную ими роль (или роли) на основе прогнозирования аудитории и ее ожиданий¹⁵. Согласно исследователю излюбленными ролями российских политиков постсоветского периода являются роли *патриота* и *державника* и соответствующие им микророли: *избранника народа (слуги народа, голоса народа), простого человека, хозяина (сильной руки), неопolitика*, вынужденно вовлеченного в политические игры, *борца за социальную справедливость*.

Избранной роли как линии коммуникативного поведения соответствует определенная речевая **маска**, которая в имиджевом дискурсе осмысливается в нескольких ракурсах: по отношению к политику — как манипулятивный инструментальный, позволяющий скрыть его истинную сущность и сыграть на зрителя — массовую аудиторию, электорат; по отношению к журналисту — как механизм, позволяющий направить восприятие реципиентом описываемых фактов по нужному руслу. Маска является средством трансляции интерпретации, в которое уже заложен типаж, известная, типичная модель мировосприятия, схема поведения.

Понятие языковой маски в научный оборот было введено в 1936 г. Г.О. Винокуром, который связывал развитие некоторых литературных жанров с созданием «особых театральных масок, которые будут различаться не по костюму, а... по языку» [цит. по: 10, с. 101]. В современной лингвистике под термином «речевая маска» исследователи понимают: средство создания имиджа¹⁶, ситуативную коммуникативную роль говорящего¹⁷, средство речевой характеристики персонажа [4]. Емкой и точной представляется дефиниция маски, предложенная Н.Н. Попковой, трактующей маску как «способ опосредованного выражения точки зрения автора, состоящий в преднамеренном моделировании, сгущении и выдвигении на первый план читательского восприятия *отдельных типических черт* сознания/поведения, в том числе речевого, *Другого*, выдаваемых за авторское» [10, с. 102], (курсив наш. — Ж. С.).

Таким образом, маска — это образ обманчивый, иллюзорный, смоделированный в соответствии с ожиданиями получателей: «Odejście od funkcji informacyjnej, dominującej w obrazie, w stronę funkcji perswazyjnej/manipulacyjnej, typowej dla maski, czyli rezygnacja z subiektywnej prawdy na rzecz skuteczności

¹⁴ Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Электронный ресурс]. Волгоград 2007. С. 10. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003061864#?page=12> (дата обращения: 12.07.2019).

¹⁵ Иссерс О.С. Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу [Электронный ресурс] // Вестник Омского ун-та. 1996. Вып. 1. С. 71–74. URL: <http://philology.ru/linguistics2/issers-96.htm> (дата обращения: 10.07.2019).

¹⁶ Иссерс О.С. Что говорят политики...

¹⁷ Стернин И.А. Введение в речевое воздействие [Электронный ресурс]. Воронеж, 2001. URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Rechevoe_vozdejstvie/Vvedenie_v_rechevoe_vozdejstvie_2001.pdf (дата обращения: 12.07.2019).

opartej na fałszu, daje odbiorcy przyzwolenie na stereotypową, pejoratywną interpretację maski»¹⁸.

Авторская маска публициста — это центральное звено, стержень поведения, который настраивает восприятие текста целевым получателем информации и определяет его перлокутивный эффект. В профессиональной деятельности журналистами используются разнообразные маски, с помощью которых они получают искомую информацию (маски репортера)¹⁹, формируют критическое, отчужденное отношение к субъектам верховной политической власти и идеологическим оппонентам. Следует указать, что, помимо выполнения прагматических задач, любая имиджевая маска коррелирует с критерием естественности — искусственности речевого имиджа и гиперонимическим понятием «психотип личности» и функционирует в значении ненатуральной креации говорящим собственного «Я».

Подводя итоги, отметим, что имидж представляет собой определенный образ субъекта, целенаправленно конструируемый в публичном пространстве для достижения определенных прагматических целей, личностный имидж — это «долговременная инициативная коммуникативная роль, которую “играет” человек для достижения популярности, завоевания внимания, поддержания интереса к личности, получения выборной должности и т. д.» [13, с. 117]. Можно заключить, что имидж является понятием амбивалентным и поливалентным, включает в себя комплекс значений своего рода симулятора, обличия, которое надевается на себя говорящим и окружающими на говорящего. Е.Б. Перелыгина указывает на внутренние противоречия, свойственные этому феномену, проявляющиеся в его сущностных характеристиках: способность давать как истинную, так и ложную информацию об отображаемом субъекте; наличие рациональных и эмоциональных в процессе создания и восприятия имиджа; дискретность символов, используемых при создании имиджа, и в то же время целостность результирующего образа и т. п. [9, с. 31–32]. Перечисленные характеристики имиджа являются

¹⁸ «Отступление от информативной функции, доминирующей в образе, в сторону персуазивной/манипулятивной функции, типичной для маски, то есть отказ от субъективной истины в пользу эффективности, основанной на фальши, имплицитно стереотипную, уничижительную интерпретацию маски», см.: Grzelak E. *Imagologia — narzędzie kreacji innego w przekazie elektronicznym* [Электронный ресурс] // *Porównania*. 2017. № XX. S. 13. URL: <https://pressto.amu.edu.pl/index.php/p/article/view/11089> (дата обращения: 10.09.2019).

¹⁹ Механизмы мимикрии и маски журналистской профессии связывают с именем репортера газеты *New York World* Нелли Блай. Симулировав душевную болезнь и амнезию, Блай проникла в женский сумасшедший дом на острове Блэкуэлл, где провела десять дней, чтобы позже выступить с разоблачительной статьей об ужасающих условиях, в которых существуют пациентки лечебницы (1890). Статья стала сенсацией и привела к значительному увеличению бюджета Департамента общественной благотворительности и исправительных учреждений. Резонансная история Нелли Блай легла в основу нескольких кинолент: сериала «Американская история ужасов: Психбольница» (*American Horror Story: Asylum*, 2013), фильмов «*Days in a Madhouse*» (2015) и «*Escaping the Madhouse: The Nellie Bly Story*» (2019).

устойчивыми, инвариантными, повторяющимися независимо от конкретных условий имиджевого взаимодействия.

Речевой имидж и модель его анализа

Центральным аспектом феномена имиджа как объекта лингвистического анализа является его вербальная ипостась. По отношению к субъекту публичной коммуникативной деятельности в рамках имиджологии применяется понятие **речевого имиджа**, под которым подразумевается «обобщенный портрет личности, создающийся в представлении общественности на основании заявлений и практических дел личности» [13, с. 109]. Речевой (коммуникативный) имидж, понимаемый как «долговременная коммуникативная роль человека»²⁰, связан с внешним и поведенческим имиджем.

Е.В. Осетрова предлагает трехчастную модель описания персонального речевого имиджа, включающую в себя следующие его составляющие²¹:

1) языковую, которая сводится к языковой культуре человека и предполагает оценку фонетических, лексических и грамматических языковых средств, помогающих человеку рисовать его публичный образ;

2) речевую, проявляющуюся в коммуникативном поведении изучаемого субъекта. В качестве главных параметров оценки в этом аспекте выступают речевая культура (принципов и правил общения, владение речевыми жанрами, речевыми ролями, коммуникативными стратегиями и тактиками), речевая самостоятельность (способность к спонтанному общению, отход от штампов и клише, а также оптимальное использование выразительных и риторических средств) и коммуникативная компетентность (умение быстро ориентироваться в любой ситуации общения, учет ее главных параметров: места и времени коммуникации, социально-коммуникативного статуса участников диалога, их целей, настроения и физического состояния партнеров);

3) текстовую (содержательную), отвечающую на вопрос: «*Что* сообщает говорящий?». Основываясь на трудах Т.В. Шмелевой и ее коллег, Осетрова выделяет следующие имиджформирующие элементы в речевом потоке: ключевые слова в текстах говорящего субъекта, лозунги как форму самопрезентации и способ воздействия на аудиторию, модели пространственно-временного континуума (прошлого, настоящего и будущего), ключевые идеи и темы.

С нашей точки зрения, в реконструкции речевого имиджа публичной персоны (политик, журналист, телеведущий, шоумен, преподаватель и т. п.) принципиально важны два основных вектора: содержательный и коммуникативный

²⁰ Стернин И.А. Введение в речевое воздействие [Электронный ресурс]. Воронеж 2001. С. 100. URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Rechevoe_vozdejstvie/Vvedenie_v_rechevoe_vozdejstvie_2001.pdf (дата обращения: 12.07.2019).

²¹ Осетрова Е.В. Речевой имидж [Электронный ресурс]. Красноярск: Сибирский федер. ун-т, 2012. С. 28–32. URL: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1394719799_2812.pdf (дата обращения: 09.07.2019).

(риторический). Такая модель не только коррелирует с представлениями о важнейших ипостасях автора публичного текста: *автор — человек социальный* и *автор — человек частный* [15, с. 76], но и позволяет воссоздать в тех же ракурсах «собственно Я» говорящего, основанное на стратегиях самоподачи, и «Я со стороны», отражающее восприятие говорящего аудиторией (сторонниками или оппонентами). В соответствии с данной концепцией базовая модель прагматического анализа речевого имиджа журналиста должна иметь как минимум двухчастную структуру, отражающую содержательную и языковую сторону его речевой деятельности.

Выводы

Таким образом, имидж является фундаментальным понятием современных дисциплин гуманитарного профиля. С точки зрения лингвистического анализа интерес представляет вербальный аспект персонального имиджа. Обзор взаимосвязи речевого имиджа с такими смежными понятиями, как *образ, языковая личность, речевой портрет, репутация, роль, ампула, маска*, позволил выявить его отличительную сущность. Речевой имидж представляет собой сознательно сконструированный образ говорящего субъекта, сочетающий его типизированные черты с учетом социальной роли, статуса, профессии и индивидуальные черты его как языковой личности. Речевой имидж проецируется в публичное пространство посредством определенного набора языковых средств персуазивного назначения, апеллирующих прежде всего к эмоционально-чувственному базису целевой аудитории. Реконструкция имиджевого прагматикона публичного субъекта сопряжена с тщательным анализом содержательного и коммуникативного (стратегемно-тактического и формально-языкового) аспектов его речевой деятельности.

Библиографический список

Литература

1. *Jeziński M.* Wizerunek polityczny jako element strategii wyborczej // Kampania wyborcza: marketingowe aspekty komunikowania politycznego / red. B. Dobek-Ostrowska. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2005. S. 115–132.
2. *Nimmo D., Savage R.* Candidates and Their Images: Concepts, Methods and Findings. Pacific Palisades. CA: Goodyear, 1976. 250 p.
3. *Асташова О.И.* Речевой портрет политика как динамический феномен: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2013. 245 с.
4. *Еремина Л.И.* О языке художественной прозы Н.В. Гоголя (Искусство повествования). М.: Наука, 1987. 176 с.
5. *Ильин М.В.* Образ: исходные когнитивные схемы и этимоны // Метод: Московский ежегодник из обществоведческих наук. 2018. Вып. 8: Образ и образность. От образования Вселенной до образования ее исследователя. С. 12–24.
6. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
7. *Кормишина Г.М.* Имидж в системе социального взаимодействия // Вестник Казанского гос. ун-та культуры и искусств. 2011. № 2. С. 73–77.

8. *Матвеева Г.Г.* Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. СПб., 1993. 449 с.
9. *Перельгина Е.Б.* Восприятие и изменение имиджа как феномена интересубъектного взаимодействия // *Российский психологический журнал*. 2005. № 2. С. 26–43.
10. *Попкова Н.Н.* Доминанты идиостиля поэта-ирониста: на материале текстов Игоря Иртеньева: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2007. 194 с.
11. *Поцепцов Г.Г.* Имиджелогия. 5-е изд., испр. и доп. М.: Рефл-бук, 2006. 574 с.
12. *Почепцов Г.Г.* Паблик рилейшнз для профессионалов. М.: Рефл-бук, 2001. 624 с.
13. *Романова Т.В.* Коммуникативный имидж и речевой портрет современного политика // *Политическая лингвистика*. 2009. № 1 (27). С. 109–117.
14. *Сидорская И.В.* «Образ» или «имидж» страны: что репрезентируют СМИ // *Актуальные проблемы исследования коммуникационных аспектов PR-деятельности и журналистики* / сост. Л.А. Капитанова, В.В. Фролов. Псков: Псковский гос. ун-т, 2015. С. 64–84.
15. *Солганик Г.Я.* Автор как стилеобразующая категория публицистического текста // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика*. 2001. № 3. С. 74–84.
16. *Федорова В.А.* Соотношение понятий «имидж» и «репутация» предприятия // *Экономика транспортного комплекса*. 2014. № 23. С. 66–76.

Справочные и информационные издания

17. *Большой толковый словарь русского языка* / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

References

Literatura

1. *Jeziński M.* Wizerunek polityczny jako element strategii wyborczej // *Kampania wyborcza: marketingowe aspekty komunikowania politycznego* / red. B. Dobek-Ostrowska. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2005. S. 115–132.
2. *Nimmo D., Savage R.* Candidates and Their Images: Concepts, Methods and Findings. Pacific Palisades, CA: Goodyear, 1976. 250 p.
3. *Astashova O.I.* Rechevoj portret politika kak dinamicheskij fenomen: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Ekaterinburg, 2013. 245 s.
4. *Eryomina L.I.* O yazy'ke xudozhestvennoj prozy' N.V. Gogolya (Iskusstvo povestvovaniya). M.: Nauka, 1987. 176 s.
5. *Il'in M.V.* Obraz: isxodny'e kognitivny'e sxemy' i e'timony' // *Metod: Moskovskij ezhegodnik iz obshestvovedcheskix nauk*. 2018. Vy'p. 8: Obraz i obraznost'. Ot obrazovaniya Vselennoj do obrazovaniya eyo issledovatelya. S. 12–24.
6. *Karaulov Yu.N.* Russkij yazy'k i yazy'kovaya lichnost'. M.: Nauka, 1987. 261 s.
7. *Kormishina G.M.* Imidzh v sisteme social'nogo vzaimodejstviya // *Vestnik Kazanskogo gos. un-ta kul'tury' i iskusstv*. 2011. № 2. S. 73–77.
8. *Matveeva G.G.* Skry'ty'e grammaticheskie znacheniya i identifikaciya social'nogo licza («портрета») govoryashhego: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. SPb., 1993. 449 s.
9. *Perely'gina E.B.* Vospriyatie i izmenenie imidzha kak fenomena intersub'ektnogo vzaimodejstviya // *Rossijskij psixologicheskij zhurnal*. 2005. № 2. S. 26–43.

10. *Popkova N.N.* Dominanty' idiosilya poe'ta-ironista: na materiale tekstov Igorya Irten'eva: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Ekaterinburg, 2007. 194 s.
11. *Pochepczov G.G.* Imidzhelogyia. 5-e izd., ispr. i dop. M.: Refl-buk, 2006. 574 s.
12. *Pochepczov G.G.* Pablik rilejshnz dlya professionalov. M.: Refl-buk, 2001. 624 s.
13. *Romanova T.V.* Kommunikativny'j imidzh i rechevoj portret sovremennogo politika // Politicheskaya lingvistika. 2009. № 1 (27). S. 109–117.
14. *Sidorskaya I.V.* «Obraz» ili «imidzh» strany': chto reprezentiruyut SMI // Aktual'ny'e problemy' issledovaniya kommunikacionny'x aspektov PR-deyatelnosti i zhurnalistiki / sost. L.A. Kapitanova, V.V. Frolov. Pskov: Pskovskij gos. un-t, 2015. S. 64–84.
15. *Solganik G.Ya.* Avtor kak stileobrazuyushchaya kategoriya publicisticheskogo teksta // Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika. 2001. № 3. S. 74–84.
16. *Fyodorova V.A.* Sootnoshenie ponyatij «imidzh» i «reputaciya» predpriyatiya // E'konomika transportnogo kompleksa. 2014. № 23. S. 66–76.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

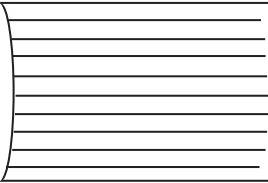
17. Bol'szoy tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka / sost. i gl. red. S.A. Kuznecov. SPb.: Norint, 1998. 1536 s.

Zh.R. Sladkevich

Personal Image: to the Issue of the Concept Definition

The article describes the distinctive features and nature of image as the fundamental concept of the humanities. The author regards the way personal speech image interrelates with such close concepts as *image*, *language personality*, *speech portrait*, *reputation*, *role*, *stage type*, *mask*, as well as describes the components of the speech image model.

Keywords: speech image; form; linguistic personality; reputation; mask.

**ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН**

УДК 373.16:82

DOI 10.25688/2076-913X.2019.36.4.09

Л.Е. Млечко

**Методика организации урока литературы
в 11-м классе на основе системно-
деятельностного подхода к обучению**

В статье рассматривается процесс организации урока литературы в 11-м классе в условиях внедрения федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) нового поколения. Приведен пример разработанного урока по конкретной теме с указанием этапов урока и соответствующих им заданий.

Ключевые слова: системно-деятельностный подход; урок нового типа; французские мастерские; технология критического мышления; в условиях ФГОС.

Согласно новому стандарту первостепенная задача школы связана с необходимостью формирования подрастающего поколения, которое должно владеть не только знаниями по предмету, но и способами их получения, в том числе различными видами деятельности по самопланированию, самоконтролю, самооценке, нарабатывая при этом творческий опыт. Таким образом, предполагается, что выпускник школы — это личность многогранная, социально активная, с навыками самостоятельной творческой деятельности. Не случайно в условиях таких требований ФГОС возникла необходимость пересмотреть тип процесса обучения. Учителям-предметникам настойчиво предлагается отказаться от привычной, традиционной системы знаний, умений, навыков и отдать предпочтение системно-деятельностному подходу и технологиям, обеспечивающим его.

Чтобы понять, как может работать новый принцип образования на современных уроках литературы, как оптимизировать процесс подготовки к занятиям нового типа, какие этапы подготовки к ним и в какой последовательности должен пройти учитель, следует напомнить и уточнить несколько моментов из области психологии и педагогики.

Во-первых, методологической основой системно-деятельностного подхода (СДП) является известная теория деятельности, разработанная еще в начале XX в. известными психологами Л.С. Выготским, П.Я. Гальпериным, А.Н. Леонтьевым, С.Л. Рубинштейном и др. Именно *деятельность* — «форма активного отношения к действительности, направленного на достижение сознательно поставленных целей, связанных с созданием общественно значимых ценностей и освоением общественного опыта» [9, с. 43] — выступает ключевым *понятием* современной теории образования в рамках нового государственного стандарта.

Во-вторых, деятельность характеризуется предметностью, активностью и целенаправленностью. Она, согласно А.Н. Леонтьеву, имеет свою структуру [5, с. 48–59]: мотивы и потребности; действия, которые подчиняются достижениям цели; операции (т. е. способы осуществления действий), зависящие от условий достижения конкретных целей; психофизиологические функции, т. е. способности ребенка мыслить, чувствовать, запоминать. Знание о строении деятельности оказывается важным для решения дидактических задач современного образования.

В-третьих, теория деятельности оказалась созвучна с педагогическими идеями, реализующими новый социальный заказ общества на развитие деятельностных способностей у учащихся, формирование у выпускников готовности к самоопределению и самореализации. Технология деятельностного метода, освоенная в рамках дидактической системы «Школы 2000», получила в последнее время научное признание и широкое распространение. Взаимосвязь и взаимообусловленность этапов урока по классификации Л.Г. Петерсон, которая является одним из основных разработчиков дидактической системы деятельностного метода [8], и структурные элементы деятельности можно наглядно продемонстрировать в следующей таблице:

Структура деятельности (по А.Н. Леонтьеву)	Этап урока (учитель/ученик) (классификация Л.Г. Петерсон)
Потребности и мотивы	Мотивация / самоопределение к учебной деятельности
Действия, которые подчиняются достижениям цели	– Целеполагание (по трем направлениям: личностные, предметные, метапредметные); – включение в систему знаний и повторение; – рефлексия учебной деятельности
Операции, т. е. способы осуществления действий	– Актуализация и пробное учебное действие; – выявление места и причины затруднения; – построение проекта выхода из затруднения; – самостоятельная работа с самопроверкой по эталону
Психофизиологические функции, т. е. способности мыслить, чувствовать, двигаться и запоминать	Все этапы, кроме мотивации/самоопределения

Таким образом, осуществляя процесс обучения в рамках СДП на каждом уроке, преподаватели должны отслеживать, все ли структурные элементы деятельности работают.

В-четвертых, становится понятно, что теория деятельности является также методологической основой и личностно ориентированного образования, которое в процессе обучения оказывается теснейшим образом связано с СДП. В соответствии с требованиями ФГОС учителю при разработке уроков следует подбирать такие задания, которые совпадали бы с мотивами и потребностями ребенка, учитывали бы способности ребенка мыслить, чувствовать, запоминать, соответствовали бы целям, которые ребенок ставит перед собой и которые он может достичь посредством определенных действий. В многочисленных классах неизбежно придется делить обучающихся на группы, которые бы объединяли ребят с относительно одинаковыми потребностями и способностями. Помощь психолога на этом этапе, конечно, необходима.

В-пятых, новый подход в обучении требует освоения технологий, обеспечивающих его реализацию. В методических разработках, статьях педагоги-практики часто рекомендуют технологию творческих (французских) мастерских и технологию развития критического мышления [6, 7].

Целью педагогической технологии мастерских, предложенной группой французских педагогов на рубеже 1980–1990-х гг. и получившей распространение в отечественной практике с конца 1990-х, является не прямая трансляция информации учителем за 40–45 мин школьного занятия, а совместный поиск знаний через решение конкретной проблемы, которая ставится перед обучающимися. Учитель и ученик оказываются активными участниками этого процесса. На уроке французских мастерских существуют определенные этапы [7]:

1. Индукция (наведение). Создается эмоциональный настрой и мотивация ребят к творческой деятельности. Задача учителя — посредством индуктора (слово, текст, предмет, звук, рисунок и форма) включить ребят в процесс обучения на уровне чувств, подсознания и способствовать формированию личностного отношения к предмету обсуждения.
2. Самоконструкция (деконструкция, реконструкция). Каждый участник занимается самостоятельно, решает поставленную перед ним проблему, выдвигая гипотезу и разрабатывая собственный путь ее решения.
3. Социоконструкция. Составляется рабочая группа или пара, в которой выбирается мастер, разрабатывается проект.
4. Социализация. Ученики или микрогруппы соотносят деятельность свою и других учеников или микрогрупп, представляют классу промежуточные и окончательные результаты труда. Цель такой работы — коммуникация с другими участниками учебного процесса, оценка и корректировка собственных действий по решению проблемной ситуации.
5. Афиширование. Мастер и ученики наглядно представляют результаты деятельности (текст, схема, проект). Ребята рассматривают полученные продукты, обсуждают, выделяют интересные идеи, отвечают на вопросы, защищая творческие работы.
6. Разрыв. Этап кульминации творческого процесса, обусловленный тем, что в результате осознания неполноты своего знания и побуждения

к новому углублению в проблему должно произойти резкое приращение в знаниях.

7. Рефлексия. Ученик осознает себя в собственной деятельности, анализирует ее, обобщает возникшие чувства, отражает достижения собственной мысли, собственного мироощущения.

Анализ организации занятия по этой технологии подводит к выводу, что ее этапы являются структурой урока в рамках СДП. Как справедливо было отмечено И.А. Бубновой и И.И. Мурзак в статье о возможностях применения этих технологий в гуманитарном образовании, «возможности широкого применения мастерской в любой дисциплине, относящейся к гуманитарному циклу, определяются спецификой ее организации, где каждый этап позволяет решать комплекс задач» [2, с. 55].

Значительная роль в процессе активности обучающихся отводится критическому отношению к имеющимся сведениям, поступающей информации по предмету, поэтому необходимо упомянуть о технологии развития критического мышления. Здесь есть свои стадии (или ступени, этапы) [4, с. 14–15].

1. Вызов. Деятельность учителя на этой стадии заключается в том, чтобы активизировать учащихся, замотивировать их для дальнейшей работы и вызвать уже имеющиеся знания по изучаемому вопросу. Информация, согласно технологии, выслушивается, записывается, обсуждается.

2. Осмысливание. Задача учителя — сохранить интерес к теме при непосредственной работе с новой информацией, постепенно продвинуть учащихся от знания старого к новому. При этом происходит непосредственный контакт с информацией, которая подается в параграфе учебника, лекции, учебном фильме и т. п.

Первые две ступени этой технологии предполагают работу индивидуально, парами и группами.

3. Рефлексия. Этот этап позволяет обучающимся под руководством учителя возвращаться к первоначальным записям-предложениям, выполняя творческие, исследовательские, практические задания на основе изученной информации, соотносить новую информацию со старой.

Как можно заметить, упомянутые в нашей статье технологии (французских мастерских и критического мышления) апеллируют в процессе обучения на уроке к трем общим этапам: мотивации, самоконтролю и рефлексии.

Известно, что деятельностный подход в обучении изначально разрабатывался и получил широкое распространение в преподавании предметов, связанных с точными и естественными науками. Подобного опыта в преподавании гуманитарных предметов, таких как литература и история, пока нет. Действительно, в настоящее время к тем психологическим сложностям в современном образовании, о которых, в частности, упоминает И.А. Бубнова в [1, с. 94–101], добавляется еще и возникшее противоречие между необходимостью внедрения ФГОС нового поколения и некоторой неподготовленностью учителей, поэтому любые методические разработки — это важный шаг в накоплении необходимого опыта.

Актуальным для учителей, в частности учителей литературы, оказывается вопрос, как совместить необходимые для системно-деятельностного обучения этапы мотивации, самоконтроля при осуществлении достижения цели, последующей рефлексии с задачами курса данного предмета. Тем более существует своя специфика в обучении школьников среднего звена и старших классов.

Мы предлагаем свой опыт организации урока литературы по ФГОС с учетом системно-деятельностного подхода в 11-м классе.

Нами был выбран урок получения нового знания. Тема: «Иван Алексеевич Бунин. Жизнь и творчество. Лирика Бунина» (Программа по литературе. Базовый уровень / под ред. В.Я. Коровиной. М.: Просвещение, 2010. 254 с.).

Результатами работы обучающихся по предмету (т. е. предметными результатами) должны быть: знания основных фактов биографии И.А. Бунина, которые помогают понять мироощущение этого автора, отражающееся в творчестве писателя на уровне выбора основных тем, проблем произведения, влияют на стиль; умение выбирать информацию, необходимую для выполнения поставленных задач и достижения цели. Личностные результаты должны быть связаны с формированием понятийного строя мышления, развитием речевого интеллекта и умением вырабатывать план действий.

Чтобы выйти на проектную деятельность (базовую деятельность на уроке), необходимо понимать, чем рассматриваемая тема может заинтересовать учеников. Мотивация — первый этап нашего урока, заявленный в технологии французских мастерских как *индукция* и рекомендованный в модели современного урока по ФГОС как обязательный, требует от преподавателя понимания осознанных и неосознанных, часто субъективных причин включения старшеклассников в учебный процесс. На вопрос о необходимости учиться может быть дан вполне прогнозируемый ответ: чтобы сдать выпускные экзамены и поступить в учебное заведение на выбранную специальность. Это первичный практический посыл, к которому часто апеллируют обучающиеся и их родители. Глубже осмыслить возникшую ситуацию невозможно без мнения психологов. Как ими замечено, ребята в данном возрасте озадачены своим социально-психологическим и личностным самоопределением. Этому способствует поиск ответов на значимые вопросы, часто бытийного, онтологического характера, вследствие чего возникает стремление пофилософствовать о смысле жизни, природе добра и зла, их взаимообусловленности, перспективах развития человечества и т. д. Старший школьный возраст — пора формирования собственных взглядов на отношения, которые складываются в обществе [3, с. 58–61]. Литература — это одна из немногих школьных учебных дисциплин, которая оказывается аутентичной желанием учащихся искать собственное понимание вечных тем. Таким образом, задания этапа *мотивации* могут быть представлены в виде постановки проблемного вопроса (базовый прием технологии критического мышления). Например, в рамках нашего урока предлагается подумать над тем, что события в жизни человека напрямую связаны с его мировосприятием, с формированием характера и личностных качеств. Далее можно

задать следующий вопрос: «Важно ли знать биографии авторов тех произведений, которые изучаются?» Ребята высказывают свои предположения с возможной аргументацией из известных им биографий. Чтобы расширить границы рассуждений, вопрос можно углубить: «При изучении произведения любого автора оказываются актуальны факты из биографии? Влияют ли серьезные исторические потрясения, события на выбор автором тем и проблем в своих произведениях?»

Заметим, что знание потребностей старшеклассников поможет учителю литературы сформулировать не только проблемный вопрос на этапе мотивации, но и предусмотреть виды заданий на остальных этапах урока. Особенно это касается второй значимой потребности ребят в этом возрасте — потребности общения. Человек, считающий себя личностью, будет стремиться к деятельности. Старшеклассники, еще не включенные ни в какой другой вид деятельности, кроме учебы, активно стремятся к тому, чтобы завязать новые контакты, найти единомышленников и т. п. Появившиеся знакомые автоматически обеспечивают новый опыт, развитие собственного эмоционального интеллекта. Конечно, невозможно не учитывать того факта, что степень непосредственного включения в разговор зависит от темперамента личности ученика, если учесть его хороший уровень знаний, и само общение будет в таком случае активным или пассивным. В этом случае готовность к открытому разговору может сильно повлиять на выбор приемов и форм работы на уроке.

Чтобы связать этап *мотивации* и *построения проекта* (четвертый этап нашего урока), ребятам предлагается выполнить пробное учебное действие: «Прочитайте стихотворение “Одиночество”. Определите тему стихотворения. Как можно объяснить такое мироощущение героя? Попробуйте предположить, что могло повлиять на тональность высказываний, выбранной темы стихотворения? Чем была обусловлена данная тема?»

Этап *актуализации* и *пробного учебного действия* (второй урок разрабатываемого урока) необходим, чтобы поддержать появившуюся мотивацию и дать возможность учащимся увидеть практическую значимость вопроса. Далее осуществляется переход от первичного впечатления к анализу стихотворения. Предлагается поразмышлять над некоторыми моментами в тексте: «В этом стихотворении несколько деталей, которые требуют некоторого уточнения для понимания текста: образ мольберта, женщины и посвящение Петру Нилусу. Почему мольберт? Какую роль играет женщина для Бунина в 1903 г. (год написания стихотворения) и кто же такой Петр Нилус?» Ребята должны почувствовать момент затруднения (третий этап нашего урока) и прийти к выводу, что без знания биографии автора ответить на эти вопросы невозможно, а значит, невозможно глубоко проанализировать стихотворение.

Следующая стадия урока — получение новых знаний, целью которой является построение и реализация проекта (четвертый и пятый этапы). Данные ступени оказываются связанными с умением выработать свой план действий. Учащиеся должны мысленно представить себе необходимую последовательность действий, а также предположить, какие инструменты и материалы им понадобятся для их

осуществления. Учитель в данной части урока выполняет роль консультанта, поэтому уместным будут приемы эвристической беседы, позволяющие направить ребят в разработке проекта. Можно обучающимся предложить прочитать статью из учебника, посмотреть фильм и систематизировать полученную информацию. При этом учитель углубляет задачу: «Используя разные источники информации (учебник, Интернет, материал из фильма), предположите, какие события из жизни автора нашли отражение в его творчестве? Каким образом?»

Результатом этой работы станут не только алгоритмизированные действия по добыванию информации, но и записи в тетради. Форму записей обучающиеся вправе выбрать сами (конспект, хронологическая таблица, интеллект-карта и т. п.). Учитель выполняет роль консультанта, который обращает внимание ребят на то, что события в биографии автора можно обобщить и разбить на конкретные периоды жизни. Некоторые наводящие вопросы также могут оптимизировать процесс реализации проекта:

– Что известно о семье писателя? Образы родных и семейные отношения нашли отражение в творчестве?

– Как прошло детство? Какие события из детских лет могли бы сильно повлиять на становление личности автора и его мироощущение?

– Как складывалась учеба автора? Как это отразилось на его творчестве (подбор тем, стиль)?

– Где и как проходила жизнь Бунина до событий 1917 г.? Каковы были его творческие планы и личная жизнь?

– Какие события в жизни обусловили написание стихотворения «Одиночество»?

– Как И.А. Бунин отнесся к революции? В каких произведениях это было отражено?

– Каким был следующий этап жизни писателя? Какова была творческая реализация автора в этот период?

– Можно ли говорить о связи премии, присужденной И.А. Бунину Нобелевским фондом в Швеции в области литературы, с литературным наследием автора?

Этот этап, на наш взгляд, является базовым на уроке нового типа. Курс литературы 10–11-го класса, построенный прежде всего на хронико-литературном и проблемно-тематическом принципах, продолжает совершенствоваться три направления интеллектуального развития ребят: понятийный строй мышления, речевой интеллект и способность разработать внутренний план действий. Из этого следует, что уроки литературы должны обладать интеллектуальной и практической значимостью. На каждом занятии необходимо предусмотреть (запланировать) такие виды работ, которые создавали бы условия для умственного совершенствования детей. Предполагаются задания для понимания обучающимися определенного понятийного аппарата из области литературоведения. Речевой интеллект развивается посредством устных и письменных заданий, что важно для учащихся, сдающих единый государственный экзамен не только по литературе, но и по русскому языку. На разработку внутреннего плана действий может направить проблемный вопрос, подталкивающий к созданию мини-проектов или небольшой исследовательской работы.

Понятийный строй мышления формируется за счет того, что ученики, знакомясь с определенным понятием, должны вычлениить его основные элементы, увидеть их взаимосвязь и взаимообусловленность. При изучении темы «Биография И.А. Бунина» не ведется работа по формированию знания о каком-либо понятии и соответствующие задания не представлены, в отличие от литературы традиционных для уроков заданий, способствующих развитию речевого интеллекта. Это разные формы письменных или устных высказываний: развернутый ответ на вопрос, написание сочинений или изложений и т. п. На первом уроке по творчеству И.А. Бунина, уроке открытия новых знаний, данные виды заданий даются на этапах *первичного закрепления знаний во внешней речи и самостоятельной работы с самопроверкой по эталону* (шестой и седьмой этапы). Учащимся предлагается подготовить устный рассказ о биографии писателя, включив в свой ответ особенно значимые, по их мнению, факты из его жизни, которые должны быть систематизированы и наглядно представлены. Форма систематизации выбирается учениками самостоятельно: таблица, схема, кластер и т. п.

В целях закрепления полученных навыков на этом уроке *на этапе включения в систему знаний и повторения* (восьмой этап) ребята должны вспомнить, *биографии каких авторов были ключом к пониманию текстов. Аргументировать свой ответ.*

На последнем этапе урока (девятый этап) обучающиеся осуществляют *рефлексию*: «Что оказалось самым трудным на уроке? Как это было преодолено? Что нужно делать, чтобы при необходимости еще раз преодолеть возникающее затруднение?»

Таким образом, в соответствии с требованиями ФГОС реализация системно-деятельностного подхода на уроках гуманитарного цикла, в частности на уроках литературы, имеет свои особенности. Чтобы решить задачу по формированию навыка самостоятельной работы в рамках современного урока, можно использовать актуальные на сегодняшний день технологии. Однако система заданий и вопросов должна быть адаптирована к преподаваемому предмету и возрасту обучающихся. Любой опыт в этой области оказывается важен для современной педагогической мысли и методики преподавания.

Библиографический список

Литература

1. Бубнова И.А. Проблемы современного образования // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка Языковое образование. 2018. № 4 (30). С. 52–58.
2. Бубнова И.А., Мурзак И.И. Теория речевой деятельности и возможности ее применения в современном гуманитарном образовании в высшей школе // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка Языковое образование. 2018. № 2 (32). С. 94–103.
3. *Выготский Л.С.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 4: Детская психология / под ред. Д.Б. Эльконина. М.: Педагогика. 1984. 433 с.

4. *Зайр-Бек С.И., Муштавинская И.В.* Развитие критического мышления на уроке: пособие для учителя. М.: Просвещение, 2004. 175 с.
5. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
6. Педагогические мастерские по литературе / под ред. А.Н. Сиваковой. СПб.: Корифей, 2000. 352 с.
7. Педагогические мастерские: Франция – Россия: учеб. пособие / под ред. Э.С. Соколовой. М.: Нов. шк., 1997. 128 с.
8. *Петерсон Л.Г.* Деятельностный метод обучения: образовательная система «Школа 2000...». М.: АПК и ППРО, УМЦ «Школа 2000...», 2007. 447 с.
9. *Шадриков В.Д.* Методологические проблемы психологии профессионального обучения // Методология инженерной психологии, психологии труда и управления. М.: Наука, 1981. С. 48–58.

References

Literatura

1. *Bubnova I.A.* Problemy' sovremennogo obrazovaniya // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2018. № 4 (30). S. 52–58.
2. *Bubnova I.A., Murzak I.I.* Teoriya rechevoj deyatel'nosti i vozmozhnosti eyo primeneniya v sovremennom gumanitarnom obrazovanii v vy'sshej shkole // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2018. № 2 (32). S. 94–103.
3. *Vy'gotskij L.S.* Sobr. soch.: v 6 t. T. 4: Detskaya psixologiya / pod red. D.B. E'l'kina. M.: Pedagogika, 1984. 433 s.
4. *Zair-Bek S.I., Mushtavinskaya I.V.* Razvitie kriticheskogo my'shleniya na uroke: posobie dlya uchitelya. M.: Prosveshhenie, 2004. 175 s.
5. *Leont'ev A.N.* Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M.: Politizdat, 1975, 304 s.
6. Педагогические мастерские по литературе / под ред. А.Н. Сиваковой. СПб: Корифей, 2000, 352 с.
7. Педагогические мастерские: Франция – Россия: учеб. пособие. / под ред. Е'.С. Соколовой. М.: Нов. shk., 1997. 128 с.
8. *Peterson L.G.* Dejatel'nostny'j metod obucheniya: obrazovatel'naya sistema «Shkola 2000...». M.: APK i PPRO, UMCz «Shkola 2000...», 2007. 447 s.
9. *Shadrikov V.D.* Metodologicheskie problemy' psixologii professional'nogo obucheniya // Metodologiya inzhenernoj psixologii, psixologii truda i upravleniya. M.: Nauka, 1981. S. 48–58.

L.E. Mlechko

Literature Lessons in the 11th Grade on the Basis of System-Activity Approach: Lesson Plan

The article tackles the structure of a literature lesson in the 11th form under the implementation of the newest edition of the Federal State Educational Standard. The example of a lesson plan including all the stages with the corresponding tasks is given.

Keywords: system-activity approach; lesson of a new type; French workshops; critical thinking technology; the Federal State Educational Standard.

УДК 378.16:811.111

DOI 10.25688/2076-913X.2019.36.4.10

И.В. Борисова

Разработка грамматического практикума по английскому языку для магистрантов неязыковых направлений

В статье рассматриваются факторы, влияющие на повышение эффективности учебного процесса на этапе магистратуры. Особое внимание уделяется преподаванию иностранного (английского) языка студентам неязыковых направлений. Автор представляет возможный вариант организации грамматического материала с учетом состава академических групп и наиболее типичных запросов обучающихся.

Ключевые слова: двухуровневая система образования; магистрант неязыкового направления; иностранный язык; грамматический аспект; модульный принцип.

Переход России на двухуровневую систему высшего образования официально произошел, как известно, в 2009 г., о чем свидетельствуют изменения, внесенные в Федеральный закон от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» [17]. Целью этих изменений была интеграция образовательной системы России в международный процесс. По историческим меркам с начала внедрения этой системы в российскую действительность до сегодняшнего момента прошло совсем немного времени. Поэтому нынешний период можно было бы охарактеризовать скорее как этап эмпирических исследований, которые в дальнейшем создадут прочную базу для разработки стройных, действенных фундаментальных теорий. Напомним, что под методами эмпирического познания подразумеваются «приемы изучения практического опыта организации педагогического процесса, при изучении которого используются такие методы, как наблюдение, беседа, интервью, анкетирование, изучение письменных, графических и творческих работ учащихся, педагогической документации» [16, URL]. Именно этими приемами мы пользовались в первую очередь при накоплении, отборе и анализе материалов для данной статьи.

Необходимо отметить, что курс иностранного языка с самого начала был включен в магистерские учебные планы практически всех неязыковых направлений и на сегодняшний день представлен в следующих вариантах: «Иностранный язык», «Деловой иностранный язык», «Профессиональный иностранный язык», «Язык профессионального общения», «Иностранный язык».

кв профессиональной сфере/области» и пр. До сих пор в научно-педагогическом сообществе нет единства во мнениях относительно содержания магистерского курса иностранного языка. Однако, проанализировав исследования по данной тематике [4, 7, 9, 12–13 и др.], мы пришли к выводу, что большинство авторов солидарны в трех пунктах, сформулированных наиболее четко в следующей трактовке:

1. Курс иностранного языка в магистратуре должен обладать преемственностью с курсом иностранного языка в бакалавриате (или специалитете).
2. На этапе магистратуры особую важность приобретает индивидуализация обучения слушателей.
3. При организации обучения магистрантов особая роль отводится самостоятельной работе.

В рамках системы лингвистического образования к комплексу методического обеспечения учебных дисциплин традиционно принято относить: рабочие программы; тексты или конспекты лекций; учебники; аудитивное сопровождение; учебно-методические пособия по конкретным аспектам и разделам учебной дисциплины, таким как фонетический и грамматический практикум; банки специализированных заданий для самостоятельного выполнения; контрольно-измерительные материалы; списки обязательной и дополнительной литературы; автоматизированные обучающие программы [2].

Что касается учебников, на сегодняшний день самым фундаментальным, пожалуй, является English Masters Course («Курс английского языка для магистрантов»), созданный коллективом авторов кафедры английского языка № 4 ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» под общей редакцией Н.А. Зинкевич [5]. Как заявлено в предисловии, данный учебник «предназначен для магистрантов, специализирующихся в области менеджмента, бизнеса, делового администрирования, а также может быть использован слушателями МВА и широким кругом лиц, совершенствующихся в английском языке» [5, с. 2]. Не умаляя достоинств этой книги, отметим, однако, что ее объем (448 страниц) не позволяет использовать издание полноценно в учебном процессе магистрантов неязыковых направлений. Именно поэтому, руководствуясь конкретными академическими условиями, преподаватели иностранных языков, работающие с магистрантами, предпочитают создавать свои учебно-методические пособия с учетом таких факторов, как: уровень подготовки студентов; их направление; количество часов, отведенных на изучение дисциплины; материально-техническое обеспечение учебного процесса; возможность осуществлять виртуальное внеаудиторное общение со студентами и пр. [1, 6, 8, 11 и др.]. Мы также считаем этот индивидуальный подход наиболее рациональным и действенным на современном этапе.

Цель данного исследования — выявить пути повышения эффективности процесса обучения магистрантов неязыковых направлений иностранному языку (английскому) в части грамматического аспекта.

Объект исследования — процесс обучения английскому языку на этапе магистратуры.

Предмет исследования — грамматический аспект английского языка как неотъемлемая составляющая курса.

Гипотеза — эффективность процесса обучения магистрантов неязыковых направлений иностранному языку (английскому) можно повысить за счет правильной подачи грамматического материала, основанной на учете индивидуальных особенностей и запросов обучающихся.

Нами были поставлены следующие задачи:

1. Выявить особенности обучения иностранному языку на этапе магистратуры.
2. Проанализировать состав магистрантов в контрольных академических группах.
3. Обобщить мнения обучающихся относительно формы подачи грамматического материала.
4. Сформулировать основные требования к структуре грамматического практикума и работе с ним.
5. Представить возможный вариант эффективной организации грамматического материала.
6. Обозначить перспективы дальнейших исследований в этом направлении.

Итак, для того чтобы правильно скоординировать усилия, направленные на создание в перспективе собственного учебного пособия по иностранному языку (английскому) для магистрантов, мы выбрали 15 академических групп двух институтов Московского городского педагогического университета: Института гуманитарных наук и Института цифрового образования. Общее количество студентов в контрольных группах составило 246 человек. Из них:

- имели высшее лингвистическое образование — 4 человека;
- сдали кандидатский минимум по английскому языку — 6 человек;
- изучали английский язык только на уровне бакалавриата — 9 человек;
- ранее изучали немецкий/французский язык — 9 человек;
- изучали язык в вузе более десяти лет назад — 19 человек.

Данная статистика наглядно демонстрирует разнородность состава магистерских групп, о чем уже говорилось ранее в исследованиях других авторов [4, 13, 15]. При этом количество аудиторных часов, отводимых учебными планами на изучение иностранного языка в указанных выше группах, колеблется от 14 до 36. В условиях такого цейтнота, занимаясь в групповом режиме, достаточно сложно выработать единый подход к подаче материала, поскольку налицо следующие диссонансы:

- между уровнем сформированности первичных языковых личностей обучающихся в одной группе;

- между уровнем сформированности вторичных языковых личностей обучающихся в одной группе;
- между уровнем сформированности первичной и вторичной языковой личностей каждого конкретного обучающегося.

Напомним, что под языковой личностью (англ. *linguistic personality*) понимается «когнитивно-коммуникативный инвариант, обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и форм поведения» [14, с. 495].

Принимая во внимание вышеперечисленные обстоятельства, влияющие на процесс обучения иностранному языку в магистратуре, мы пришли к выводу, что комплектование единого учебного пособия рациональнее было бы начать с разработки грамматического практикума, который впоследствии сможет функционировать как в виде составной части этого пособия, так и в виде отдельного компонента комплекса методического обеспечения дисциплины. Обращение в первую очередь к грамматическому аспекту обусловлено известным из экспериментальных исследований [3, с. 14] фактом, что от общего количества информации, заключенной в печатном тексте, 50 % приходится на грамматику. И особенно большое значение приобретает знание рецептивной грамматики при чтении аутентичных текстов профильно-ориентированного характера.

При отборе, структурировании и презентации грамматического материала, а также при разработке грамматических упражнений и формировании их лексического наполнения учитывалось в первую очередь то, что академическая направленность обучения в магистратуре требует четкой организации и систематизации материала. Как выяснилось в ходе наблюдений и бесед, магистранты (а это, по определению, люди, склонные к проведению научных исследований, и значит, способные к длительной концентрации внимания в процессе поиска, извлечения, анализа и конспектирования информации, добытой из источников различной сложности и направленности) предпочитают вначале получить определенную матрицу, на основе которой будет в дальнейшем рассматриваться материал, некую отправную точку, к которой они смогут возвращаться в случае возникновения трудностей. С учетом мнения студентов, а также с опорой на собственный практический опыт нами была разработана система подачи грамматического материала, в основе своей имеющая следующие положения:

- работа с грамматикой должна проводиться регулярно (на каждом занятии);
- грамматический материал должен подаваться модульно;
- модуль должен включать в себя не более пяти грамматических тем;
- на работу с модулем на занятии должно отводиться от 20 до 45 мин (в зависимости от уровня обучающихся);
- каждая грамматическая тема должна быть представлена по возможности кратко (лучше схематично);

– после объяснения темы должны даваться два-три упражнения (разных типов) на закрепление изученного материала;

– упражнения должны строиться на профессионально-деловой и академической лексике, необходимой при работе с темами, предусмотренными рабочей программой дисциплины;

– формулировка заданий должна быть краткой и понятной, выполнение упражнений должно предваряться наглядным образцом (с тем чтобы студенты, пропустившие занятия, могли при необходимости самостоятельно разобраться в материале).

В русле такого подхода нами были разработаны 10 грамматических модулей, отдельные компоненты которых на протяжении двух лет проходили апробацию в группах магистрантов различных направлений и, соответственно, подвергались необходимой корректировке. Безусловно, предполагается, что все грамматические темы изучались магистрантами на этапе средней школы и полностью ими освоены. Однако в реальной ситуации для эффективной организации учебного процесса мы вынуждены, во-первых, принимать во внимание разнородность состава магистрантов; во-вторых, делать упор на те грамматические явления, которые вызывают особые сложности при работе с научными текстами (основываясь на многолетнем опыте работы как с магистрантами, так и аспирантами различных неязыковых специальностей); в-третьих, формировать умение обучающихся идентифицировать эти явления в лексическом наполнении, предусмотренном рабочими программами соответствующих дисциплин и отраженном в фондах оценочных средств. Именно таким образом в структуре и содержании грамматического практикума возможно предусмотреть «средства организации продуктивной деятельности студентов, относящейся к развитию их личностных профессиональных качеств и способностей» [10, с. 69].

К настоящему моменту определилась следующая структура практикума:

Модуль 1. Порядок слов в повествовательном предложении. — Функции окончания *-(e)s*. — Цепочки существительных. — Формальные подлежащие *it, one, there*. — Грамматические трансформации *of*-конструкций.

Модуль 2. Глаголы *to be, to have, to do*. — Четыре формы английского глагола. — Система времен действительного залога. — Обстоятельственные временные маркеры. — Условные предложения I типа.

Модуль 3. Система времен страдательного залога. — Способы перевода страдательных конструкций. — Безличные страдательные конструкции.

Модуль 4. Модальные глаголы. — Эквиваленты модальных глаголов. — Безличные модальные конструкции.

Модуль 5. Структура вопросительного предложения. — Вопросительные слова. — Типы вопросов.

Модуль 6. Косвенная речь. — Согласование времен. — Трансформации местоимений и обстоятельств.

Модуль 7. Причастие. — Причастные обороты.

Модуль 8. Герундий. — Герундиальный оборот.

Модуль 9. Инфинитив. — Инфинитивные конструкции.

Модуль 10. Сослагательное наклонение. — Условные предложения II и III типа.

В качестве примера разберем структуру модуля 7:

Participle I			Participle II
	Active	Passive	
Non-Perfect	V_{ing}	$being + V_{3(ed)}$	$V_{3(ed)}$
	1. Часть сказуемого 2. Определение 3. Обстоятельство	1. --- 2. Определение 3. Обстоятельство	
Perfect	$having + V_{3(ed)}$	$having + been + V_{3(ed)}$	
	1. --- 2. --- 3. Обстоятельство	1. --- 2. --- 3. Обстоятельство	

Exercise 1. Construct V_{ing} and $V_{3(ed)}$ of the following verbs:

write, read, translate, publish, study, present

Exercise 2. Translate the word combinations using the verbs given in Exercise 1:

- 1) магистрант, пишущий диссертацию / диссертация, написанная магистрантом;
- 2) профессор, читающий статью / статья, прочитанная профессором;
- 3) студент, переводящий текст / текст, переведенный студентом;
- 4) журнал, публикующий эссе / эссе, опубликованное в журнале;
- 5) ученый, изучающий монографию / монография, изученная ученым;
- 6) коллега, представляющий доклад / доклад, представленный коллегой.

Exercise 3. Use the verb in the Active forms of Participle I. Translate the fragments:

E.g. (*To demonstrate*) the equipment the lab assistant...

1. Demonstrating the equipment the lab assistant... — Демонстрируя оборудование, лаборант...

2. Having demonstrated the equipment the lab assistant... — Продемонстрировав оборудование, лаборант...

1. (To perform) the presentation George...
2. (To look through) the article the associate professor...
3. (To explain) the material the lecturer...
4. (To ask) questions the audience...
5. (To start up) his own business my friend...
6. (To prepare) the documents the secretary...
7. (To face) a difficult problem we...

Exercise 4. Use the verb in the Passive forms of Participle I. Translate the fragments:

E.g. (*To discuss*) at the conference the issue...

1. Being discussed at the conference the issue... — Когда вопрос обсуждали на конференции, он...

2. Having been discussed at the conference the issue — После того как вопрос обсудили на конференции, он...

1. (To send) by e-mail the invitation...
2. (To arrange) carefully the letters...
3. (To consider) in detail the proposal...
4. (To deliver) to the customer the product...
5. (To borrow) from the library the books...
6. (To analyze) at the seminar the review...
7. (To recommend) for publication the article...
8. (To criticize) severely the thesis...

Независимый причастный оборот

Model 1

Так как, когда, если, после того как...	Причастие	,	Основная часть
---	-----------	---	----------------

E.g. The post-graduate having attended all classes, the teacher did not ask him additional questions at the exam. — Так как магистрант посетил все занятия, преподаватель не задавал ему дополнительных вопросов на экзамене.

Model 2

Основная часть	, (with)	а, и, но, причем, при этом, ---	Причастие
----------------	----------	---------------------------------	-----------

E.g. The post-graduate worked at his thesis, his scientific supervisor recommending him the relevant materials. — Магистрант работал над диссертацией, и его научный руководитель рекомендовал ему подходящие материалы.

Exercise 5. Translate the following sentences:

Model 1. 1) The problem being easy, the programmer solved it at once. 2) The lecture being over, the students went home. 3) Computers being used for many purposes, scientists improve their characteristics. 4) The tests having been completed, the experimenters put down the results. 5) The validity of the new method having been proved, it was commonly accepted. 6) The steam engine having been built in the 17th century, people began to use it in factories.

Model 2. 7) The inventor demonstrated his new device, with the workers watching its operation attentively. 8) The conference was held in April, its collected papers being issued only in June. 9) Technology reached a high stage of development, new methods becoming possible. 10) The webinar will be organized in Moscow, with lots of participants living abroad. 11) Distance learning is widely spread on the globe, new communication technologies being intensively used. 12) A good command of Business English is a must for each employee, some of them attending special courses.

Сложное дополнение с причастием I (после глаголов чувственного восприятия)

E.g. I watched the end product *being tested*. — Я наблюдал за тем, как проверяют конечный продукт.

Exercise 6. Construct as many sentences of your own as possible:

I		me		
My supervisor	saw	him		
Some post-graduates	observed	the students		
The Committee	heard	the reporter	V _{ing}	...
Our teacher	felt	the employer		
The audience	watched	the assistant		
The applicants		the Dean		

Сложное дополнение с причастием II (*действие выполняется для кого-то или за кого-то*)

E.g. The post-graduate has several articles *published*. — Магистрант опубликовал несколько статей.

Exercise 7. Translate the sentences into Russian:

1. Я сфотографировался на документ.
2. Он отремонтировал компьютер.
3. Мы испытали новый прибор.
4. Они отскерокопировали задание.

Модульный принцип, предполагающий определенную целостность и законченность подачи материала, дает возможность варьировать последовательность модулей (или опускать их) в зависимости от следующих моментов: степени усвоенности студентами включенных в них тем на домагистерском уровне (бакалавриат, специалитет, языковые курсы, индивидуальные занятия с репетитором, носителями языка и пр.); соотносённости предъявляемого материала по степени сложности с другими сегментами занятия; ресурса времени; текстового контента занятия и прочих немаловажных факторов, влияющих на планирование и организацию учебного процесса в целях его наибольшей эргономичности и эффективности.

В идеале же, по нашему мнению, наибольшую эффективность на этапе магистратуры обеспечила бы следующая схема организации учебного процесса. В начале курса — обзорные лекции, посвященные систематизации грамматического материала, ознакомлению с основами переводческих трансформаций и приемами стилистической правки текста, разъяснению принципов работы с электронными вспомогательными средствами (словари, переводчики, справочники и пр.). Затем — индивидуальные консультации, необходимые для мониторинга освоения тематических разделов курса, работы с научной литературой по специальности, аннотирования и реферирования статей носителей языка, написания аннотаций к собственным статьям, подготовки презентации о своей научной работе и пр. В заключение курса — конференция, включающая в себя просмотр презентаций на тему *My Research Work* с последующей дискуссией; зачет/экзамен.

Подводя итог вышесказанному, особо отметим, что, поскольку в настоящее время мы находимся на этапе накопления опыта в обозначенной области, делать какие-либо масштабные теоретические обобщения еще рано. Но наметить

определенные векторы развития и проверить на практике отдельные элементы, ведущие к поступательному движению в этом направлении, абсолютно необходимо уже сейчас. Что мы и попытались сделать. Безусловно, жизнь будет вносить свои коррективы, поэтому главное — быть гибкими и попытаться создать такую систему преподавания иностранного языка на этапе магистратуры, которая позволяла бы форматировать ее по ходу реализации и подстраиваться к динамично развивающемуся современному миру без ощутимых моральных и материальных потерь как для преподавателя, так и для студентов.

Библиографический список

Литература

1. Алешугина Е.А., Крюкова Г.К., Лошкарева Д.А. Профессионально ориентированный английский язык для магистрантов: учеб. пособие для вузов. Н. Новгород, 2016. 95 с.
2. Горина В.А. Самостоятельная работа студентов в системе лингвистического образования // Вестник МГЛУ. Вып. 14 (700). Иностраный язык в системе профессиональной подготовки современного специалиста неязыкового профиля. 2014. С. 24–35.
3. Зенкевич Г.К. Ускоренное обучение взрослых чтению в ходе усвоения грамматического каркаса языка (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1972. 22 с.
4. Крячков Д.А. Иностраный язык в магистратуре неязыкового вуза в зеркале учебника // Вестник МГЛУ. Вып. 16 (755). Педагогические науки. 2016. С. 70–81.
5. Курс английского языка для магистрантов / Н.А. Зинкевич [и др.]. М.: Айрис-пресс, 2011. 448 с.
6. Лукина Л.В. Курс английского языка для магистрантов. English Masters Course: учеб. пособие для магистрантов по развитию и совершенствованию общих и предметных (деловой английский язык) компетенций. Воронеж: Воронежск. гос. арх.-стр. ун-т, 2014. 136 с.
7. Пригожина К.Б., Бузина Ю.Н. Интеграция межкультурного обучения в образовательную систему экономического вуза // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 1. С. 97–105.
8. Сороковых Г.В. Программа-концепция формирования субъекта образования в процессе изучения иностранного языка в неязыковом вузе. М.: НВИ-Тезаурус, 2004. 106 с.
9. Степанова М.М. Современные подходы к обучению иностранному языку в магистратуре неязыкового вуза // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2010. Т. 2. № 111. С. 109–114.
10. Тарева Е.Г., Казанцева Е.М. Деятельностно-компетентный подход к созданию учебных пособий для подготовки бакалавров // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2011. № 2 (8). С. 65–77.
11. Учебно-методическое пособие для магистров «English for Science» / сост.: Э.Б. Калинин, О.В. Романова. Саратов, 2014. 75 с.
12. Шепелева Н.Ю. Особенности преподавания иностранных языков в магистратуре гуманитарного вуза // Вестник Костромского гос. ун-та. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2015. № 4. С. 193–196.

13. Ястребова Е.Б. Обеспечение преемственности в обучении иностранным языкам: бакалавриат – магистратура // Вестник МГЛУ. Сер.: Образование и педагогические науки. 2015. Вып. 14 (725). С. 128–138.

Справочные и информационные издания

14. Психология общения: энциклопедич. словарь / под общ. ред. А.А. Бодалева. 5-е изд. М.: Когито-Центр, 2011. 600 с.

Интернет-ресурсы

15. Леденева А.В. Инновационные способы развития профессиональной активности магистранта [Электронный ресурс]. URL: <http://gmanagement.ru/index.php/ru/archiv/06-2015r/259-ledeneva-062015> (дата обращения: 30.11.2016).

16. Методы и логика педагогического исследования [Электронный ресурс]. URL: http://www.xliby.ru/pedagogika/obshie_osnovy_pedagogiki_konspekt_lekcii/p9.php (дата обращения: 23.01.2018).

17. Уровни высшего профессионального образования, сроки и формы его получения [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/135916/8b7b3c1c76e91f88d33c08b3736aa67a/> (дата обращения: 23.01.2018).

References

Literatura

1. *Aleshugina E.A., Kryukova G.K., Loshkareva D.A.* Professional'no orientirovanny'j anglijskij yazy'k dlya magistrantov: ucheb. posobie dlya vuzov. N. Novgorod, 2016. 95 s.

2. *Gorina V.A.* Samostoyatel'naya rabota studentov v sisteme lingvisticheskogo obrazovaniya // Vestnik MGLU. Vy'p. 14 (700). Inostranny'j yazy'k v sisteme professional'noj podgotovki sovremennogo specialista neyazy'kovogo profilya. 2014. S. 24–35.

3. *Zenkevich G.K.* Uskorennoe obuchenie vzrosly'x chteniyu v xode usvoeniya grammaticheskogo karkasa yazy'ka (na materiale anglijskogo yazy'ka): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. M., 1972. 22 s.

4. *Kryachkov D.A.* Inostranny'j yazy'k v magistrature neyazy'kovogo vuza v zerkale uchebnika // Vestnik MGLU. Vy'p. 16 (755). Pedagogicheskie nauki. 2016. S. 70–81.

5. *Kurs anglijskogo yazy'ka dlya magistrantov / N.A. Zinkevich [i dr.].* M.: Ajris-press, 2011. 448 s.

6. *Lukina L.V.* Kurs anglijskogo yazy'ka dlya magistrantov. English Masters Course: ucheb. posobie dlya magistrantov po razvitiyu i sovershenstvovaniyu obshhix i predmetny'x (delovoj anglijskij yazy'k) kompetencij. Voronezh: Voronezhsk. gos. arx.-str. un-t, 2014. 136 s.

7. *Prigozhina K.B., Buzina Yu.N.* Integraciya mezhkul'turnogo obucheniya v obrazovatel'nyu sistemu e'konomicheskogo vuza // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2017. № 1. S. 97–105.

8. *Sorokovy'x G.V.* Programma-koncepciya formirovaniya sub''ekta obrazovaniya v processe izucheniya inostrannogo yazy'ka v neyazy'kovom vuze. M.: NVI-Tezaurus, 2004. 106 s.

9. *Stepanova M.M.* Sovremenny'e podxody' k obucheniyu inostrannomu yazy'ku v magistrature neyazy'kovogo vuza // Nauchno-texnicheskie vedomosti SPbGPU. Ser.: Gumanitarny'e i obshhestvenny'e nauki. 2010. T. 2. № 111. S. 109–114.

10. Tareva E.G., Kazanceva E.M. Deyatel'nostno-kompetentnostny'j podxod k sozdaniyu uchebny'x posobij dlya podgotovki bakalavrov // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2011. № 2 (8). S. 65–77.

11. Uchebno-metodicheskoe posobie dlya magistrrov «English for Science» / sost.: E'.B. Kalinichenko, O.V. Romanova. Saratov, 2014. 75 s.

12. Shepeleva N.Yu. Osobennosti prepodavaniya inostranny'x yazy'kov v magistrature gumanitarnogo vuza // Vestnik Kostromskogo gos. un-ta. Ser.: Pegagogika. Psixologiya. Sociokinetika. 2015. № 4. S. 193–196.

13. Yastrebova E.B. Obespechenie preemstvennosti v obuchenii inostranny'm yazy'kam: bakalavriat – magistratura // Vestnik MGLU. Ser.: Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. 2015. Vy'p. 14 (725). S. 128–138.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

14. Psixologiya obshheniya: e'nciklopedich. slovar' / pod obshh. red. A.A. Bodaleva. 5-e izd. M.: Kogito-Centr, 2011. 600 s.

Internet-resursy'

15. Ledeneva A.V. Innovacionny'e sposoby' razvitiya professional'noj aktivnosti magistranta [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://gmanagement.ru/index.php/ru/archive/06-2015r/259-ledeneva-062015> (data obrashheniya: 30.11.2016).

16. Metody' i logika pedagogicheskogo issledovaniya [E'lektronny'j resurs]. URL: http://www.xliby.ru/pedagogika/obshie_osnovy_pedagogiki_konspekt_lekcii/p9.php (data obrashcheniya: 23.01.2018).

17. Urovni vy'sshego professional'nogo obrazovaniya, sroki i formy' ego polucheniya [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://base.garant.ru/135916/8b7b3c1c76e91f88d33c08b3736aa67a/> (data obrashheniya: 23.01.2018).

I.V. Borisova

On Designing a Workbook in English Grammar for Non-Linguistic Master Students

The article outlines the ways to enhance the effectiveness and efficiency of Master's degree programmes. The focus is teaching the foreign language (English) to non-linguistic students. The author dwells on a possible scenario of arranging the grammatical material taking into consideration the academic level of students in the group and their most typical demands.

Keywords: two-level educational system; non-linguistic Master student; foreign language; grammatical aspect; modular principle.

УДК: 027.54(44)

DOI 10.25688/2076-913X.2019.36.4.11

А.Ю. Попугаева

Электронная выставка как продвигающий текст на сайте Национальной библиотеки Франции

В статье рассматривается проблема продвигающего текста в рамках коммуникативного пространства библиотеки. Выявляются знаки читателя в текстах, представленных на электронных выставках.

Ключевые слова: электронная библиотечная выставка; продвигающий текст; Национальная библиотека Франции; эффективность выставки.

Способ продвижения продукции посредством организации выставки известен достаточно давно и применяется в разных сферах общественной деятельности. Расположение книги обложкой к читателю привлекает к ней внимание, выделяет из общей массы, именно выставка является кратчайшим путем к адресату. С развитием компьютерной техники и интернет-пространства традиционные выставки становятся электронными, мультимедийными и интерактивными [1].

Прежде всего необходимо понять, что такое электронная библиотечная выставка и для каких целей она создается, чем она полезна для читателя. Специалисты по электронным ресурсам библиотек определяют ее как мультимедийный библиографический продукт, представляющий собой специально подобранный и упорядоченный массив электронных документов, а также иные экспонаты в цифровом формате и сведения о них, раскрывающий и рекламирующий информационные ресурсы, доступные в библиотеке и за ее пределами, в целях рекомендации пользователям для обозрения, ознакомления и использования [4].

Электронная выставка как современный, развивающийся инструмент маркетинга зародилась с появлением Интернета и первоначально использовалась

в торговле. Затем такая форма передачи информации стала практиковаться в других сферах деятельности, в том числе и в сфере культуры [3].

По мнению Л.С. Беркутовой и Е.В. Панковой, в условиях информационного общества и компьютерных технологий электронные выставки раскрывают книжные фонды, дают возможность заинтересоваться определенной темой, познакомиться с выставкой как массово, так и в порядке индивидуального обращения [1]. Электронная библиотечная выставка обладает признаками рекламного продукта, такими как направленность на привлечение внимания и поддержание интереса к объекту рекламирования, продвижение на рынке образовательных услуг объекта рекламирования (экспонирования) [8].

Справедливо отмечается, что динамика современных культурных процессов в значительной степени обусловлена мультимедийностью в силу мощного развития аудиовизуальной культуры и виртуальностью, новым типом культурной интерактивности [5]. Согласимся с мнением Е.Г. Таревой о том, что факторы виртуализации информационного, коммуникативного и культурного пространства играют сегодня роль символического капитала культуры. Благодаря этому изменившийся облик культурных ценностей и традиций дает возможность на основе культурного материала цивилизации создавать широкое разнообразие альтернативных ценностей [7]. Национальная библиотека Франции (далее — BnF) активно использует эту возможность. В течение нескольких веков библиотека собирала и сохраняла письменное и художественное наследие нации. Ее коллекции охватывают все области знаний: на сайте представлены рукописи, драгоценные книги, а также фотографии и гравюры, карты и планы, монеты и медали, шедевры [10].

На странице официального сайта *bnf.fr* на портале *Expositions.bnf.fr* в разделе *Expositions virtuelles* BnF можно ознакомиться с электронными выставками. Девяносто восемь представленных выставок сгруппированы по шести темам (*galerie*) : *galerie du livre et l'écrit* (14 выставок об истории книги и письма), *galerie des écrivains et conteurs* (32 выставки о различных писателях и сказочниках), *galerie d'histoire des représentations* (история представлений — 17 выставок), *galerie des arts et de l'architecture* (искусство и архитектура — 23 выставки), *galerie de la photographie* (фотографии — 20 выставок), *galerie des cartes et globes* (карты и глобусы — шесть выставок) [9].

Отметим, что в названии выставок на сайте вместо традиционно ожидаемого слова *exposition* (выставка) употребляется лексема *galerie* (галерея). Во франкоязычном словаре Larousse слово *galerie* имеет четыре значения:

«1. Salle d'apparat de plan allongé. Au Moyen Âge, sorte de passage (souvent étroit), de coursière couverte. (Парадная комната, удлиненного плана. В Средние века это своего рода крытый проход (часто узкий), в форме коридора)¹.

2. Petite balustrade métallique en haut de certains meubles, de marquises, de serres. Bande de métal qu'on place devant une cheminée, entre les chenets. (Небольшая

¹ Здесь и далее перевод наш. — А. П.

металлическая ограда, верхняя часть мебели, навесов, теплиц. Полоска металла размещена перед камином между андиронами²).

3. *Partie la plus voisine des combles, dans les anciens théâtres. Étage situé au-dessus des loges et des fauteuils de balcon.* (Ближайшая часть чердака, в старых театрах. Этаж над ящиками и балконными стульями).

4. *Local d'exposition où se fait le commerce de tableaux ou d'objets d'art; raison sociale attachée à ce lieu ou collection d'œuvres ou d'objets d'art.* (Выставочный зал, где осуществляется торговля картинами или предметами искусства; социокультурное предназначение данного места или коллекция произведений искусства)» [11, URL].

Для анализа выставочной деятельности VnF актуально четвертое значение лексемы *galerie*. Таким образом, создатели электронной выставки привлекают внимание пользователей, делая акцент на слове *galerie*. Такого рода постоянные онлайн-выставки сопровождают или дополняют временные выставки библиотеки, предлагая пользователям интерактивное открытие коллекций VnF.

Нужно подчеркнуть, что для электронной выставки важна полнота представления информации об экспонате, так как нет возможности самостоятельно его рассмотреть, например полистать книгу, (даже при наличии гиперссылки на доступ к ресурсу современный пользователь требует предварительного информирования о содержании выставки) [6].

Перед началом просмотра выставки на сайте *bnf.fr* можно ознакомиться с описанием электронной выставки в формате кратких текстов объемом 23–40 слов, в которых дается фактографическая информация по теме выставки или книги. Информационная привлекательность имеет важную роль и базируется на доступе к новинкам.

Обратимся к выставке *Sciences pour tous* («Наука для всех»): за каждым представляемым экспонатом следует краткий текст, например:

«C'est dans la seconde moitié du XIXe siècle, alors que se développe la croyance dans le progrès et l'instruction, que la vulgarisation scientifique prend toute son ampleur. Périodiques, livres illustrés, dictionnaires, romans, conférences, expositions universelles: la multiplicité des moyens de diffusion, l'essor de la presse et la prolifération de l'image sont mis au service de l'initiation à la science des enfants comme des adultes». — «Периодические издания, иллюстрированные книги, словари, романы, конференции, выставки — множество средств используется, чтобы распространить информацию о науке через прессу и зрительные образы, в рамках приобщения как детей, так и взрослых» (перевод наш. — *А. П.*) [9, URL].

Фактически такой текст можно назвать продвигающим, так как он позволяет сформировать определенную идею о предлагаемой выставке. Под продвигающим текстом ученые понимают коммуникативную единицу, используемую для эффективного воздействия на целевую аудиторию, с тем чтобы привлечь внимание потребителя, запомниться ему, вызвать или помочь сформировать

² Железная подставка для дров в камине.

определенное эмоциональное отношение к заложенной в тексте информации и, в идеале, побудить к определенному действию [8].

Как отмечают Л.Г. Викулова и И.В. Макарова, в структуру продвигающего текста входят такие критерии, как: дружественный интерфейс (подсказки, надписи, справки), который стимулирует поисковую деятельность; текущая и периодически обновляемая информация и новости о планируемых мероприятиях, выставках и ярмарках книг; информация об электронных продуктах [3].

Рис. Фрагмент страницы официального веб-сайта BnF

На данные критерии опираются создатели официального веб-сайта BnF (рис.), а также сообщают сведения о продвижении своих ресурсов (книги, карты, фотографии, гравюры) и формируют умения и навыки по систематизации информации [10]. Электронные выставки помогают более эффективно осуществлять деятельность библиотеки как центра культуры и образования [2].

Специфика электронных выставок BnF позволяет считать их мультимедийным продвигающим продуктом, они содержат разные виды информации, обладают интерактивностью, для них характерно наличие гипертекста, возможность дистанционного доступа и одновременной работы с выставками у неограниченного количества пользователей, у них обеспечена легкость копирования информации, удобство хранения и внесения изменений.

Таким образом, погружение Национальной библиотеки Франции в электронную среду расширяет ее возможности, увеличивает круг пользователей и зону обслуживания. Так создается новый информационный, продвигающий текст: синтез традиционного книжного и новейшего электронного способов представления широкому кругу пользователей информации о ресурсах библиотеки.

Библиографический список

Литература

1. Беркутова Л.С., Панкова Е.В. Электронная библиотечная выставка в продвижении ресурсов библиотеки // Информационное обслуживание в век электронных

коммуникаций: XI Всерос. науч.-практ. конф. «Электронные ресурсы библиотек, музеев, архивов»: сб. материалов / ЦГПБ им. В.В. Маяковского; ред.-сост. И.Е. Прозоров. СПб.: ЦГПБ им. В.В. Маяковского, 2016. С. 297–302.

2. Викулова Л.Г., Герасимова С.А., Макарова И.В. Виртуальное образовательное пространство: музей И.С. Тургенева во Франции // *Kant*. 2017. № 3 (24). С. 24–29.

3. Викулова Л.Г., Макарова И.В. Сайт маркетинговой направленности как коммуникативный канал: интернет-магазин «Лабиринт» // *Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста: коллектив. монография / под ред. Е.Г. Борисовой, Л.Г. Викуловой. М.: Флинта, 2019. С. 19–31.*

4. *Гениева Е.Ю.* Библиотека как центр межкультурной коммуникации. М.: РОССПЭН, 2008. 208 с.

5. Глобализм в системе категорий современной культурологической мысли: коллектив. монография / науч. ред. М.С. Каган. СПб.: Янус, 2005. 426 с.

6. *Матвеев М.Ю.* Имидж библиотек как социокультурный феномен: дис. ... д-ра пед. наук: 05.25.03. СПб., 2009. 852 с.

7. *Тарева Е.Г.* Межкультурная образовательная идеология в эпоху геополитических трансформаций // *Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социо-гуманитарных практик: материалы Первой междунар. конф. (Москва, 14–16 апр. 2016 г.) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки Народов Мира, 2016. С. 558–562.*

8. *Ухова Л.В., Аниськина Н.В.* Коммуникативно-стилевая мимикрия как важный прием создания «продвигающего» текста // *Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста: коллектив. монография / под ред. Е.Г. Борисовой, Л.Г. Викуловой. М.: Флинта, 2019. С. 48–56.*

9. Bibliothèque Nationale de France [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bnf.fr/fr/acc/x.accueil.htm> (дата обращения: 25.02.19).

10. *Gallica* [Электронный ресурс]. URL: <http://gallica.bnf.fr/> (дата обращения: 24.02.19).

11. *Larousse: Dictionnaires de francais. Grande encyclopédie Larousse* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.larousse.fr/encyclopedie>, свободный (дата обращения: 28.03.19).

References

Literatura

1. *Berkutova L.S., Pankova E.V.* E'lektronnaya bibliotechnaya vy'stavka v prodvizhenii resursov biblioteki // *Informacionnoe obsluzhivanie v vek elektronny'x kommunikacij: XI Vseros. nauch.-prakt. konf. «E'lektronny'e resursy' bibliotek, muzeev, arxivov»: sb. materialov / CGPB im. V.V. Mayakovskogo; red.-sost. I.E. Prozorov. SPb.: CGPB im. V.V. Mayakovskogo, 2016. S. 297–302.*

2. *Vikulova L.G., Gerasimova S.A., Makarova I.V.* Virtual'noe obrazovatel'noe prostranstvo: muzej I.S. Turgeneva vo Francii // *Kant*. 2017. № 3 (24). S. 24–29.

3. *Vikulova L.G., Makarova I.V.* Sajt marketingovoj napravlenosti kak kommunikaivny'j kanal: internet-magazin «Labyrinth» // *Marketingovaya lingvistika. Zakonomernosti prodvigayushhego teksta: kolektiv. monografiya / pod red. E.G. Borisovoj, L.G. Vikulovoj. M.: Flinta, 2019. S. 19–31.*

4. *Genieva E.Yu.* Biblioteka kak centr mezhkul'turnoj kommunikacii. M.: ROSSPEN, 2008. 208 s.

5. Globalizm v sisteme kategorij sovremennoj kul'turologicheskoj my'sli: kollektiv. monografiya / nauch. red. M.S. Kagan. SPb.: Yanus, 2005. 426 s.
6. *Matveev M.Yu.* Imidzh bibliotek kak sociokul'turny'j fenomen: dis. ... d-ra ped. nauk: 05.25.03. SPb., 2009. 852 s.
7. *Tareva E.G.* Mezhkul'turnaya obrazovatel'naya ideologiya v e'poxu geopoliticheskix transformacij // Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskax peredovy'x sociogumanitarny'x praktik: materialy' Pervoj mezhdunar. konf. (Moskva, 14–16 apr. 2016 g.) / pod obshh. red. E.G. Tarevoj, L.G. Vikulovoj. M.: MGPU; Yazy'ki Narodov Mira, 2016. S. 558–562.
8. *Uxova L.V., Anis'kina N.V.* Kommunikativno-stilevaya mimikriya kak vazhny'j priem sozdaniya «prodvigayushhego» teksta // Marketingovaya lingvistika. Zakonomernosti prodvigayushhego teksta: kollektiv. monografiya / pod red. E.G. Borisovoj, L.G. Vikulovoj. M.: Flinta, 2019. S. 48–56.
9. Bibliothèque Nationale de France [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.bnf.fr/fr/acc/x.accueil.htm> (data obrashheniya: 25.02.19).
10. Gallica [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://gallica.bnf.fr/> (data obrashheniya: 24.02.19).
11. Larousse: Dictionnaires de francais. Grande encyclopédie Larousse [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.larousse.fr/encyclopédie>, svobodnyj (data obrashheniya: 28.03.19).

A.Yu. Popugaeva

On-line Exhibition as a Promoting Text for the Site of the National Library of France

The article dwells on the features of the on-line exhibition of the National Library of France. The exhibition is regarded as a promoting text that dominates the reading audience in the cyber-space.

Keywords: on-line exhibition of library collections; promoting text; the National Library of France; efficiency of a library.

УДК 821.111-31

DOI 10.25688/2076-913X.2019.36.4.12

А.Ю. Мозесон

Языковые средства метамоделирования образа художественного персонажа в критических публикациях XX в.

В статье рассматриваются языковые особенности создания метамоделей образа художественного персонажа на примере критических публикаций по роману Д.Г. Лоуренса «Сыновья и любовники». Под метамоделью понимается когнитивная модель-объяснение, которая принадлежит более высокому уровню абстракции и формирует потенциальное восприятие образа читателями. Исследование строится на стыке лингвистического и литературоведческого подходов к изучению концепта как ментальной модели.

Ключевые слова: концепт; концептуальное поле; когнитивная модель; метамодел.

В 2013 г. исполнилось 100 лет со времени публикации одного из самых неоднозначных романов британского писателя Дэвида Герберта Лоуренса «Сыновья и любовники», который не утратил популярности у простых читателей, а также лингвистов и литературоведов. Об этом свидетельствуют, в частности, статьи, вышедшие в таких авторитетных зарубежных изданиях, как *The Guardian* и *BBC News* [6–8], в которых Лоуренс как писатель ставится в один ряд с такими авторами, как Джейн Остин, Джордж Элиот, Генри Джеймс и Джозеф Конрад [7].

Вскоре после выхода романа в свет появились критические статьи, посвященные его исследованию, например работы таких авторов, как Альфред Куттнер [Kuttner, 1916], Джон Альберт Мейси [Macy, 1922], Миддлтон Мюррей [Murray, 1931], Джесси Чемберс [Chambers, 1936] и др.

Языковая модель образа в художественном произведении создается при помощи лингвистических средств, которые образуют систему, имеющую определенную структуру и соотносящуюся с концептосферой всего произведения. В критических статьях эта модель интерпретируется и в результате создается когнитивная модель-объяснение. Она принадлежит более высокому уровню абстракции и, поскольку «приобретение социального и культурного опыта у подавляющего большинства людей происходит через язык» [5, с. 309], данная модель формирует потенциальное восприятие образа читателями. Таким образом, в критических статьях имеет место метамоделирование образа художественного персонажа.

В настоящей статье рассматриваются языковые средства, с помощью которых в литературной критике создается метамодель образа миссис Морел, главной героини романа. В работе мы оперируем понятием *поле*, которое определяется как «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [9, с. 380]. Характерной чертой семантического поля является наличие интегральных и дифференцирующих признаков. Ядро поля, реконструируемого в данной статье, составляют наиболее часто употребляемые критиками языковые средства описания исследуемого образа, которые можно считать *языковыми маркерами* персонажа. На периферии находятся языковые средства с меньшей частотностью и нередко с неоднозначной оценочностью.

В ходе исследования были выделены основные концептуальные поля, с которыми соотносится интерпретация образа матери в романе «Сыновья и любовники»: *heroic mother* (героическая мать), *mother-lover* (мать-возлюбленная), *lady* (леди).

Концепт *heroic mother* как часть языковой метамодели образа матери семейства впервые появляется у критиков после первой публикации романа и получает развитие в начале XX в. Метамодель образа «героическая мать» строится на антитезе, в бинарной оппозиции к образу мужа, мистера Морела, который, по выражению С.С. Савинича, является «примером отторжения реальности и переселения в искусственный мир» [4, с. 51]. В данной работе бинарная оппозиция рассматривается как тип отношений, основанный на антонимичности языковых средств описания персонажей и, как следствие, обладающий большим прагматическим потенциалом. В ядре концептуального поля *heroic mother* выделяются следующие языковые единицы: *heroic* (героическая, доблестная), *supreme* (господствующая, вышестоящая по положению), *immaculate* (безупречная), *indomitable* (непобедимая, неукротимая), *exultant* (торжествующая), *strong of will* (человек твердой воли), *brave* (храбрая). Языковые средства интерпретации образа мужа противоположны по своей семантике: *inferior* (низший по положению, неполноценный), *bullying* (агрессивный, издевающийся над другими), *brutal* (грубый, жестокий), *drunken* (пьющий), *weak* (слабый), *ruined* (уничтоживший себя), *nasty* (мерзкий), *disgusting* (отвратительный).

В статье, опубликованной в газете *New Republic* в 1915 г., есть высказывание: «The marriage of this drunken, bullying, morally weak-fibred miner to a woman of superior breeding and a stern, sensitive, puritanically unsensuous temperament, was foredoomed to failure» («Брак этого пьющего, агрессивного, морально неполноценного шахтера с женщиной высокого происхождения со строгим, чувствительным, пуритански сдержанным темпераментом был обречен на провал») (здесь и далее перевод мой. — А. М.) [2, с. 77]. Данный пример является сложной антитезой, выраженной в нескольких антонимических парах: противопоставление социального статуса персонажей (*a woman*

of superior breeding vs a miner) и их морально-нравственных качеств (*puritanically unsensuous temperament vs drunken, bullying, morally weak-fibred*).

В концептуальное поле *heroic mother* входят метафоры войны: *to struggle* (бороться), *to fight* (сражаться), *to defeat* (побеждать), *to triumph* (одержать верх), *to wage war* (вести войну), *rivals* (противники). В статье, опубликованной в газете *New York Times Book Review* в 1913 г., Л.М. Филд пишет: «The long, psychic battle between the two, a battle blindly fought, never really understood...» («Длительная психическая борьба между ними, борьба вслепую, так и не осознанная...») [1, с. 74]. В данном примере метафоры войны *psychic battle, battle blindly fought* помогают создать картину напряженного противостояния миссис Морел и Мириам в борьбе за расположение Пола (сына миссис Морел).

Ядро концептуального поля *mother-lover* составляют языковые единицы: *sweetheart* (возлюбленная), *infatuation* (увлечение), *affection* (привязанность), *lover* (любовник), *child-lover* (ребенок-возлюбленный), *jealousy* (ревность). В статье Альфреда Куттнера 1916 г. читаем: «He behaves like a lover out with his girl, buying her flowers and treating her» («Он ведет себя как любовник со своей девушкой, покупая ей цветы и балуя ее») [3, с. 78]. Сравнение *like a lover with his girl* репрезентирует представление критика об отношениях матери и сына; выражения *buy flowers, treat* можно отнести к периферии рассматриваемого поля. В состав моделируемого в критических статьях поля входят прецедентные явления, например *Pandora* (Пандора) и *Pandora's box* (ящик Пандоры): «Her love (for her son) becomes a veritable Pandora's box of evil» («Ее любовь (к сыну) превращается в чудовищный ящик Пандоры») [Там же].

Другое поле, создаваемое критиками, можно условно назвать *lady*. Его формируют лексические единицы, обозначающие социальное положение героини. Как и поле *heroic mother*, оно строится на бинарной оппозиции, заполняемой антонимическими средствами интерпретации социального положения мистера и миссис Морел. Интерпретация основывается на таких ключевых понятиях, как *образованность, хорошие манеры и речь*. Ядро поля составляют единицы: *lady* (леди), *educated* (образованная), *intellectual* (просвещенная, умная), *refined* (утонченная), *speaking English with purity* (с безупречным английским). Метаобраз мистера Морела конструируется за счет единиц противоположной семантики: *a miner* (шахтер), *one of «the common people»* («из простых»), *an inferior type of working man* (из низов, простой рабочий), *stupid* (глупый, недалекий), *a drunkard* (пьяница), *a bully* (обидчик, агрессор). В ряду приведенных лексических единиц салиентными становятся противопоставления *lady – miner, lady – working man, educated – common people, intellectual – stupid, refined – bully*. Поле *lady* включает в себя понятия религиозности и моральных ценностей, поскольку в начале XX в. образ порядочной женщины был тесно связан с представлениями о ней как о религиозном человеке с высокими нравственными принципами, который не подчиняется чувствам и страстям. Этот взгляд отражается в критических статьях в противопоставлении *unsensuous*

(подчиняющаяся разуму) (Mrs Morel) vs *sensual* (подчиняющийся чувствам) (Mr Morel). Противопоставление *intellectual, refined – bully* становится выражением морального и религиозного превосходства героини: «He is a drunkard and a bully, a man with whom she shares neither intellectual, moral nor religious sympathies» («Он пьяница и обидчик, человек, с которым она не разделяет ни интеллектуальных, ни моральных, ни религиозных симпатий») [3, с. 77].

Помимо наделения образа женщины высокими моральными качествами, общественное сознание рисовало идеальную женщину как безупречную хозяйку дома. Эта мысль присутствует в статьях начала XX в. Критики, создавая языковую модель персонажа, используют лексические единицы, описывающие стандартные, положительно оцениваемые, конвенциональные с социальной точки зрения качества женщины, такие как хозяйственность, бережливость, забота о доме и детях: «...a good housewife and a decent woman <...> she shirks none of the duties which his mate should perform for him, the children, and the home» («...хорошая домохозяйка и порядочная женщина <...> она не уклоняется ни от одной из своих обязанностей, которые должна выполнять супруга для мужа, детей и дома») [2, с. 76].

В критических статьях обнаруживается амбивалентная характеристика Мистера Морела: «Walter Morel could never have amounted to very much; but had he possessed a less noble wife, he might» («Уолтер Морел никогда бы не смог достичь многого; но если бы у него была менее благородная жена, то, вероятно, мог бы») [1, с. 73]. С одной стороны, грамматическая форма, используемая в высказывании, выражает сомнение в интеллектуальных и деловых способностях Морела. С другой — используя сложную лексико-грамматическую конструкцию, критик выражает мысль о том, что, если бы он и жена были бы ровнями, Морел мог бы преуспеть.

Большинство критических работ в начале XX в. создавалось образованными критиками, имевшими достаточно высокое социальное положение. Поэтому они охотнее становились на сторону главной героини, персонажа более понятного и близкого им по происхождению. В конце XIX – начале XX в. образ женщины рассматривался через призму определенных атрибутов и стереотипов, таких как религиозность, образованность, принадлежность к более высокому социальному статусу. Литературные критики создают такую лингво-когнитивную модель образа главной героини романа Д.Г. Лоуренса, которая, по их мнению, точнее всего отражает взгляды писателя и способствует пониманию данного произведения читателями.

Библиографический список

Источники

1. Field L.M. Review of Sons and Lovers by D.H. Lawrence // New York Times Book Review. 1913. Sept. 21. 377 p.
2. Kuttner A.B. Untitled review of Sons and Lovers // New Republic. 1915. Apr. 10. P. 255–257.

3. *Kuttner A.B.* Sons and Lovers: A Freudian Appreciation // *The Psychoanalytic Review*. July 1916. P. 295–317.

Литература

4. *Савинич С.С.* Выстоять и победить: мотив несломленности в романах У. Фолкнера // *Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и лингводидактики*: сб. науч. ст. М.: МГПУ, 2013. С. 47–54.

5. *Чупрына О.Г.* Идентичность в пространстве языка и культуры // *Диалог культур. Культура диалога: Человек и новые социогуманитарные ценности*: коллектив. монография. М., 2017. С. 301–326.

6. *Jordison S.* Sons and Lovers: a bad book by a very good writer [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/books/2013/jun/20/sons-and-lovers-dh-lawrence-reading-group> (дата обращения: 25.03.2019).

7. *Moran E.* DH Lawrence's 100-year-old novel Sons and Lovers celebrated [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-england-nottinghamshire-24063582> (дата обращения: 25.03.2019).

8. *Morrison B.* Sons and Lovers: a century on [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/books/2013/may/25/sons-lovers-dh-lawrence-blake-morrison> (дата обращения: 25.03.2019).

Справочные и информационные издания

9. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. 685 с.

References

Istochniki

1. *Field L.M.* Review of Sons and Lovers by D.H. Lawrence // *New York Times Book Review*. 1913. Sept. 21. 377 p.

2. *Kuttner A.B.* Untitled review of Sons and Lovers // *New Republic*. 1915. Apr. 10. P. 255–257.

3. *Kuttner A.B.* Sons and Lovers: A Freudian Appreciation // *The Psychoanalytic Review*. July 1916. P. 295–317.

Literatura

4. *Savinich S.S.* Vy'stoyat' i pobedit': motiv neslomlennosti v romanax U. Folknera // *Aktual'ny'e problemy' lingvistiki, literaturovedeniya i lingvodidaktiki*: sb. nauch. st. М.: МGPU, 2013. P. 47–54.

5. *Chupry'na O.G.* Identichnost' v prostranstve yazy'ka i kul'tury' // *Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: Chelovek i novy'e sociogumanitarny'e cennosti*: kollektiv. monografiya. М., 2017. P. 301–326.

6. *Jordison S.* Sons and Lovers: a bad book by a very good writer [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.theguardian.com/books/2013/jun/20/sons-and-lovers-dh-lawrence-reading-group> (data obrashheniya: 25.03.2019).

7. *Moran E.* DH Lawrence's 100-year-old novel Sons and Lovers celebrated [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-england-nottinghamshire-24063582> (data obrashheniya: 25.03.2019).

8. Morrison B. Sons and Lovers: a century on [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.theguardian.com/books/2013/may/25/sons-lovers-dh-lawrence-blake-morrison> (data obrashheniya: 25.03.2019).

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

9. Bol'shoj e'nciklopedicheskij slovar'. Yazy'koznanie / pod red. V.N. Yarcevoj. M.: Bol'shaya Ros. e'ncikl., 1998. 685 s.

A. Yu. Mozeson

**Linguistic Means of Metamodelling the Character
in the Critical Publications of the XX Century**

The article dwells on linguistic means applied to create a metamodel of a character in the novel «Sons and Lovers» by D.H. Lawrence. The metamodel is defined as a cognitive explanation model, which belongs to a higher level of abstraction and shapes the readers perception. The research is realized at the crossroads of linguistic and literary approaches to concept as a mental model.

Keywords: concept; conceptual field; cognitive model; metamodel.

УДК 811.161.1'42

DOI 10.25688/2076-913X.2019.36.4.13

А.А. Качанова

Языковая специфика объявлений на страницах газеты «Речь» 1917 г.

Автор статьи рассматривает языковую специфику объявлений в газете «Речь» за 1917 г. Описывает типологическую картину данного речевого жанра и дает лингвистический анализ используемой лексики. В качестве вывода раскрывает языковую характеристику объявлений как набор лексических единиц особой выразительности.

Ключевые слова: иноязычная лексика; объявление; оценочность; уточнение; эмоционально-экспрессивная лексика.

Ежедневная политическая, экономическая и литературная газета «Речь» [1] выходила с 1906 по 1918 г. Она принадлежала органу конституционно-демократической партии, но при этом позиционировала себя как внепартийное, независимое издание. В ней публиковалась хроника столичной, провинциальной и международной жизни, аналитические материалы, освещались события культуры. На последнем развороте размещались объявления. Анализ напечатанных в ней статей проводился исследователем Б.С. Котовым в рамках позиции газеты «Речь» во время июльского кризиса 1914 г. [3]. В.О. Рожко акцентировал внимание на газетных материалах, подвергавших критике попытки албанцев противостоять захвату своих территорий [6]. В целом в научной литературе анализировались публикации периодического издания «Речь» на религиозную тематику, освещавшие выборы, деятельность и проблемы городского самоуправления 1917 г. Изучались статьи, посвященные позиции ведущей либеральной партии России XX в. относительно программы модернизации России. Лингвистическая типология объявлений представленной нами газеты и структурный анализ их лексической наполняемости ранее не проводился. Этим и объясняется новизна предпринятого исследования.

Словарь С.И. Ожегова предлагает следующее определение лексемы *объявление*: «Извещение о чем-н., напечатанное в газете, журнале или вывешенное где-н.» [7, с. 402]. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова читаем: «Объявление — печатное сообщение, извещение о чем-н., публикация» [8, с. 171].

Примером немногочисленных собственно объявлений может выступать краткое сообщение официально-делового характера о подписке и собрании акционеров банка:

«ПРАВЛЕНИЕ

Петроградскаго Учетнаго и Ссуднаго Банка

имѢть честь пригласить г г. акціонеровъ, на основаніи §§ 48 и 49 Устава Банка, въ чрезвычайное общее собраніе, имѢющее быть во вторникъ, 24 октября, с. г., въ 3 часа пополудни, въ помѢщеніи Банка въ ПетроградѢ (Невскій пр. № 30).

Предметы занятій общаго собранія:

1) Доклады Правленія и СовѢта Банка:

а) объ установленіи нѢкоторыхъ условій новаго выпуска акцій и

б) объ измѢненіи §§ 37 и 42 Устава Банка.

2) Увеличеніе числа Членовъ СовѢта...»¹ (Речь. № 232. 3 окт. 1917).

Неотъемлемой лексической составляющей объявлений газеты «Речь» является наличие официально-деловой лексики, что характерно для публицистического стиля русского языка. Данное объявление можно классифицировать как официально-деловой документ. Присутствует ссылка на правоустанавливающий документ: *на основаніи §§ 48 и 49 Устава Банка*. Слово сочетание *иметь честь* «употребляется как вежливая форма обращения в значении удостоиться» [10, т. 4, с. 672]. Интересной оказывается для современного русского языка устаревшая форма обозначения времени *въ 3 часа пополудни*, а также форма *имѢющее быть* вместо привычной формы будущего времени.

Многие объявления служат своего рода эффективным и удобным инструментом передачи информации читателю. Вместе с тем их язык представляет собой отражение содержательно-фактуальной информации [2, с. 28]. С современной точки зрения большинство объявлений рассматриваемой нами газеты относятся к рекламе, т. е. выполняют не только информационную, но и воздействующую функцию.

Тематически рекламные объявления данного издания весьма разнообразны. Среди них встречаются тексты:

1) связанные с медициной (продажа медицинских препаратов, услуги частных докторов, реклама лечебниц):

«ПРИ ИСТОЩЕНИИ

При истощеніи и ослабленіи организма послѢ изнурительныхъ болѢзней, рекомендуется успѢшно нашъ витаминное и укрѢпляющее средство “Лециталь” МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА...» (Речь. № 233. 4 окт. 1917);

2) о предложении и поиске работы:

«Приглашаютъ бонну-фребеличку

к двумъ дѢвочкамъ 3,5 и 4,5 лѢтъ въ еврейскую семью. Невская ул., 30, кв. 6. тел. 514-43» (Речь. № 231. 1 окт. 1917);

3) о сдаче комнат, в том числе посуточно, квартир:

«Въ интел. семьѢ

отдается больш. комн. со всѢми удобст., тел. 101-15. Загородскій пр. 70, кв. 7» (Речь. № 234. 5 окт. 1917);

¹ Орфография и пунктуация сохранены.

4) о купле-продаже, прокате:

«ПРОКАТЪ

піанино, отъ 30 р. Литейный, 33. Роза (Речь, № 232, 3 октября, 1917);

5) об обучении:

Гимназія и Реальное учил.

Н. В. Савича.

Новаго типа для лицъ обоего пола.

Бассейная, 23.

Начало занятій 15 октября ...

Канцелярія 6-10 час. веч.» (Речь. № 232. 3 окт. 1917);

б) о проведении аукциона:

«Столичный Аукціонный Заль.

4 и 5 октября, съ 1.30 час. дня,

продолженіе БОГАТАГО АУКЦІОНА

рѣдкаго собранія картинъ русской школы, извѣстнаго коллекціонера г-на К. и части квартирной обстановки въ помещеніи Зала

Мойка, 61 (у Полицейскаго моста). Телефонъ 28-71» (Речь. № 233. 4 окт. 1917);

7) о новинках моды:

«ВНИМАНІЮ ДАМЪ

Англійскіе вязаные жакеты

Maison "CELINE" Троицкая ул. 30» (Речь. № 233. 4 окт. 1917).

Особенность объявлений газеты «Речь» заключается в наличии как оценочной, так и эмоционально-экспрессивной лексики, например:

«У одинокой дамы сдаются 3-4 свѣтл., уютно меблированныя комнаты, окнѣ на улицу, всѣ удобства, цѣна 150 р. Выделенная 7, кв. 49, тел. 632-72»² (Речь. № 232. 3 окт. 1917).

Стоит отметить, что фразеологизм *меблированные комнаты* во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» дается с пометой *устар.* «Гостиница с обставленными мебелью комнатами, сдающимися внаем на длительный срок» [10, с. 248], данное словосочетание не употребляется в современном русском литературном языке и заменяется в объявлениях на словосочетание *комната с мебелью*. Оценочные словосочетания типа очень *дешево*, *редкое собрание*, *известный коллекционер*, *настоящие фарфоровые вещи* и подобные имеют высокую частотность в объявлениях газеты «Речь»:

«ДАЧА-ОСОБНЯКЪ

въ ШВЕЦІИ

очень дешево продается съ участкомъ земли въ 61231 кв. фут., покрытый густымъ сосновымъ и березовымъ лѣсомъ. Справки и болѣе подробныя свѣдѣнія можно получить въ Правленіи соединеннаго торгово-промышленнаго акц. об-ва. Фонтанка, 58» (Речь. № 232. 3 окт. 1917);

² Здесь и далее курсив наш. — А. К.

«Столичный Аукционный Заль.
4 и 5 октября, съ 1.30 час. дня,
продолженіе БОГАТАГО АУКЦИОНА
*рѣдкаго собранія картинъ русской школы, извѣстнаго коллекціонера г-на К.
и части квартирной обстановки въ помѣщеніи Зала
Мойка, 61 (у Полицейскаго моста). Телефонъ 28-71»* (Речь. № 233. 4 окт. 1917).

Автор тем самым раскрывает свою оценку объекта или предмета, описываемого в объявлении, и транслирует положительную эмоциональную окраску текста.

Наряду с оценочной лексикой, в объявлении можно встретить и эмоционально-экспрессивную лексику. Так, в сообщении о распродаже посуды находим оценочную лексику *настоящіе фарфоровыя* и эмоционально-экспрессивную *выборъ огромный* (ср. с нейтральным *большой склад*):

«РАСПРОДАЖА
БОЛЬШОЙ СКЛАДЪ
ИНОСТРАННОЙ ПОСУДЫ.
Настоящіе фарфоровыя ... и хрустальныя вещи
ВЫБОРЪ ОГРОМНЫЙ
Садовая дом 8, кв. 18. Тел. 6-46-84» (Речь. № 235. 6 окт. 1917).

Нагнетание эмоционально-оценочной лексики можно встретить в объявлении рекламного характера о подписке на новое издание:

«ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВОЕ ИЗДАНИЕ:
Ивановъ-Разумникъ.
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ.

Предыдущія изданія этой “Исторіи” (первое — 1907 е., четвертое — 1914 г.) выходили во время *тяжелаго цензурнаго гнета* и поэтому не могли не заключать въ себѣ *нѣкоторой недоговоренности* и въ основныхъ положеніяхъ и въ выводахъ; рядъ главъ *нуждался* поэтому въ дополненія, многое — въ переработкѣ. Все это и сдѣлано авторомъ для новаго изданія...» (Речь. № 232. 3 окт. 1917).

Словарь Ушакова дает следующее определение лексемы «цензура»: «...просмотр произведений (предназначенных к печати, к постановке в театре и т. д.), осуществляемый специальным государственным органом (устар.)» [8, т. 3, с. 571]. Гнет — «жестокое притеснение, угнетение, иго (книжн.)» [8, т. 1, с. 243]. В данном случае наблюдается слияние политизированной и эмоционально-оценочной лексики.

В сообщениях, которые можно классифицировать как объявление-просьбу, присутствует не только эмоционально-экспрессивная лексика (*умоляетъ откликнуться*), но и лексема, требующая уточнения своего значения, — *солдатка*:

«Бѣдная солдатка
умоляетъ откликнуться добрыхъ людей помочь ей съ малолѣтними дѣтьми, гр. реб. и дѣвочка 5 лѣтъ, крайне нуждаюсь, помогите кто чѣмъ можетъ. Адресъ Телѣжная ул, д. 21, кв. 17. А. С.» (Речь. № 232. 3 окт. 1917).

Лексема *солдатка* в словаре С.И. Ожегова имеет следующее значение: «Жена солдата (в дореволюц. России; сейчас — обычно о жене солдата, ушедшего на войну; разг.)» [7, с. 686]. Проникновение в публицистический стиль разговорной лексики носит экспрессивный характер, это сближает публицистический стиль с разговорным. Подобные случаи не единичны, например требует уточнения лексема *медичкѣ* в одном из объявлений:

«МЕДИЧКЪ нужна к-ра съ пансіономъ, на Петроградской стор., телеф. 72-74 или лучше письменно В. Дворовская, 32, кв. 24. Х. Ш. Модоръ» (Речь. № 231. 1 окт. 1917).
Медичка — «(разг.) Женск. к медик» [10, т. 2, с. 243].

В одном из приведенных ранее примеров (см. п. 2), содержащих сведения о предложении и поиске работы, требует уточнения лексема «бонна-фребеличка».

Толковый словарь Д.Н. Ушакова дает следующие определения: «Бонна — (дореволюц. и загр.) воспитательница маленьких детей в семье, с положением выше няньки и ниже гувернантки» [8, т. 1, с. 94]. Фребеличка — «воспитательница детей дошкольного возраста по методу немецкого педагога Фребеля. Слушательница курсов, подготовляющих таких воспитательниц (дореволюц.)» [8, т. 3, с. 535]. Фребелевские курсы в дореволюционной России были в числе немногих учебных заведений, готовивших дошкольных работников, большинство из которых становились домашними воспитательницами в состоятельных семьях.

Прием уточнения использован и в объявлении, тематика которого связана с обучением (см. п. 5). Здесь упоминание о том, что образовательное учреждение *новаго типа для лицъ обоого пола*, необходимо для прояснения деталей вопроса, разъяснения сказанного, так как совместное обучение не было широко распространено. Данный прием можно отнести к явлению экспрессии в публицистическом стиле, что обычно наблюдается, когда уточнение применяется без различия в значении. Так, в одном номере газеты «Речь» читаем два объявления, стоящие рядом и включающие в себя прием уточнения: «въ конторѣ или комитетѣ», «въ учрежденяхъ или конторахъ». В первом случае употреблены лексемы с разным значением — «учреждение» и «исполнительный орган». Во втором — лексемы с одинаковым значением (*контора* — «учреждение»). Полагаем, что допущена авторская стилистическая ошибка:

«ИЦУ МЪСТА
въ конторѣ или комитетѣ.
ивановская ул., д. 13, кварт. 7, телефонъ 68-60» (Речь. № 233. 4 окт. 1917);
«Инт. челов. сред. лѣтъ, своб. отъ воен. службы, ищетъ мѣсто секретаря или ... въ учрежденияхъ или конторахъ. В. О., 2 к., д. 5, кв. 2. Тел. 414-09» (Речь. № 233. 4 окт. 1917).

На лексическом уровне можно наблюдать наличие иноязычной лексики, например *Maisen «CELINE»* (см. п. 7). В данном случае смысл включения иностранного названия торговой марки состоит в обеспечении яркого эффек-

та, придания ей благозвучия, благодаря чему потенциальный покупатель уверяется в высоком качестве продукции и останавливает на ней свой выбор.

Итак, тематическая группировка объявлений газеты «Речь» за 1917 г. разнообразна. Господствуют рекламные объявления о продаже и покупке товаров или оказании услуг. Происходит становление рекламного жанра, для которого характерно смешение книжного и разговорного стилей, нейтральной и экспрессивно-оценочной лексики. Особенностью объявлений газеты «Речь» является наличие таких языковых средств, как фразеологизмы, официально-деловая лексика, оценочная (в том числе эмоционально-экспрессивная), иноязычная, книжная лексика. Подобные приемы, характерные для публицистического стиля, сближают его с разговорным и официально-деловым стилями русского языка. При помощи использования таких единиц автор объявления может более точно выразить свое отношение к объекту действительности, сделать акцент на важных, с его точки зрения, моментах текста и тем самым проявить свое мировидение. Таким образом, автор рекламного объявления может воздействовать на читателя, управлять его восприятием и пониманием сообщения. Исходя из этого, можно говорить о своеобразном общении между автором и читателем в рекламном дискурсе. В таком случае «ведущая роль в общении принадлежит адресату» [4, с. 20–30; 5, с. 37], т. е. автор-адресант создает высказывание с учетом воспринимающего сознания.

Библиографический список

Источники

1. Речь: ежедневная газета [Электронный ресурс]. 1917. URL: <http://elib.:shpl.ru/ru/nodes/32825> (дата обращения 12.09.2019).

Литература

2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / отв. ред. Г.В. Степанов. 7-е изд. М.: Либроком, 2009. 144 с.

3. Котов Б.С. Газета «Речь» в дни Июльского кризиса 1914 г. // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 4 (37). С. 10–14.

4. Лихачев С.В. Опыт интеракционного анализа общественных надписей // Вестник МГПУ. Сер.: Филологическое образование. №2 (5). 2010. С. 20–30.

5. Лихачев С.В. Опыт интеракционного анализа общественных надписей // Вестник МГПУ. Сер.: Филологическое образование. № 1 (6). 2011. С. 30–38.

6. Рожко В.О. Первая балканская война 1912 года: противостояние или взаимодействие албанцев с членами балканского союза (по материалам газеты «Речь») // Вестник пермского университета. Сер.: История. 2009. Вып. 1 (8). С. 98–103.

Справочные и информационные издания

7. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 14-е изд. М.: 1983. 736 с.

8. Толковый словарь русского языка: в 3 т. / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: Вече, Мир книги, 1935–1940.

9. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исслед.; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз, Полиграфресурсы, 1999.
10. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. / под ред. А.И. Федорова. М.: Топикал, 1995. 608 с.

References

Istochniki

1. Rech': ezhednevnyaya gazeta [E'lektronny'j resurs]. 1917. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/32825> (data obrashheniya: 12.09.2019).

Literatura

2. Gal'perin I.R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya / otv. red. G.V. Stepanov. 7-e izd.. M.: Librokom: 2009. 144 s.
3. Kotov B.S. Gazeta «Rech'» v dni Iyul'skogo krizisa 1914 g. // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2014. № 4 (37). S. 10–14.
4. Lixachev S.V. Opy't interakcionnogo analiza obshhestvenny'x nadpisej // Vestnik MGPU. Ser.: Filologicheskoe obrazovanie. 2010. № 2 (5). S. 20–30.
5. Lixachev S.V. Opy't interakcionnogo analiza obshhestvenny'x nadpisej // Vestnik MGPU. Ser.: Filologicheskoe obrazovanie. 2011. № 1 (6). S. 30–38.
6. Rozhko V.O. Pervaya balkanskaya vojna 1912 goda: protivostoyanie ili vzaimodejstvie albancev s chlenami balkanskogo soyuza (po materialam gazety «Rech'») // Vestnik permskogo universiteta. Ser.: Istoriya. 2009. Vy'p. 1 (8). S. 98–103.

Spravochnye i informacionnye izdaniya

7. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazy'ka / pod red. N.Yu. Shvedovoj. 14-e izd. M.: 1983. 736 с.
8. Tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka: v 3 t. / pod red. prof. D.N. Ushakova. M.: Veche, Mir knigi, 1935–1940.
9. Slovar' russkogo yazy'ka: v 4 t. / РАН, Ин-т лингвистич. исслед.; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз, Полиграфресурсы, 1999.
10. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. / под ред. А.И. Федорова. М.: Топикал, 1995. 608 с.

A.A. Kachanova

Linguistic Features of the Advertisements in the Newspaper «Retch» Issed in 1917

The article regards the linguistic features of advertisements printed in the newspaper «Retch» in 1917. The author describes the typological picture of ads and presents a linguistic analysis of the vocabulary. As a conclusion, the article reveals the linguistic typology of ads, which is a set of lexical expressive means.

Keywords: foreign language vocabulary; advertisement; evaluation; clarification; emotional and expressive vocabulary.

УДК 821.152.1-2

DOI 10.25688/2076-913X.2019.36.4.14

А.С. Якунин

Интертекстуальность и мифопоэтика «мидлендской» трилогии М. Карр

В статье анализируются аллюзии в пьесах современного ирландского драматурга М. Карр — «Мэй» (1995), «Порция Кохлан» (1996) и «На Кошачьей трясине» (1998), — исследованных в сопоставлении с античной трагедией и комедией У. Шекспира. Прослежена интерпретация мотива искупления героинь-матерей, которую автор пьес раскрывает в своем творчестве через ирландский миф.

Ключевые слова: аллюзия; ирландская драма; интертекстуальность; символический план; «мидлендская» трилогия.

Современная ирландская драматургия является одним из наименее изученных аспектов мирового литературного процесса. Среди ведущих ирландских драматургов обоснованно называют Марину Карр (р. 1964), которая в своем творчестве мастерски соединяет достижения современной европейской драмы и национальный колорит. Мир, воплощаемый в творчестве женщины-драматурга, во многом зиждется на феминистской доктрине, включающей в себя экзистенциальное начало. Особенность авторской позиции М. Карр состоит в том, что она выстраивает сцену через реплики изолированных друг от друга персонажей. Например, в одной из ее пьес функцию стены выполняет загадочный антропоморфный образ по имени Занавес — «неопределенного возраста, покрытая с головы до ног парчовым занавесом фигура, ни один дюйм которой не обнажается за все время» [1, р. 5] — рассказчик, голос которого доминирует над образом, воплощает собой разграничение существования мужских и женских персонажей.

Драматург в 1990-е гг. создает пьесы, которые объединяет общее место действия — семейный дом в Мидленде (Midlands), центральной области Ирландии. Детство М. Карр было тесно связано с природой родного края, что отражено в идиллической образности ее ранних пьес. Например, в первой пьесе трилогии — «Мэй» (The Mai, 1995) — закладываются основы мифопоэтики Карр: орнитологической символикой ирландских саг драматургу удается во многом обогатить художественный потенциал произведений. Более того, смерть матери Карр запечатлелась в образе лебедя, ставшем в ее творчестве символом души.

Драматург связывает жертвоприношение как ритуал, восходящий к античному театру, с верой в духовное преображение. Театровед Фрэнк Макгиннесс,

написавший программную заметку «На Кошачьей трясине» к одноименной пьесе Карр, комментировал присутствие древнегреческих аллюзий у драматурга: «Поражаюсь, во что она верит? Это вполне мог быть античный пантеон — Зевс и Гера, Афина Паллада... Невозможно точнее выразить, но в этой пьесе она выражает себя по-древнегречески» [4, р. 87–88]. Справедливо отметить и «метафорическое изображение прекрасных девушек как лебедей, известное не только в греческой, но и в ирландской трагедии» [7, с. 269].

Образ молодости в пьесе «Мэй» (The Mai, 1995) прослеживается и в пьесе-воспоминании «Стеклянный зверинец» (1945) Теннесси Уильямса, сюжет которой развивается вокруг хрупкого мира женского персонажа. В обеих пьесах передано настроение очарованности мечтой, исполнение которой невозможно в настоящем. В своих зрелых пьесах Карр перестанет использовать прием ретроспекции, а действие в них, в отличие от «Мэй», станет разворачиваться в наши дни. При этих положениях физическое пространство действия восстанавливается из локуса воспоминаний, а система образов обретает сложный, аналитический вид, благодаря чему возникает сюжетная предыстория.

Замысел пьесы «Порция Кохлан» (Portia Coughlan, 1996) долго вынашивался драматургом и впоследствии воплотился в литературном проекте, который был поручен Карр Национальным родильным домом г. Дублина [1, р. 189]. Карр объясняет жизнь заглавной героини неизбежностью рока и, как в большинстве своих работ, исследует античную идею судьбы — преследование настоящего прошлым с акцентом на эпичность и трагизм. Главной сюжетной локацией пьесы станет город Белмонт-Вэлли, название которого отсылает к комедии У. Шекспира «Венецианский купец»: вымышленный город Бельмонт, в котором находилось поместье богатой наследницы Порции. Совмещение гендерных ролей в пьесе классика — Порция, переоблачившись в судью, присутствовала инкогнито на суде в Венеции, но в Бельмонте она оставалась исключительно дамой — выполняет функцию маскарада.

Порция М. Карр — замужняя обеспеченная женщина с четырьмя детьми (как и Мэй), которая предстает в двух обликах — духе как сновиденческой сущности и матери как хранительнице очага, в борьбе которых первый вытесняет второй. Выделяя две противоположности, драматург разграничивает в пьесе физический и мифологический планы, в единовременности которых пребывает героиня: ее стремление осуществить выбор настолько сильно, что ей становится трудно отделить сон от яви. Таким образом, реальность Порции утрачивает границы, а ее страхи перед жизнью заставляют потворствовать своим темным наклонностям (алкоголизм, агрессия, апатия) и тем самым избегать родительских обязанностей.

Если добродетели, обращенные против корысти женихов и утраты символа верности, выделяются в облике шекспировской Порции, то у персонажа Карр они утрачиваются. В современной пьесе прослеживается пародия на мотив выбора: если намерение каждого претендента на руку героини У. Шекспира

ассоциируется с избранным им ларцом — золотым, серебряным или свинцовым, то три мужских персонажа в пьесе М. Карр, несмотря на различие их типажей, имеют для Порции одинаковую ценность. Деймас Хэлион, бывший любовник Порции, назначает ей ночные свидания на берегу реки, где вновь пытается овладеть героиней, однако у него ничего не выходит; Финтан Гулан, бармен-подхалим, ищет повод, чтобы расчитаться с женщиной за выпивку, но за нее платит тетка Мэгги Дорли, старая проститутка; муж-калека Рафаэль, обративший крупную страховку за травмированную ногу в семейный капитал, остается верным Порции, но совершенно равнодушным к ее депрессивным состояниям. Главное отличие современной Порции от классической состоит в том, что трое мужчин демонстрируют героине Карр те пороки, которым она не может противопоставить собственные добродетели.

Мифологический план вводится с помощью изображения пейзажа реки Белмонта: ее воды навевают женщине призрак прошлого — близнеца Габриэля, утонувшего пятнадцать лет назад. Пойму реки она называет подземельем падшего мира [2, URL]; оно возникло, по преданию, после спустившегося в дольний мир бога Бела (Bel) ради спасения ведьмы от казни. Сказанием о происхождении места М. Карр пытается установить связь, в которой оба плана являют друг другу дополненную реальность: их значение вытекает из особых метафорических измерений, среди которых можно выделить такие, как «ничейная земля, ловушка замкнутого пространства, мыслеобраз, и <...> дистопия» [6, р. 438]. Участь приговоренной к смерти колдуньи в предании проецируется на судьбу Порции — женщины, одержимой призраками, нерадивой жены и безответственной матери, которой нет места в обществе, — и тем самым подчеркивает трагедийное ядро пьесы.

В памяти героини соединяются значения имен двух дорогих ей людей — Габриэля и Рафаэля. «Единственной причиной, по которой я вышла за Рафаэля, было его имя, ангельское, как у Габриэля, и я надеялась на то, что они сравняются или, по крайней мере, *один станет похож на другого*» [2, URL], — говорит она (курсив мой. — А. Я.). Для Порции не утрачен символический аспект их брака, что становится важным моментом накануне гибели героини в реке. В детские годы у Порции с Габриэлем была сильная эмпатия, которая не прекратилась после смерти брата: их любовь содержала эротический подтекст. Подобные братско-сестринские отношения присутствуют в античном сюжете о Кавне и Библиде Овидия. В судьбе этих близнецов виден элемент запретной любви — инцест, который также оборачивается самоубийством сестры.

Меланхолия, как явствует из пьесы, давно подточила силы Порции; по-тусторонний мир водной стихии, сопряженный со смертью, стал новым влечением Порции, из-за которого она «маялась, как рыба на крючке» [2, URL]. Обстоятельства гибели Габриэля усугубляются еще и тем, что Порция была очевидицей его суицида; более того, у близнецов была договоренность вместе уйти из жизни, однако в последний момент у героини не хватило сил на этот

шаг и сестра смотрела, как брат тонет. Символично, что она прожила половину своей жизни, которая была духовно наполненной, с братом. Другую же половину — телесную — она уделила мужу Рафаэлю, родив ему четырех детей.

Линейная последовательность пьесы искажена: между первым и третьим актами, в которых Порция еще жива, симметрично помещается финал пьесы. За ссорой с мужем, по сюжету, следует исход: героиня утопилась в реке Белмонт. Однако перед своей кончиной, по фабуле пьесы, она мирится с Рафаэлем, последний раз выполняя свой материнский долг — приготовление семейного ужина. В начале второго акта ее тело лебедкой поднимают со дна реки — авторская ремарка передает всеобщее удивление: «Хореография: все одновременно делают шаг назад, когда Порция показывается из реки. Все одновременно замирают, когда тело оказывается на самом верху». Мертвая женщина, с которой «течет вода, она вся в тине, водорослях, кувшинках, лягушачьей икре» [Там же, URL], мифически преобразилась: даже после смерти на ее долю выпадают не только плач и соболезнования, но также скандалы и откровения. Жизнь и смерть Порции Кохлан — это две стороны одной медали.

Трагедия рода в пьесе, по замыслу Карр, содержится в тайне кровосмешительства. Отец и мать Порции состояли в родстве — «один отец — матери разные, родились в один месяц» [Там же, URL]. Блейз Скалли, бабка Порции по отцовской линии, допустила брак сына со сводной сестрой и этой тайной десакрализовала их союз. Ее умыслом могла быть месть несостоявшейся любви — желание зла мужу, от которого другая женщина произвела на свет Марианну, мать героини. Во втором акте родители дурно отзываются о близнецах: Слай, рассказывая об инаковости сына в детстве, его тяге к уединению, называет Габриэля «мелким адским отродьем» [2, URL], «позорящим меня и мать бессердечным ребенком» [Там же, URL]. А Марианна, страшась гнева дочери, стыдит Порцию за материнскую халатность: «Дома у тебя бардак, дети растут без матери. Рафаэль все один делает. <...> Не знала бы я, что ты мне дочь, могла бы поклясться, что на меня злобный гоблин устался!» [Там же, URL].

Блейз называет близнецов на поминках Порции подменшами [Там же, URL]. Подменш (changeling) — это мифический образ, которым называют вещь или ребенка, оставляемого эльфами взамен похищенного. Эти существа, подобно исполняющим желания лепреконам, глубоко укоренились в ирландском народном сознании; в литературе и фольклоре они могли беспрепятственно переходить из одного мира в другой, что также приписывалось фейри, банши и другим небожителям. Такие «дети» обыкновенно чахнут с годами и, как заметила Мэгги Мэй, Габриэля «безумного от всех скрещиваний <...> душила атмосфера этого дома» [Там же, URL]. Семейное древо Кохланов обросло суровыми, невыносимыми отношениями, приведшими в итоге к окончательному разрушению рода.

Мидленд — это амбивалентное пространство, по выражению драматурга, «метафора для перекрестков между мирами» [3, р. 68]. Если замыслом трагедии Порции Кохлан могло стать разногласие между телом и духом, то последнюю

часть трилогии — «На Кошачьей трясине» (By the Bog of Cats..., 1998) — М. Карр модифицирует в соответствии с мифологическим планом: смерть способствует обретению дома-покоя. Драматург обожествляет природу, в которой ее героини обитают; тем самым локации Мидленда предстают как места обитания духов. Однако само их существование на границе с миром смертных попадает под угрозу из-за опасности поглощения этого места современным укладом. В контексте пьесы потустороннее указывает на длительную предысторию, связанную с судьбой индивида.

Героиня пьесы Хестер Суэйн, мидлендская цыганка, ведет скромное существование на краю Кошачьей трясины, пределов которой ее род никогда не покидал. Эта фамилия давно утратила в тех краях свою историю, однако для героини до сих пор значимо поверье, что «Суэйн значит “лебедь”» («Swane means swan» [1, p. 275]). Цыганское имя, в отличие от родового, передаваемого из поколения в поколение, имеет большее символическое значение, поскольку наделение именем устанавливает трансцендентные границы. Начало пьесы открывается видом на замерзшую болотную долину, по которой Хестер тащит труп черного лебедя, оставляющий позади кровавый след. Ее находка символична: наполовину обледеневшая птица предстает как часть проклятья матери, по которому героиня будет жить до тех пор, пока Черное Крыло не умрет.

Женщина собирается похоронить лебедя, не выдержавшего перелет через болота, на своей земле (в оригинальном тексте слово «лебедь» женского рода. — А. Я.). Героиню, как показывает М. Карр, одолевает гнев: мать оставила ее в семилетнем возрасте, потому что отец предпочел воспитывать Джозефа, брата Хестер, которого она убила из-за ревности; Картейдж, ее возлюбленный, бросил Хестер с внебрачным ребенком ради помолвки с Кэрлайн, дочерью зажиточного фермера; округа презирала цыганку с болот. Подобно тому как Медей находится в положении чужеземки в Коринфском царстве, так и Хестер позиционируется в Мидленде вне национальной принадлежности. Всему виной цыганская кровь (tinker blood), дарующая власть над сердцами мужчин, чувство единения с природой, пренебрежение к домашнему очагу, специфические обычаи и верования. Хестер гордится ею, поскольку вся жизнь цыганки основана на противостоянии [1, p. 289].

Справедливо утверждение Л.В. Чернец относительно типа персонажа как «понятия, позволяющего сблизить многочисленных литературных героев, часто перешагивая при этом через границы национальных литератур» [8, с. 10] — ирландская цыганка Хестер Суэйн повторяет судьбу колхидской царевны Медеи. В связи с этим пьеса М. Карр считается переложением сюжета трагедии Еврипида «Медей». Обращение к античному произведению неслучайно: в современном мире по-прежнему неискореним дух ярости, одержимости и предательства, который овладевает волевой женщиной, заставляя ее преступить привычные моральные границы.

Однако пьеса нова тем, что изображаемая в ней дилемма возмездия включает возможность выбора для персонажа. На передний план выступают

контрастирующие характеры семилетней Джози и Хестер: невинно-ребяческий и холодный, закаленный годами. На протяжении пьесы Хестер приходит к выводу, что пророчество матери вступает в силу независимо от действий героини, направленных на спасение дочери, нарушение чужой свадьбы и защиту своего места обитания. Благополучием Хестер вероломно распорядился Картейдж, который обратил омытые кровью деньги Джозефа, брата Хестер, в капитал для женитьбы на дочери крупного фермера. Героиня знает, что ее дочь не будет залогом земледельческого альянса, во главе которого станет Кэролайн Кэссиди, будущая жена Картейджа и мачеха Джози при изгнанной матери. Даже накануне свадьбы Хестер остается непреклонной перед угрозами: ни подкуп со стороны Кэролайн, ни выселение Картейджем, ни угрозы расправы Завьером Кэссиди, отца невесты, не отвратили героиню от намеченной цели.

Все унижительные испытания, которым подвергается героиня, — ничто по сравнению с делом непоправимым. Женщина-кошка предостерегает цыганку о грозящей опасности: «...тебя будут строго судить, если станешь продолжать в том же духе» [1, р. 274]. Слепая вешунья сообщает Хестер о своем видении, призывая цыганку к терпению и прямолинейности. В нем Хестер «подобно черному поезду, оставила за собой выжженный след через все болото» [1, р. 273]; она призывает героиню покинуть эти края как можно скорее, однако Хестер говорит, что «не видит разницы между тем, чтобы уйти и чтобы остаться проклятой» [1, р. 276]. Драматизм данной сцены заключает в себе метафору слепоты; оба персонажа по-разному ощущают страх ответственности — в то время как Хестер роет могилу для Черного Крыла, Женщина-кошка винит людей в их слабостях: «Многие [люди] грешат мрачными мыслями, провожая близких в последний путь» [1, р. 276]. В воспоминаниях Хестер возникают ретроспекции — бегство матери, убийство брата Джозефа, присвоение денег Картейджем — события, причиняющие героине душевную боль. Они способствуют раскрытию образа Хестер и делают очевидными ее альтруистические побуждения.

С первого акта транзитивные образы (черный лебедь, поезд, призрак) свидетельствуют об изменчивости границ миров, о грядущих переменах. Убийством дочери Хестер надеется пресечь бесчестие, вхождение людского зла в ее род. Однако жертвоприношение женщины становится точкой схождения двух событий — возвращения Матери и явления Ловчего духа. Сначала героиня не поняла визита призрака, разыскивавшего ее душу в первом акте, — незнакомец возникает преждевременно, как он уклончиво объясняет, по причине неразличения им заката и восхода. Отпускаемое Хестер время оказалось просчетом призрака: «Не может быть — ты жива» [1, р. 266]. Тем самым ряд событий, который произойдет с героиней за текущие сутки, всего лишь отсрочит повторное явление Ловчего духа, но уже не как таинственного пришельца, а как ангела смерти, психопомпа, забирающего души в загробный мир.

Главная цель пьесы — демифологизация национального образа Матери-Ирландии посредством переосмысления жертвы Медеи: Хестер поведала

призраку Джозефа, что забывает Большую Джози с каждым днем [1, р. 320]; фигура матери для нее словно соткана из дымки — это тень прошлого, которым она ни с кем не желает делиться. Единственное, что у нее осталось от родительницы, — это цыганская лирика, воспевающая мимолетность жизни на болотной пустоши. Когда Хестер перерезает горло Джози в финале пьесы, она делает это не столько из мести Картейджу, сколько для спасения дочери от диалектики жизни, обусловленной повторением проклятия. Трагический образ цыганки в финале пьесы делает ее похожей на привидение — героиня окончательно исчезает из физического мира, а ее самоубийство становится ритуалом освобождения [1, р. 341].

Карр в своем творчестве смогла интертекстуализировать характеры ирландских персонажей, привлекая к анализу образы из античной и классической пьес. Мидленд для драматурга стал тем подготовительным этапом, ступенью, на которой сверхъестественное тесно переплелось у Карр с трагедией рода, а именно с трагедией «мужчин и женщин»; по словам самой писательницы, «единственное существенное в нас — это то, что мы умрем и что все для нас станет ошибкой» [5, р. 56]. Таким образом, смерть персонажей становится единственно значимым исходом их вечных поисков: контрапункт жизни и смерти в судьбе Порции Кохлан — осуществление выбора главной героини; превращение Хестер Суэйн в призрак, дух предков — исполнение пророчества Большой Джози.

Судьба персонажей М. Карр не только отражает внутренние конфликты, обеспокоенности и страхи, но и вскрывает пересечения семейных и общественных отношений, в которых сила обстоятельств вынуждает героев действовать вопреки их жизненным установкам. Однако доминирующий в структуре пьес мифологический план, составляющими которого являются речной и болотный хронотопы, замкнут в самом себе. Следовательно, персонажи становятся узниками рокового часа, в который они смогут обрести собственное архетипическое начало (как например, Порция — мужское, а Хестер — женское).

Серией пьес, посвященных Мидленду, М. Карр, с одной стороны, открывает жизнь обитателей ирландской общины, в которой индивидуальности борются за свое существование, свои обычаи, свою память о родном месте; а с другой — как женщина-драматург раскрывает стихийность женского начала, которое является надежной скрепой мифологического и национального измерений Ирландии.

Библиографический список

Источники

1. Carr M. Plays One: «Low in the Dark», «The Mai», «Portia Coughlan», «By the Bod of Cats...». London: Faber and Faber, 1999. 341 p.
2. Антология современной британской драматургии [Электронный ресурс] / М. Карр. Порция Кохлан. URL: <https://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=4609788> (дата обращения: 01.12.2018).

Литература

3. *Lojek H.* The Spaces of Irish Drama: Stage and Place in Contemporary Plays. N.-Y.: Palgrave Macmillan, 2011. 181 p.
4. *McGuinness F.* Writing in Greek: «By the Bog of Cats» // The Theatre of Marina Carr. Dublin: Abbey Theatre, 1998. P. 87–88.
5. *Sihra M.* Marina Carr in Conversation with Melissa Sihra // Theatre Talk: Voices of Irish Practitioners / ed. by Lilian Chambers, Ger FitzGibbon and Eamonn Jordan. Dublin: Carysfort Press, 2001. P. 56–63.
6. *Wallace C.* Tragic Destiny and Abjection in Marina Carr's «The Mai», «Portia Coughlan» and «By The Bog of Cats...» // Irish University Review. 2001. № 2 (31). P. 431–449.
7. *Рус А., Рус Б.* Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе. М.: Энигма, 1999. 480 с.
8. *Чернец Л.В.* Тип персонажа и его эволюция // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 4. С. 8–16.

References*Istochniki*

1. *Carr M.* Plays One: «Low in the Dark», «The Mai», «Portia Coughlan», «By the Bog of Cats...». London: Faber and Faber, 1999. 341 p.
2. Antologiya sovremennoj britanskoj dramaturgii [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=4609788> (data obrashheniya: 01.12.2018).

Literatura

3. *Lojek H.* The Spaces of Irish Drama: Stage and Place in Contemporary Plays. Palgrave Macmillan, 2011. 181 p.
4. *McGuinness F.* Programme Note for «By the Bog of Cats» // Theatre of Marina Carr. Dublin: Abbey Theatre, 1998. P. 87–88.
5. *Sihra M.* Marina Carr in Conversation with Melissa Sihra // Theatre Talk: Voices of Irish Practitioners / ed. by Lilian Chambers, Ger FitzGibbon and Eamonn Jordan. Dublin: Carysfort Press, 2001. P. 56–63.
6. *Wallace C.* Tragic Destiny and Abjection in Marina Carr's «The Mai», «Portia Coughlan» and «By The Bog of Cats...» // Irish University Review. 2001. № 2 (31). P. 431–449.
7. *Ris A., Ris B.* Nasledie kel'tov. Drevnyaya tradiciya v Irlandii i Uehl'se. M.: Enigma, 1999. 480 s.
8. *Chernets L.V.* Tip personazha i ego ehvolyutsiya // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2016. № 4. S. 8–16.

*A.S. Yakunin***Intertextuality and Mythopoetics of the Midland Trilogy by Marina Carr**

The article tackles the allusions in the plays «The Mai» (1995), «Portia Coughlan» (1996) and «By the Bog of Cats» (1998) by a modern Irish playwright M. Carr. The plays are considered in comparison with the ancient tragedy and comedy by W. Shakespeare. The research dwells on the interpretation of the motive of redemption in mothers — characters of the literary works, which the dramatist reveals through the Irish myth.

Keywords: allusion; Irish drama; intertextuality; symbolic plan; «midland» trilogy.

**КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ.
БИБЛИОГРАФИЯ**

DOI 10.25688/2076-913X.2019.36.4.15

**Рецензия на коллективную
монографию «Дидактика перевода:
традиции и инновации»
(отв. ред. Н.Н. Гавриленко.
М.: Флинта, 2018. 223 с.)**

Рецензируемая коллективная монография является комплексным исследованием и представляет интерес для многих филологов, занимающихся сходной проблематикой, а в силу охвата материала это весьма широкий круг ученых. В опубликованном издании освещаются различные аспекты современных научных изысканий в области преподавания иностранных языков, а также вопросы теории, истории и методологии перевода, сравнительной культурологии и методики подготовки переводчиков.

Открывая монографию главой «Общие вопросы дидактики переводческой деятельности», Е.Р. Поршнева обращается к проблемам переводческого образования, отмечая сложность подготовки профессиональных переводчиков «в связи с переходом российского высшего образования на двухуровневую систему обучения» [11, с. 8]. Вместе с тем ученый рассматривает процесс переводческой деятельности, принимая во внимание то, что «для организации эффективного обучения переводу недостаточно обучаться переводческим приемам, необходима разработка целостной дидактической системы обучения данной речевой деятельности, охватывающей все этапы обучения подготовки переводчика» [11, с. 12].

Большой интерес представляет трактовка Н.Н. Гавриленко дискуссионного вопроса о ключевых компетенциях профессионального переводчика. В контексте обновления высшей школы сегодня важное значение имеет вопрос о том, насколько хорошо молодые специалисты подготовлены к своей будущей профессиональной деятельности [8, с. 98]. Реализация компетентного подхода позволяет достичь главной цели образования — способности и готовности

человека к эффективной и продуктивной деятельности в различных профессионально значимых ситуациях. В главе последовательно рассматриваются основные составляющие переводческой деятельности — различные виды компетентности переводчика: *межкультурная коммуникативная, специальная, социальная, личностная, цифровая*, — на основе комбинации которых выстраивается компетентностная модель. Н.Н. Гавриленко подчеркивает, что такая модель представляет собой «открытую систему, опирающуюся на интегративный подход к ее анализу, включающий исследования в области психологии, когнитивистики, лингвистики, социологии, истории и т. д.» [6, с. 54].

Анализируя вопросы нацеленности лингвистического образования на развитие вторичной языковой личности обучающихся, Е.Г. Тарева и А.В. Анненкова отмечают необходимость *учебного перевода*, «который способен обеспечить диалогичность языкового и когнитивного сознания обучающихся и, следовательно, явиться средством межкультурного обучения иностранному языку» [3, с. 60]. Проблема использования перевода при обучении иностранным языкам всегда интересовала методистов, и мнения о его применении значительно менялись в разные периоды развития методики и дидактики перевода. Одним из постулируемых в работе положений является то, что учебный перевод может быть квалифицирован «как средство формирования межкультурной коммуникативной компетенции, активизирующее когнитивные действия обучающихся, направленные на понимание, интерпретацию и выражение смысла иноязычного текста средствами родного языка» [3, с. 63].

Вторая глава коллективной монографии содержит материалы, касающиеся обучения устной переводческой деятельности. Данный раздел открывается работой Е.В. Аликиной и рассмотрением актуальности обучения устной переводческой деятельности на интегративной основе. Вывод о том, что «наиболее разработанными являются два направления: методика обучения переводу в целом, без конкретизации видов, и методика обучения письменному переводу» [2, с. 82], может дать толчок для серьезной дискуссии о востребованности и необходимости создания концепции обучения именно устной переводческой деятельности.

Актуальность исследования В.В. Алексеевой обусловлена решаемыми в его рамках задачами, главной из которых является проблема развития подготовки переводчиков китайского языка. Это определяется «растущим спросом на выполнение всех видов перевода с русского на китайский и с китайского на русский, на языковое сопровождение событий, контактов различного рода, долгосрочного партнерства во всех сферах деятельности человечества» [1, с. 102]. Данные соображения выглядят достаточно убедительно, и особенно важно то, что в контексте проделанного анализа автор предлагает набор компонентов, необходимых для формирования навыков и умений как «наиважнейшего условия успешности подготовки переводчиков к реальным условиям посреднической деятельности, столь востребованной в связи с усилением и умножением контактов между Россией и Китайской Народной Республикой» [1, с. 111].

К концепции подготовки будущих экономистов к устному последовательному переводу обращается Е.В. Белькова. Актуальность и важность обозначенной проблемы обуславливается «необходимостью формирования у студентов экономических вузов профессиональной переводческой компетенции, в том числе в области устного перевода» [4, с. 113]. Общий вывод сводится к тому, что проведенное автором исследование содержит совокупность новых научных результатов и положений, способных оказать «существенное влияние на формирование знаний, умений и профессионально важных качеств, необходимых экономисту при выполнении этого вида перевода» [4, с. 122].

Рассматривая аудитивную переводческую деятельность, М.П. Коваленко обращается к аспектам дискурса переводческого аудирования. Разъясняя взаимосвязь понятий дискурсивного пространства, иллюстрируя материал комплексами упражнений, автор справедливо полагает, что «объектом переводческого аудирования должен выступать погруженный в ситуацию общения звучащий текст как фрагмент дискурса с его лингвистическими, паралингвистическими и экстралингвистическими составляющими» [9, с. 134].

В фокус внимания О.О. Корзун также попадает концепция совершенствования темпа речи переводчиков в контексте устного последовательного перевода. В разделе представлено глубокое теоретическое и практическое осмысление необходимости «пересмотра методических подходов к формированию у будущего переводчика темпоральных характеристик его речи на английском языке» [9, с. 142]. Автор вполне аргументированно обосновывает целесообразность организации целенаправленной работы по совершенствованию оптимальной скорости речи студентов при переводческой деятельности.

Третий сегмент проблем, исследованных в рамках рецензируемой коллективной монографии, связан с обучением письменному профессионально ориентированному переводу.

В частности, изучена модульная методика обучения переводу научно-технических текстов с использованием информационных технологий. Д.А. Алферова систематизировала и обработала принципы обучения переводу специализированных текстов, содержание методической системы обучения, поэтапное формирование компетенций, отмечая недостаточную сформированность актуальных знаний и умений у студентов в области информационных технологий.

Гарантией успеха профессионального переводчика, по мнению Ю.Н. Бирюковой, является совершенное владение переводческим чтением, которое в зависимости от этапа деятельности может приобретать различные особенности. Одним из центральных вопросов работы выступает «алгоритм формирования умений аналитического и поискового чтения на синтезирующем этапе обучения при поиске эквивалентов специальных терминов и внесения их в терминологическую базу переводчика» [5, с. 182].

Актуальность рассмотрения проблем модернизации современного лингвистического образования с точки зрения компетентностного подхода рассмотрена

в статье Е.С. Осиповой. Отдельный акцент сделан на роли формирования новой компетенции — идиоматической, которую автор включает в список профессиональных компетенций переводчика. Е.С. Осипова отмечает, что формирование данной компетенции «с использованием корпусных ресурсов эффективно, так как осуществляется в рамках индуктивного подхода, от частного к общему, от изучения функционирования той или иной ИРЕ¹ в разнообразных контекстах к пониманию значения, от изучения возможных вариантов перевода к нахождению наиболее оптимального переводческого решения» [10, с. 198].

Эта тематика особенно актуальна в контексте поставленной задачи данного раздела: формирования системы ключевых компетенций, определяющих современное качество содержания образования. И.В. Тележко предлагает модель формирования социокультурной компетенции переводчика профессионально ориентированных текстов, «чтобы суметь передать высказывание на родном языке для нового получателя, обладающего отличным от отправителя текста когнитивным багажом, учесть фоновую информацию, все исторические, социальные, культурные, ситуативные факторы» [12, с. 200].

Структура монографии полностью выстроена в соответствии с логикой раскрытия заявленной темы, ее теоретического и фактологического анализа. Изложенные в ней материалы сформулированы предельно четко и отражают предметную сущность проведенного исследования, позволяют оценить объем работы, проделанной коллективом авторов при сборе данных и обработке полученных результатов. Отдельно следует отметить, что предложенные идеи и аналитические материалы сопровождаются наглядной графической интерпретацией.

Библиографический список

Литература

1. *Алексеева В.В.* Концепция содержания обучения переводу с листа деловых писем на китайском языке // *Дидактика перевода: традиции и инновации: коллектив. монография / под общ. ред. Н.Н. Гавриленко.* М.: Флинта, 2018. С. 102–111.
2. *Аликина Е.В.* Обучение устной переводческой деятельности на интегративной основе // *Дидактика перевода: традиции и инновации: коллектив. монография / под общ. ред. Н.Н. Гавриленко.* М.: Флинта, 2018. С. 82–136.
3. *Анненкова А.В., Тарева Е.Г.* Учебный перевод: новый статус в системе формирования межкультурной коммуникативной компетенции студентов // *Дидактика перевода: традиции и инновации: коллектив. монография / под общ. ред. Н.Н. Гавриленко.* М.: Флинта, 2018. С. 60–63.
4. *Белькова Е.В.* Концепция обучения будущих экономистов устному последовательному переводу // *Дидактика перевода: традиции и инновации: коллектив. монография / под общ. ред. Н.Н. Гавриленко.* М.: Флинта, 2018. С. 113–122.

¹ Идиоматическая речевая единица.

5. *Бирюкова Ю.Н.* К вопросу о видах переводческого чтения на различных этапах деятельности переводчика текстов по специальности // *Дидактика перевода: традиции и инновации: коллектив. монография / под общ. ред. Н.Н. Гавриленко. М.: Флинта, 2018. С. 172–183.*
6. *Гавриленко Н.Н.* Ключевые компетентности профессионального переводчика // *Дидактика перевода: традиции и инновации: коллектив. монография / под общ. ред. Н.Н. Гавриленко. М.: Флинта, 2018. С. 27–59.*
7. *Гуляниц А.Б., Гуляниц С.Б.* Проектная деятельность как средство подготовки учителей иностранного языка // *Научное мнение. № 7. 2013. С. 97–100.*
8. *Коваленко М.П.* Дискурс как объект аудирования в устном последовательном переводе // *Дидактика перевода: традиции и инновации: коллектив. монография / под общ. ред. Н.Н. Гавриленко. М.: Флинта, 2018. С. 123–136.*
9. *Корзун О.О.* Концепция совершенствования темпа речи будущих переводчиков (устный последовательный перевод) // *Дидактика перевода: традиции и инновации: коллектив. монография / под общ. ред. Н.Н. Гавриленко. М.: Флинта, 2018. С. 137–150.*
10. *Осинова Е.С.* Формирование идиоматической компетенции на основе ресурсов корпусной лингвистики в процессе подготовки переводчиков в сфере профессиональной коммуникации // *Дидактика перевода: традиции и инновации: коллектив. монография / под общ. ред. Н.Н. Гавриленко. М.: Флинта, 2018. С. 184–198.*
11. *Поршинева Е.Р.* Становление дидактики переводческой деятельности: методологические проблемы и трудности // *Дидактика перевода: традиции и инновации: коллектив. монография / под общ. ред. Н.Н. Гавриленко. М.: Флинта, 2018. С. 8–12.*
12. *Тележко И.В.* Социокультурная компетенция переводчика профессионально ориентированных текстов // *Дидактика перевода: традиции и инновации: коллектив. монография / под общ. ред. Н.Н. Гавриленко. М.: Флинта, 2018. С. 199–217.*

References

Literatura

1. *Alekseeva V.V.* Konceptsiya sodержaniya obucheniya perevodu s lista delovy'h pisem na kitajskom yazy'ke // *Didaktika perevoda: tradicii i innovacii: kolektiv. monografiya / pod obshh. red. N.N. Gavrilenko. M.: Flinta, 2018. S. 102–111.*
2. *Alikina E.V.* Obuchenie ustnoj perevodcheskoj deyatel'nosti na integrativnoj osnove // *Didaktika perevoda: tradicii i innovacii: kolektiv. monografiya / pod obshh. red. N.N. Gavrilenko. M.: Flinta, 2018. S. 82–136.*
3. *Annenkova A.V., Tareva E.G.* Uchebny'j perevod: novy'j status v sisteme formirovaniya mezhkul'turnoj kommunikativnoj kompetencii studentov // *Didaktika perevoda: tradicii i innovacii: kolektiv. monografiya / pod obshh. red. N.N. Gavrilenko. M.: Flinta, 2018. S. 60–63.*
4. *Bel'kova E.V.* Konceptsiya obucheniya budushhix e'konomistov ustnomu posledovatel'nomu perevodu // *Didaktika perevoda: tradicii i innovacii: kolektiv. monografiya / pod obshh. red. N.N. Gavrilenko. M.: Flinta, 2018. S. 113–122.*
5. *Biryukova Yu.N.* K voprosu o vidax perevodcheskogo chteniya na razlichny'x e'tapax deyatel'nosti perevodchika tekstov po special'nosti // *Didaktika perevoda: tradicii i innovacii: kolektiv. monografiya / pod obshh. red. N.N. Gavrilenko. M.: Flinta, 2018. S. 172–183.*
6. *Gavrilenko N.N.* Klyuchevy'e kompetentnosti professional'nogo perevodchika // *Didaktika perevoda: tradicii i innovacii: kolektiv. monografiya / pod obshh. red. N.N. Gavrilenko. M.: Flinta, 2018. S. 27–59.*

7. *Guliyancz A.B., Guliyancz S.B.* Proektnaya deyatel'nost' kak sredstvo podgotovki uchitelej inostrannogo yazy'ka // Nauchnoe mnenie. № 7. 2013. S. 97–100.
8. *Kovalenko M.P.* Diskurs kak ob»ekt audirovaniya v ustnom posledovatel'nom perevode // Didaktika perevoda: tradicii i innovacii: kollektiv. monografiya / pod obshh. red. N.N. Gavrilenko. M.: Flinta, 2018. S. 123–136.
9. *Korzun O.O.* Konceptsiya sovershenstvovaniya tempa rechi budushhix perevodchikov (ustny'j posledovatel'ny'j perevod) // Didaktika perevoda: tradicii i innovacii: kollektiv. monografiya / pod obshh. red. N.N. Gavrilenko. M.: Flinta, 2018. S. 137–150.
10. *Osipova E.S.* Formirovanie idiomaticheskoy kompetencii na osnove resursov korpusnoj lingvistiki v processe podgotovki perevodchikov v sfere professional'noj kommunikacii // Didaktika perevoda: tradicii i innovacii: kollektiv. monografiya / pod obshh. red. N.N. Gavrilenko. M.: Flinta, 2018. S. 184–198.
11. *Porshneva E.R.* Stanovlenie didaktiki perevodcheskoj deyatel'nosti: metodologicheskie problemy' i trudnosti // Didaktika perevoda: tradicii i innovacii: kollektiv. monografiya / pod obshh. red. N.N. Gavrilenko. M.: Flinta, 2018. S. 8–12.
12. *Telezhko I.V.* Sociokul'turnaya kompetenciya perevodchika professional'no orientirovanny'x tekstov // Didaktika perevoda: tradicii i innovacii: kollektiv. monografiya / pod obshh. red. N.N. Gavrilenko. M.: Flinta, 2018. S. 199–217.

*О.А. Сулейманова,
Э.В. Нерсесова*

DOI 10.25688/2076-913X.2019.36.4.16

**Рецензия на монографию В.Б. Катаева
«К пониманию Чехова. Статьи»
(М.: ИМЛИ РАН, 2018. 247 с.)**

В книгу В.Б. Катаева «К пониманию Чехова. Статьи» вошли работы, созданные за последние 10–15 лет. Труды ученого, посвященные творчеству А.П. Чехова и другим вопросам истории русской литературы, давно и заслуженно признаны специалистами, их с удовольствием читают студенты и абитуриенты вузов. В.Б. Катаев на протяжении многих лет возглавляет Чеховскую комиссию Российской академии наук, заведует кафедрой русской литературы в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Новая книга дает возможность читателю познакомиться с размышлениями, открытиями ученого, его взглядами на творчество Чехова.

В книге выделены три раздела: в первый вошли статьи о биографии и личности Чехова, во втором затрагиваются вопросы чеховской поэтики, третий включает в себя работы, посвященные месту чеховского наследия в культурной жизни — не только национальной, но и мировой. Каждая статья может быть прочитана отдельно, но все вместе они, повторимся, представляют целостный взгляд на творчество писателя.

Открывается книга статьей «К пониманию Чехова: “ближний” и “дальний” контексты». Автор анализирует принципиально разные подходы к пониманию литературы, предложенные в свое время М.М. Бахтиным и М.Л. Гаспаровым. Последний, как известно, настаивал на том, что изучение литературного произведения продуктивно только в том времени и в том контексте, когда оно было создано. М.М. Бахтин же предполагал его изначальную незавершенность и считал необходимым установить творческий диалог автора и читателя-интерпретатора. Сопоставляя две точки зрения, В.Б. Катаев закономерно приходит к признанию необходимости синтетического подхода к литературе, когда важными оказываются оба контекста — «ближний» и «дальний» — и предлагает читателю анализ чеховской «Чайки». Мы назвали бы его классическим, образцовым, открывающим в хорошо известной пьесе новые грани и новые

смыслы. Такой подход, утверждает автор, позволяет читателю лишний раз убедиться в неисчерпаемости чеховских произведений.

Большой интерес представляют статьи, посвященные биографам Чехова и новым подходам к изучению творчества писателя, в частности к книге «Остров Сахалин». В.Б. Катаев последовательно разбирает работы биографов Чехова — А.П. Чудакова, Е. Толстой, Д. Рейфилда. Полемизируя с последним, он доказывает, что выстраивание буквальных параллелей между биографией и творчеством часто заводит исследователя в тупик, оказывается непродуктивным, поскольку «связи произведений с биографией у Чехова отнюдь не прямолинейны» (с. 25). С этим невозможно не согласиться.

Говоря о новых подходах к изучению творчества Чехова, В.Б. Катаев перечисляет методологические подходы, вошедшие в научный оборот сравнительно недавно. Речь идет о нарратологии, гендерном анализе, теории коммуникации и др. Особое место в книге В.Б. Катаева уделено полемике с Эвой Томпсон, автором работы «Антон Чехов и русский колониализм: отрицание идентичности в “Острове Сахалине”», которая выполнена в практике постколониалистской перспективы. Это направление «предлагает пересмотреть произведения, принадлежавшие к литературам колониальных держав, империй с определенной точки зрения, а именно: насколько в них представлены проблемы национальной самоидентификации, как изображаются нации, находившиеся в подчинении...» (с. 69). Однако подобный подход В.Б. Катаев подвергает справедливой критике. Любой взгляд на литературу может быть оправдан, пишет автор книги, «если при его использовании соблюдаются нормы научной объективности, доказательности и наука не подменяется политической заинтересованностью» (с. 69). Как раз этого и недостает работе Эвы Томпсон. В.Б. Катаев убедительно доказывает некомпетентность зарубежной исследовательницы: недостаточное знание текста, явные ляпсусы там, где, казалось бы, определяется область ее особого интереса: например, «ей неизвестно, что белорусы и малороссы — это названия разных наций», Чехова же она называет «империалистом», который «показывает свое лицо» (с. 69). Нельзя не согласиться с выводами В.Б. Катаева: «От подобных наскоков великая книга, конечно, не пострадает. Но главное, чтобы, вооружаясь новейшим филологическим инструментарием при ее прочтении в XXI в., не оставляли в веке XIX добросовестность и справедливость как обязательные научные принципы» (с. 71).

Второй раздел рецензируемой книги составляют статьи В.Б. Катаева о поэтике чеховских произведений. Открывают раздел работы, посвященные изучению художественных связей Чехова с его предшественниками. Автор сосредоточивается на чеховских описаниях природы — звуках, красках, запахах. Не секрет, что этот вопрос уже становился предметом научной дискуссии — В.Б. Катаев называет работы А.Б. Дермана, К.И. Чуковского, А.П. Чудакова. Здесь же он рассматривается в логике интертекстуальных связей, которые интересны у Чехова не сами по себе, а в свете тех критериев внутреннего, художественного чеховского отбора, которые использованы писателем при

его переходе «от манеры к манере» (с. 92). Вопрос этот, по нашему мнению, очень сложный, до конца еще не разрешенный. Однако принцип «нахождения своего в чужом», предложенный В.Б. Катаевым, видится нам в высшей степени продуктивным.

Во втором разделе книги читатель найдет много новаторских и даже парадоксальных идей. Наверняка большой интерес у впервые взявшего в руки эту книгу вызовет работа «Чеховские транссексуалы, или Техника “перенесений”». Статья, как мы считаем, перекликается с работой о биографах Чехова. Мы уже упомянули, что В.Б. Катаев подчеркивает непрямую связь биографии и творчества писателя. И эта статья — прямое тому доказательство. Ученый утверждает: «Часто, сделав кого-либо предметом наблюдения и изучения и создавая затем литературный персонаж, Чехов меняет пол этого персонажа на противоположный» (с. 103). Это положение подтверждается многими примерами. Позволим себе комментарий, что начинающие исследователи творчества Чехова, которым часто тяжело дается чтение научной литературы, тут получают большое удовольствие и не будут в претензии к своему научному руководителю, посоветовавшему работы В.Б. Катаева, — статья приглашает читателя в увлекательный мир чеховской творческой лаборатории.

Наблюдения В.Б. Катаева чрезвычайно любопытны: он доказательно находит прототипов героев чеховских повестей в его записках, эпистолярном наследии и т. д. Так, пассажирка парохода «Байкал», обладающая способностью заразительно смеяться, позже превращается в молодого дьякона из «Дуэли». За этим увлекательным расследованием читатель не пропустит важнейшего, с нашей точки зрения, положения: «...на глубинном уровне им (Чеховым. — Т. Д.) утверждалась скорее общность общечеловеческая, нежели неравенство в гендерной сфере. Кажется, косвенно об этом говорит и его техника смены пола у персонажей» (с. 111). Именно этот вывод представляется самым важным: видимо, для Чехова существенную роль играли не только особенности персонажа, обусловленные его половой принадлежностью (их значения никто не отрицает), но и то, что составляет сущность, нутро человеческого, и что определяется уже не полом, а душевной состоятельностью.

Неподдельный интерес вызывает статья «Цирки и кладбища: чеховские топысы». Не будем передавать содержание работы — пересказ никогда не бывает лучше первоисточника, — позволим себе процитировать ее ключевое положение: «Откровенная несерьезность, гротескная бесцеремонность в обращении с темой смерти — давняя, родовая черта циркового искусства, восходящая к древним ритуальным представлениям. Обращение смерти и всего, что ее сопровождает, в фарс и сближает в первую очередь многие произведения Чехова с цирком» (с. 113). Свои наблюдения В.Б. Катаев убедительно доказывает примерами из произведений «Дипломат», «Один из многих», «Душечка» и т. д.

Во втором разделе книги читатель найдет статьи, посвященные дискуссии о жанровой природе комедий писателя, характере развязок, об органической

связи чеховской прозы и драматургии. Завершается раздел компаративной статьей о связи чеховских пьес с творчеством Ибсена.

Третий раздел посвящен месту Чехова в современной культурной жизни. В него входят как статьи исключительно научные («Вишневый сад как элемент национальной мифологии»), так и носящие текстолого-публицистический характер («Некоторые любят погорячее, или Еще раз о купюрах»). И публицистическое здесь отнюдь не уступает по значимости научному. В упомянутой статье В.Б. Катаев описывает поистине драматическую ситуацию, сложившуюся вокруг неизданных писем Чехова. С момента выпуска полного собрания сочинений и писем писателя прошло более 20 лет, за это время найдены новые письма и дарственные надписи. Более того, многие письма напечатаны с купюрами, что вызывает множество недоразумений. Однако обновленное издание писем Чехова так и не состоялось. Невольно соглашаешься с предложенной В.Б. Катаевым аналогией: в одном из писем Чехов вспоминает о старых психопатках, «воображающих, что литераторы гипсовые», — современный читатель Чехова, лишенный возможности знакомиться с его наследием без купюр, как ни прискорбно, оказывается подобен этим несчастным.

Т.Г. Дубинина

**Межвузовская научно-практическая
конференция с международным
участием «Национальный стиль
русской литературной классики»
(2013–2019 гг.)**

В 2019 г. конференция состоялась в Московском городском педагогическом университете (МГПУ) в пятый раз (ранее форум проходил в 2013, 2015, 2016, 2018 гг.) и стала заметным событием в научной жизни Института гуманитарных наук университета, вызвала интерес коллег из вузов Москвы и других городов России, а также из стран дальнего зарубежья — Польши и Венгрии.

Сам термин «национальный стиль», хотя и имеет достаточно давнюю историю, не является широко употребительным в гуманитарных науках, а в применении к литературоведческой проблематике в современном контексте в рамках данной конференции используется едва ли не впервые.

И.-И. Винкельман упоминал о национальном характере в искусстве. В. фон Гумбольдт писал об умении исследователя «увидеть своеобразие национального духа в его полноте», о том, что язык «определяет собою национальный характер», что он сросся «с силой национального духа», что ученому необходимо подняться «до точки зрения духовной силы и национальной самобытности»¹.

Несомненно, выбранное направление научного поиска оказалось востребованным и перспективным. Оно, с одной стороны, в целом позволило выдержать вполне конкретный ракурс исследовательских работ, во всяком случае в наиболее глубоких и репрезентативных докладах, а с другой — дало возможность объединиться ученым-литературоведам кафедры русской литературы МГПУ

¹ Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. 2-е изд. М.: Прогресс, 2000. С. 47.

и более широкому кругу специалистов вне зависимости от изучаемого периода истории русской литературы и фольклора, тех или иных, пусть и крупных, но все же отдельных фигур классиков. Такое объединяющее начало на продуктивной, истинно творческой основе трудно переоценить.

Конференция позволила актуализировать наследие отечественной филологической академической традиции, дополнительно акцентировать основательность и перспективность ее методологии, обозначить пути развития русских научных школ, найти применение сформулированным теоретическим постулатам на новом, подчас новейшем и даже животрепещущем, литературном материале. Учитывая протекающие в современном гуманитарном знании весьма разнородные процессы, в том числе обилие появляющейся новой терминологии, данную конференцию можно назвать по-хорошему консервативной, ибо научная мода приходит и уходит, а добытое с помощью адекватной предмету изучения методологии филологическое знание остается.

Из зарубежных ученых — участников конференции — необходимо отметить профессора Лодзинского университета М. Броду (Польша), автора многочисленных работ о философии К.Н. Леонтьева. В 2013 г. в режиме телемоста пленарный доклад сделал профессор Университета Сока (Япония), бальмонтовед и набоковед Мицунори Сагаэ. В 2019 г. конференцию посетила делегация Вроцлавского университета (Польша) во главе с директором Института славянской филологии, проф. М. Сарновски. С научным докладом выступила д-р филол. наук Э. Тышковска-Каспшак (Вроцлав). Еще один зарубежный участник конференции — доцент Дебреценского университета (Венгрия), специалист по творчеству Л.Н. Толстого А. Молнар.

Постоянными участниками конференции и авторами публикаций являются известные ученые: проф. МПГУ И.Г. Минералова, проф. МГПУ Г.И. Романова (член редакционной коллегии сборника), д-р филол. наук С.А. Макарова, проф. Литературного института им. А.М. Горького Г.Ю. Завгородняя, доц. Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского О.В. Тимашова, доц. МГПУ Т.С. Карпачева, доценты Московского гуманитарно-экономического университета А.А. Аникин, А.Ю. Фомин, канд. филол. наук А.А. Соболева (Московский финансово-юридический университет). Отрадно, что в работе конференции на постоянной основе принимают участие молодые исследователи — аспиранты, магистранты, студенты. Конференция стала важной площадкой для апробации их научных изысканий, для некоторых из них выступление на секции «Национального стиля...» стало дебютным и, несомненно, уже в силу этого запоминающимся.

Специфика конференции 2019 г. состояла в том, что заявленный круг вопросов не только весьма четко выдерживался, но и рассматривался разносторонне и глубоко, с опорой как на филологическую теорию, так и на богатый эмпирический материал из истории русской литературы различных эпох. Это нашло отражение в работе пленарного заседания и трех секций. Так, в докладе д-ра филол.

наук С.А. Макаровой (Москва) «Реформа русского стихосложения XVIII века: теоретическая полемика и поэтические рефлексии» содержались новые и интересные наблюдения над одной из сложнейших и судьбоносных страниц в развитии отечественной поэзии, литературы в целом. Автор сосредоточился на соотношении особенностей национального языка и культурной традиции, с одной стороны, и теоретических основ стихосложения, привнесенных извне, — с другой. В докладе «Феномен литературной ошибки в восприятии русской классики» канд. филол. наук А.А. Аникин (Москва) акцентировал внимание слушателей на проблеме, обычно не становящейся предметом рассмотрения ученых, — так называемых ошибках классиков. Выводы автора любопытны и парадоксальны: ученый видит в неточностях фактического характера не повод упрекнуть в чем-либо отечественных и зарубежных писателей, а аспект стиля и художественного мировоззрения.

В докладе «Русская литература: национальное своеобразие или национальный стиль» д-р филол. наук, проф. МГПУ С.А. Васильев (Москва) с привлечением значительной научной литературы провел сопоставительный анализ между двумя, на первый взгляд, близкими понятиями, применимыми при изучении национального характера той или иной литературы. Результат анализа показывает, что круг особенностей русской литературной классики в целом давно очерчен и вряд ли будет подвержен серьезному пересмотру, в отличие от анализа стиля литературы, который может быть осмыслен как одно из важнейших направлений современной филологической науки. Автор доклада «Мгновение — вечность — история в самосознании человека (на материале русской прозы конца 2010-х гг.)» д-р филол. наук, проф. МПГУ И.Г. Минералова (Москва) обратилась к новейшей русской словесности, сопоставив прозу ведущих современных прозаиков — А. Кима и З. Прилепина. Анализ велся с опорой на богатый фактический материал, а также собственный опыт исследователя и педагога, полученный во время командировок в воюющий Донбасс.

Научная тема и реализующая ее конференция «Национальный стиль русской литературной классики» дала возможность общаться значительному кругу единомышленников, создала уникальную, научно продуктивную и в эмоциональном плане дружескую научную среду.

Важным фактором стабильной работы конференции, ее результативности стали выходящие на постоянной основе по ее итогам научные сборники. Будем надеяться, что данное начинание, успешно зарекомендовавшее себя в течение ряда лет, будет продолжено и далее.

С.А. Васильев

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ», 2019, № 4 (36)**

Абакарова Надежда Гаджиевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

E-mail: n-abakarova@yandex.ru

Беляева Ирина Анатольевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы МГПУ, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: belyaeva-i@mail.ru

Борисова Инна Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии ИГН МГПУ.

E-mail: ivb66@mail.ru

Быстрова Татьяна Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: tassina@yandex.ru

Васильев Сергей Анатольевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы МГПУ.

E-mail: okdomovenok@yandex.ru

Дубинина Татьяна Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: dubinina-tatyana@yandex.ru

Захарова Ольга Константиновна — начальник управления научно-образовательных проектов Государственного научно-исследовательского института информационных технологий и телекоммуникаций «Информика».

E-mail: okz@informika.ru

Игнатьева Тамара Георгиевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германо-романской филологии и иноязычного образования Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева.

E-mail: tamara.ignatieva@mail.ru

Качанова Анна Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин МГПУ.

E-mail: anjalioutaja@yandex.ru

Круглова Елена Евгеньевна — магистрант кафедры русской литературы МГПУ, клинический психолог.

E-mail: elkruglova@list.ru

Клейменова Наталья Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка ИИЯ МГПУ.

E-mail: n.kleimenova@mail.ru

Лызлов Алексей Игоревич — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Военной академии войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского Министерства обороны Российской Федерации.

E-mail: aleksej-lyzlov@yandex.ru

Мальшева Ирина Алексеевна — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН.

E-mail: iamalysheva@mail.ru

Млечко Лидия Евгеньевна — кандидат педагогических наук, учитель русского языка и литературы в негосударственном общеобразовательном частном учреждении «Центр образования “Международная гимназия в Новых Вешках”».

E-mail: lida-vedo@yandex.ru

Мозесон Александра Юрьевна — аспирант кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: alexsolovyova@gmail.com

Нерсесова Элина Витальевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и переводоведения ИИЯ МГПУ.

E-mail: elinai@mail.ru

Попугаева Анна Юрьевна — аспирант кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: annette-po@list.ru

Сладкевич Жанна Ромуальдовна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой прагматики коммуникации и лингводидактики Института русистики и востоковедения Гданьского университета.

E-mail: zanna.sladkevich@gmail.com

Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы МГПУ.

E-mail: alfia-smirnova@yandex.ru

Соколов Александр Иванович — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН.

E-mail: albanev@ya.ru

Сулейманова Ольга Аркадьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой языкознания и переводоведения ИИЯ МГПУ.

E-mail: olgasoul@rambler.ru

Якунин Александр Сергеевич — аспирант кафедры зарубежной филологии МГПУ.

E-mail: ashga93@gmail.com

**Authors of «MCU Vestnik»,
Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education»,
2019, № 4 (36)**

Abakarova Nadezhda Gadzhievna — PhD (Philology), docent, associate professor of the French Language Department, Moscow state Institute of international relations (University) of the Ministry of foreign Affairs of the Russian Federation.

E-mail: n-abakarova@yandex.ru

Belyaeva Irina Anatol'evna — Doctor of Philology, Professor of Moscow City University (MGPU), Professor of Moscow State University named after M.V. Lomonosov.

E-mail: belyaeva-i@mail.ru

Borisova Inna Vladimirovna — PhD (Philology), docent, associate professor of the Foreign Philology Department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: ivb66@mail.ru

Bystrova Tatiana Alexandrovna — PhD (Philology), docent, associate professor of Roman Philology Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: tassina@yandex.ru

Dubinina Tatiana Gennadievna — PhD (Philology), docent, associate professor of Chair of Russian Literature and Folklore, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: dubinina-tatyana@yandex.ru

Ignatieva Tamara Georgievna — PhD, full professor, docent, professor of German and Roman Philology and Foreign Languages Education Department, Krasnoyarsk Pedagogical University named after V.P. Astafiev.

E-mail: tamara.ignatieva@mail.ru

Kachanova Anna Alekseevna — associate professor, Department of Russian language and methods of teaching philological disciplines, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: anjalioutaja@yandex.ru

Kleimenova Natalia Mikhailovna — PhD (Philology), associate professor of the French Language Department, Institute of foreign languages, MCU.

E-mail: n.kleimenova@mail.ru

Kruglova Elena Evgen'evna — master student of the Russian literature department, Institute of Humanities, MCU, clinical psychologist.

E-mail: elkruglova@list.ru

Lyzlov Aleksej Igorevich — PhD (Philology), associate professor of Foreign Languages department, Military Academy of Military Air Defense with the Armed Forces of the Russian Federation named after Marshal of the Soviet Union A.M. Vasilevsky of the Ministry of defence of the Russian Federation.

E-mail: aleksej-lyzlov@yandex.ru

Malysheva Irina Alekseevna — Doctor of Philology, full professor, leading researcher of the Institute for Linguistic Studies (Russian Academy of Sciences).

E-mail: iamalysheva@mail.ru

Mlechko Lidiya Evgenyevna — the candidate of pedagogical sciences, the teacher of Russian and literature in non-state educational private institution «International School in Novie Veshki».

E-mail: lida-vedo@yandex.ru

Mozeson Aleksandra Yur'yevna — postgraduate student of English Philology Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: alexsolovyova@gmail.com.

Nersesova Elina Vital'evna — PhD (Philology), associate professor of Linguistics and Translation Studies Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: elinai@mail.ru

Popugaeva Anna Yurievna — postgraduate student of Roman Philology Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: annette-po@list.ru

Sladkevich Zhanna Romual'dovna — Doctor of Philology, Professor of the University of, Head of the Department of Pragmatics of Communication and Language Acquisition, Institute of Russian and Eastern Studies, University of Gdansk.

E-mail: zanna.sladkevich@gmail.com

Smirnova Alfiya Islamovna — Doctor of Philology, professor, head of Russian Literature department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: alfia-smirnova@yandex.ru

Sokolov Aleksander Ivanovich — PhD (Philology), docent, senior researcher of the Institute for Linguistic Studies (Russian Academy of Sciences).

E-mail: albanev@ya.ru

Suleymanova Olga Arkadyevna — Doctor of Philology, full professor; Head of Linguistics and Translation Studies Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: olgasoul@rambler.ru

Vasilyev Sergey Anatolyevich — doctor of Philology, professor of Department of the Russian literature, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: okdomovenok@yandex.ru

Yakunin Alexandr Sergeevich — graduate student of Foreign Philology Department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: ashga93@gmail.com

Zakharova Olga Konstantinovna — head of scientific and educational projects department, State research Institute of information technologies and telecommunications «Informika».

E-mail: okz@informika.ru

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, русскому языку, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам.

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться следующими требованиями к оформлению научной литературы.

1. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а. л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия на русском языке помещается аннотация (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяет их точка с запятой. Также указывается автор, название статьи, аннотация (Resume) и ключевые слова (Keywords) на английском языке.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка». Также приводится транслитерация библиографического списка в соответствии с ГОСТ 7.79–2000.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [3, с. 147].

6. Рукопись подается в редакцию журнала на электронном и бумажном носителях.

7. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов), отзыв научного руководителя (для аспирантов и соискателей), заверенный печатью и подписью.

8. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробные сведения о требованиях к оформлению рукописи можно найти на официальном сайте журнала: vestnik.mgpi.ru.

Плата за публикацию статей в журнале не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к заместителю главного редактора *Ларисе Георгиевне Видуловой* (Москва, Малый Казенный пер., 5б, каб. 444).

Телефон редакции: (495) 607-76-37.

E-mail: VikulovaLG@mgpi.ru

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»
2019, № 4 (36)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62502 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:
доктор педагогических наук, профессор *Е.Г. Тарева*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденева*

Редактор:

Е.С. Терновскова

Корректор:

К.М. Музамилова

Перевод на английский язык:

Л.А. Борботько

Техническое редактирование и верстка:

Г.П. Васильева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36.
Сайт: vestnik.mgpu.ru

Подписано в печать: 16.12.2019 г.
Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Объем: 9,25 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.